

Виктор Брусницын

Прямо и наискосок

18+

Виктор Брусницин

Прямо и наискосок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51651110

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои — мужчина и женщина, люди с творческим потенциалом: он музыкант, она художник. Их объединяет не только супружество и ребенок, переплетенная, зависимая друг от друга жизнь после развода в России и за рубежом, но и напряженность судеб, которыми торжествующе манипулируют обстоятельства: он становится благополучным человеком, она загадочно погибает.

Часть 1

Седьмое февраля случилось днем ангела Андрея Румянцева, нынче выпало воскресенье. Недели две назад встретил приятеля, тот угрожал на дату прийти с женой. Пришлось сказать маме, та обещала что-то наковырять. Вслед пробуждению явилось громадное нежелание видеть кого-либо, собственно, сам белый свет. Состояние держалось долго, заверещавший недалеко за полдень звонок подчеркнул. Сергея ждал к вечеру, не услышав шагов матушки, тронулся открывать.

В дверях стоял Женя Ширяев, деловой партнер, сделавший Румянцева банкротом, гражданин, соблаздивший его жену, человек, явившийся причиной обвального краха Андрея. Он держал в руках пару бутылок дорогого коньяка, связку баночного пива и настороженно улыбался. Рядом расположился с большим полиэтиленовым пакетом, очевидно, закуской, друг со школьной скамьи Петя Петров. Оба молчали.

Румянцев скривил губы, раскрыл дверь и произнес:

– Не ожидал.

Зашевелилась родительница, начала накрывать на стол. Петя повествовал, как провел Новый год. Поделился и Женя, постарался, несомненно, чтоб выглядело неярко. Пришлось высказаться и Андрею:

– Мы с батей вдвоем, мать в гости уходила. По пятьдесят грамм какой-то бурды накатили.

Напряжения не наблюдалось.

– Вроде как перестановка у вас, – поделился Евгений.

– Матери делать нечего, таскает вещи с места на место.

Перед Новым годом они приходили. Состоялся деловой разговор, Румянцеву сделали несколько предложений. Он от всего отказался.

Первую бутылку кончили быстро, Петя восторженно говорил о проектах, удачных сделках, Евгений вставлял фразы деликатно. О женщинах звука не произнесли. Гостевали недолго, на прощание синхронно сообщили:

– Пока.

Пару часов после ухода Андрей сидел за столом молча, сосредоточено смотрел в скатерть и сосал пиво. Забежала сестра, чмокнула в щеку, оставила коробку конфет – он любил сладости. Ожидая Сергея, вяло слонялся по комнате. Садился, открывал книжку, раз на третий просмотрев одну строку и с трудом освоив смысл, закрывал. Заходил в комнату родителей, тупо пялился в телевизор, удалялся.

К восьми стало ясно, Сергей не придет. Разделся и грузно повалился на постель. Свернувшись в комок и забив под себя одеяло, долго лежал, бессмысленно глядя в плотный мрак. Около десяти встал, зажег торшер. Затем верхний свет и светильник. Взял спортивные брюки и хотел, было, натянуть, но передумал. В трусах прошел на кухню к холодильнику, взял банку пива, начал взбалтывать, вознамерившись пустить струю. Не вышло: облил пол, себя. Извлек еще одну,

проделал то же самое. Получилось удачней, окропил стену вокруг окна. Прошел обратно в комнату, достал записную книжечку, вслух выразился:

– Черт возьми, когда же это было в последний раз.

Улыбнулся, прикинув, что не прикасался к женщине больше четырех месяцев. Решил позвонить Наталье, невзыскательной девице, которую не видел около года, впервые посоветовал на то, что родители принципиально не держали телефон. Из кухни донеслись причитания, в комнату вторглась мать, угрожающе выплескивала:

– Ты совсем рехнулся?

Андрей достал из шифоньера белье и полотенце, безразлично прошел в ванную, походя вяло рекомендовал:

– Отдыхай.

Стоя под душем, посмеивался, слушая, как разоряется в коридоре матушка.

Снял с вешалки пальто, она бросилась вырывать: «Куда поперся на ночь глядя! Не пущу». Румянцев пояснил:

– Иду звонить. Буквально на десять минут.

Мама злобно ухватила одежду.

– Не пойдешь! Гляди, что наделал!

Андрей тоскливо посмотрел на отца, что боязливо жался к дверному косяку:

– Батя, скажи ей. На десять минут, ей богу.

– Андрей, действительно, не стоит, – заныл отец.

Румянцев молча отцепил женщину, накинул пальто. Ко-

гда развернулся, натолкнулся на плотно стоявших в дверях родителей. Мама, женщина грузная, смешно раскинула руки и с театральной отчаянностью выкрикнула:

– Через мой труп!

Андрей недолго постоял, размеренно двинулся в комнату. Объял содержание взглядом, подошел к старой радиоле, с незапамятных времен неизвестно для чего стоящей на серванте, поднял и с гулким грохотом хряснул о пол. Мать робко взвизгнула, в проеме показалось испуганное лицо. Степенно подошел к столу, взял большую, долго служившую вазу, сосредоточенно вытряхнул содержимое и запустил в висевший на стене ковер. Ваза обиженно крякнула, на мгновение прилипла и с неблагозвучным звоном осыпалась. Мама тяжело развернулась и, осунувшись, ушла. Отец, нелепо взмахивая руками, судорожно бормотал:

– Ты что, сынок, ты что!

Андрей, стиснув зубы, вышел.

На дворе лежала усталая темнота. В лицо копал несвежий, засоренный снежной крупой ветер. Набрал номер, пусто слушал гудки, глядя на тусклые фонари окон. Голос из трубки приятно и отчетливо зазвучал:

– Да, я вас слушаю.

– Вечер добрый, Наташу можно? – произнес Румянцев.

– Это я... Алло, слушаю.

Андрей провел рукой по лицу.

– Алло, кто это? – напомнил голос.

«А ведь я не побрился», – подумал член общества, аккуратно повесил трубку и поплелся домой.

Тридцать три года, тот самый возраст. Последние три были наваждением. Пухло разбогател. Теннис, сауна, пятница и суббота непременно ресторан, прочая атрибутика. Активный секс как протестная реализация. Собственно, революция, приятели даже самые в этом вопросе не проникновенные всюду делились победами. Впрочем, из повествований удалился смак достижений, говорилось, как о сделках, предметом обсуждения все чаще становилась степень изошренности.

Однажды, движимый похмельным зудом посетил знакомую, сведущую девицу. Та, в компании с подругой в итоге возбудилась, достали приспособления и устроили сексуальный шабаш. Румянцева, смятого физической активностью дам и буйством воображения, больно поимели фаллоимитатором.

Он предчувствовал, должно воздастся, но к тому, что это произойдет так сокрушительно, оказался не готов.

Вообще говоря, товарищ не помышлял о поприще бизнесмена, тем более такой результативности. Причина была проста, в отрочестве резко проявились способности к музыке и, главное, великая к ней тяга. Лет в тринадцать, случайно заполучив в дом гитару, без тренинга овладел пресловутыми тремя аккордами. К пятнадцати среди сверстников считался

самым музыкальным.

– Слушая тебя, Румянцев, – говаривала учительница по химии (речь шла о самодеятельных концертах), – я вспоминаю Робертино Лоретти.

Он поздно начал, вот, вероятно, что стало причиной отсутствия явной целеустремленности – вместе с общим недоверием к себе, это не пускало Андрея ставить конкретные задачи. В пятнадцать лет взялся за самоучитель по гитаре со смутными мыслями о фундаменте. В пору окончания школы было ясно, для профессионального музицирования пробелы слишком громоздки.

– Андрюша, ты гуманитарий, я вижу, – безапелляционно говорила мама. – Твоя стезя – университет.

Она чаяла видеть его историком.

– Тренькать в кабаках? Подачки собирать? Не знаю, – делал косвенные умозаключения отец.

– Главное – в армию не идти. Можно в горный институт, там проходной балл мизерный. Не потянул, на тройки (триста тридцать третий оборонный завод, откуда в армию не забирали), – утверждали друзья.

Пробовал, тем не менее, Андрей поступить в музыкальное училище, но заведомо уготовил неудачу. Заявил он себя не на вокал, что представлялось естественным, а по части гитары, и когда на первом же экзамене в нем засомневались, не стал искать иные пути, попросту забрал документы.

В политехнический институт поступил непринужденно,

но и без удовлетворения. На третьем курсе без весомых оснований женился. Через полгода в том же угаре безрассудства, даже с некоторой забубенностью, разошелся. Наиболее видимый след за годы учебы оставили стройотряды, точнее, производное их, концертные бригады. Атмосфера бесшабашности, приподнятости, успеха, легкого заработка, наконец, удобно умещалась в натуре Румянцева и даже выявляла признаки характера. Кондовая безалаберность, снисходительность к получению знаний вообще и профессии в частности к моменту окончания вуза предоставили картину полной растерянности перед будущим.

– Андрей, – восклицала мама, массируя кончиками пальцев виски, – ты становишься полным ничем.

– Пора брать себя в руки, юноша, – сооружал строгое лицо отец. Такое обращение показывало крайнюю фазу озабоченности.

В НИИ Румянцев пошел работать по причине нежелания командовать кем-либо и непреодолимого неприятия понятия «рабочая дисциплина». Надо признать, поначалу его даже захватило. Ученая степень была тогда еще престижной штукой, разговоры в этой теме составляли неотъемлемую часть работы, и Андрей с удивлением заметил, что нередко и сосредоточенно помышляет о диссертации.

Не исчезли музыкальные занятия. Слава о парне доползла и до работы, ему, выражаясь фигурально, вменили возможность сварганить небольшую компанию для празднич-

ных процедур. Случалось музицировать и старым составом. Собирал, кого получалось, один из давних приятелей Андрея, если выпадал хороший заработок на богатых свадьбах или иных мероприятиях. Поплавал раз с агитбригадой по Енисею.

Странности начались года через три после начала трудовой деятельности. Прежде всего Андрей при всем богатстве выбора женился на невзрачной на невнимательный взгляд девице в затемненных очках с развитой грудью и необычной манерой говорить. В первые же минуты знакомства она заронила подозрение о некоторой деланности, ответив на предложение назвать имя так:

– Вы меня Лескиной зовите. Это фамилия. Имя-то Светлана. Я светлая, пусть это не внешне. – Действительно, она была естественная брюнетка и само лицо казалось смуглым. – Это хорошо, когда что-либо не совпадает... И я вас буду звать Румянцевым. Можно? Я вас знаю.

Румянцев пустился дежурно умничать:

– И давно знаете?

– С год.

– Вы проницательная, я начал себя узнавать буквально на прошлой неделе. И вообще, меня величают Андрей, это означает мужественный и как раз не совпадает. А вам я бы посоветовал быть проще.

Она удрученно призналась:

– Не в состоянии, проще совершенно не по мне.

– Вообще вы что-нибудь принимаете?

– Подарки принимаю, – спокойно поделилась она, – я подарки люблю.

В первый вечер Андрей постарался больше не общаться. Но вскоре довелось встретиться, под шальное настроение захотелось поиздеваться, он разговорился и неожиданно к манере привык. Позже эту ее особенность стал считать непосредственностью, а еще дальше глупостью.

Неестественность женитьбы заключалась в том, что о высоких чувствах речи не было и быть не могло. К моменту сочетания Андрей отчетливо видел, женщины существа слишком доступные, чтоб стоило на них тратить серьезными чувствами. Особой статьей здесь явился практический вывод, что совсем прекрасный пол не охочь до высоких материй – это внутренне было Румянцеву ближе – поведение с пошлецей, а то и хамоватое гораздо эффективней.

Однажды после вечеринки, от начала знакомства прошло месяца два, Андрей проводил Светлану домой и, расставаясь, она покусилась:

– Румянцев, у меня к тебе великая просьба. Двоюродная сестра на сносях, ты все умеешь, достань импортную коляску.

– Через несколько дней позвоню, – случился ответ, – но пробуй и по другим каналам.

– Между прочим, я тоже беременна.

Спустя неделю Андрей привез ей коляску и в ходе разго-

вора спросил:

– Чье, любопытно, произведение в тебе содержится?

Светлана коротко задумалась и твердо произнесла:

– Твое.

Еще через неделю Андрей позвонил и поинтересовался:

– Ну, и дальнейшие твои действия?

– Мне все равно. Как ты скажешь.

Минула еще пара месяцев и при нечастых встречах Андрей тему не муссировал. А когда спросил: «И что у тебя с внутренностями?» – Светлана бесстрастно пояснила:

– Аборт делать поздно. Буду рожать.

Надо сказать, и тогда не начал думать о женитьбе, но период совпал с длительной депрессией, которую высокопарно именовал парень «душевым кризисом». И верно, с ним нечто происходило. Зародившийся было интерес к науке в одночасье исчез – притом обозначилась тема кандидатской диссертации и он поступил в заочную аспирантуру.

По утрам просыпался с предчувствием вынужденного попадания в серый и долгий день. Все реже встречался с женщинами, друзьями, вечерами лениво слонялся по комнате, либо без понимания глазел в телевизор. Случалось, подходил к гитаре и, перебрав бессмысленные звуки, неделикатно ставил инструмент на место.

Когда Светлана была уже на седьмом месяце, Андрей привел ее в загс. Даже не раздеваясь поставили подписи (за свидетелей расписались работники заведения) и, по-деловому

пожав друг другу руки, удалились. Вечером Светлана выпила немного шампанского, Андрей один бутылку коньяка.

Однажды, сыну набралось полгода, из-за совершеннейшего пустяка Румянцев повздорил с начальником лаборатории. После глупых препирательств наш герой твердо заявил:

– Или я поступаю по-своему, или пишу заявление об уходе.

– Пиши, – коротко бросил тот.

Если с женитьбой Андрей так и не понял, что произошло, то уход с работы обнаружил самому неведомые черты. Никаких сожалений не случилось, но спала хандра. Дело происходило весной, Андрей полюбил гулять с коляской, наблюдать за озабоченными прохожими и слушать деловитое щебетание птиц. Внезапно под вкрадчивое прикосновение мягкого и терпкого ветерка в голове начинали роиться звуки и образы. Однажды наполненный неведомой и пряной силой взял гитару и сложил нестерпимо волнующий мотив. Тут же накал слова и целый день потом находился в тумане хмельного восторга. На другой день возбуждение сошло, мотив песенки показался вроде бы слизанным, слова несколько корявыми, однако даже воспоминание о процессе сочинения заставляло биться сердце тревожно.

За месяц Румянцев сляпал песен десять и хоть видел, появляются повторяющиеся фразы в музыке, а слова вообще однотипные, ему казалось, что две-три вещицы получились. Особенно легко возникали мелодии, их он составлял мгно-

венно. Много сложнее выпадало на тексты, здесь бился другой раз по три-четыре дня.

Но главная проблема, конечно, состояла в неудобстве перед окружающими. Жили у родителей, и Андрею, молодому, крепкому мужчине, было совестно заниматься подобными пустяками на глазах у стариков, без того глядящих на него, бездельника, с укором, да и у жены, хоть кроткой, но, очевидно, неудачливой. Между тем нужно было существовать. Отсюда, пожалуй, можно начать отсчет новой, никем не предсказанной и непредвиденной самим жизни.

Необходимо оговорить, что тогда добыча денег приняла гротесковую форму. От не такой уж и доступной возможности музицировать в ресторанах отказывался, на музыкальной ниве даже случайных заработков в итоге не стало. Дело дошло до того, что пустился подрабатывать в ЖЭКе: плотничал, чинил крыши, выполнял разное. Чего ждал, было неясно. Безусловно, отсюда согласился на предложение соседа, Сергея, парня того же возраста поработать на «армян» – они хорошо платили.

Тогда в моду только начали входить так называемые мыльницы – женская обувь пляжного типа, изготовленная из пластиковых материалов. Предприимчивые «армяне» (кавычки, оттого что на самом деле они были езиды, выходцы из Тбилиси, основательно осевшие на Урале) ловко обошли тучную советскую промышленность и наладили подпольное производство.

Цех находился в местечке под названием Кедровое, километрах в тридцати от города. Располагался в трех комнатах неказистого одноэтажного здания с громким названием «Служба быта». По существу производство не было нелегальным, ибо входило в сеть мелких предприятий, объединенных организацией, именующей себя Свердловлоблбувьбыт. Однако по документации цех обязывался производить галантерейные услуги (объединение это допускало), соответственно сумма отчислений в бюджет объединения оказывалась смехотворной в сравнении с достигаемой реально прибылью. Контроля за доходами практически не наблюдалось. От подобных производств и пошли так называемые цеховики.

Организатором всего дела был Азиз, лохотронщик и женой, несколько склонный к ожирению тридцатилетний где-то мужчина. По-русски он говорил без малейшего акцента. «Андрюха, какие проблемы. Диссертация заела? Купим». Румянцев, стесняясь своей неприкаянности, лгал, в том числе Сергею, что до сих пор числится в аспирантуре, кропает диссертацию на дому.

К Андрею Азиз испытывал ласковую снисходительность. Глядя на только вошедшие в моду телевизионные шоу по аэробике, он обращался непременно к нему:

– Андрюха, эту потную бы сюда, а? Вот-вот, в этой позе, а?
Азиз уже тогда был достаточно известным человеком, потому что первые шаги, и вполне заметные, в сфере бизнеса

сделал на самом крупном в городе ремонтном предприятии ВАЗа. В то время люди, работающие там, вызывали интерес и уважение. Он был женат на русской, имел сына. Года через три его убьют, и это будет одно из первых звучных деяний в длинной череде, которые время от времени терпко и интригующе будоражили город.

Сам Азиз нечасто находился в цехе, непосредственно руководили процессом его младший брат Нодар (Надр по паспорту) и специалист по литейному производству – правда, как казалось Андрею, больше теоретик – полный и добродушный Ярем.

– Ерема, понял? По-нашему, Ярем. – Изъяснялся он тоже чисто.

Нодар говорил грязновато и у Андрея вызывал наибольшее любопытство. Смуглый, поджарый, с точеным серповидным носом, он имел манеру закреплять резинкой в пучок длинные, смоляные волосы. Его мутные, безразличные, но странно притягательные глаза – как оказалось, следствие курения травки – выдавали жестокость. Говорил редко, но обильно.

– Мужики, снова в сехе грас! Я прошу, минэ продукция нэ надо, но давайте делать чисто. Что ми, животные свиньи какие-чтоли? Смотри за миной, как это дэлят... – Хватал веник, делал пару бесполезных движений, далее, бросив веник посреди комнаты, в отчаянии вздымал к голове руки. Впрочем, его никто не слушал и убирались, да и то весьма

недобросовестно, лишь в конце смены, справедливо считая это бесполезным занятием.

Работали в цехе Сергей, Вовка, молодой шалопутный парень, брат жены Азиза, и Слава, бывший таксист, как и Нодар, любитель травки, но в отличие от того еще и почитатель зеленого змия. Дня через два после появления Андрея Слава ревниво и недоброжелательно высказался:

– Ты особо здесь работать не рассчитывай, скоро из Тбилиси народ подъедет. Ты – случайный.

Верно, попал сюда Андрей благодаря редкой удаче. Заработки были бешеные, при этом не требовалось особых физических усилий и никакой квалификации. За одну отливку, «удар», Азиз платил рубль. За двенадцать часов смены вдвоем делали по четыреста с лишним ударов. В институте Андрей получал за месяц много меньше. После смены шли спать в расположенное рядом общежитие, через двенадцать часов снова на работу. Процесс был непрерывный, ибо продукция, что называется, шла влет. Нодар с Яремом ежедневно привозили с реализации полиэтиленовые мешки денег.

Удача сложилась из того, что Сергей работал до той поры в объединении, в другом цехе и был специалистом практически по литьевым механизмам. Когда Азиз затеял дело, ему порекомендовали его. Сергей устанавливал машины, настраивал и запускал. Рабочих Азиз привез из Тбилиси – родственники или друзья. Но это произошло позже, а на период раскочки хозяин дал подручному возможность подобрать

подходящего человека. За литьевой машиной Андрей проработал неделю, дальше начали подъезжать основные люди. Однако на подхвате продержался еще пару недель. Деньги получал уже не те, но приличные.

Именно в минуты однообразной работы начали возникать у него мечты о записи своих песен. Вообще говоря, сделать это более-менее качественно при возможностях Румянцева было реально. Но исполнять их пришлось бы составом. Однако как только в воображении появлялся кто-либо кроме нашего парня, удовольствие от фантазий бесследно исчезало. Причин этого не понимал. Станный, необъяснимый бзик – отчего-то никого, даже Светлану к сочинениям своим не подпускал и однозначно не собирался.

На заработанные деньги Андрей купил какие-то шмотки жене, а остальное, правда, по случаю, вбухал в очень качественный магнитофон. Уже имелся плохонький и покупка могла показаться нелепостью, если б он не понимал – это первый, пусть импульсивный шаг. Однако чтоб стать последовательным, Андрею понадобилась бы еще куча дорогой аппаратуры – в его условиях без посвящения понимающих людей в затею реализация невозможна. А тут вставала стена.

Отчетливо стало ясно, он обладатель пунктика, комплекса, идиотизма, наконец, когда состоялась одна запланированная встреча со старым знакомым, имеющим выход на качественную аппаратуру. Андрей готовился, прорабатывал варианты обтекаемого, на уровне намеков, разговора о жела-

нии кое-что записать. Во время встречи обзавелся непреодолимым ступором, так и смолчал, затем ненавидел себя смачно и продолжительно. А после того, как в процессе нескольких пьянок тащил из себя предложение выдать на общий слух «какое-либо-нибудь» и в самые ответственные моменты зов был заглушен неведомым чувством, когда еще и добавился анализ всех последних походов, понял окончательно – бесхарактерен, никудышен, безнадежен.

И как раз здесь судьба совершила дерзкий кульбит.

Сергей, продолжая работать в цехе после ухода Румянцева, время от времени приезжал на два-три дня в город. Непременно сидели семьями с выпивкой, разговорами. Симпатия была обоюдная, тем более жены крепко сблизились. Понятно, Сергею приятно было говорить о работе:

– Что бы они без меня делали! Тут обмотка перегорела. Восемь часов простояли, два проводка связать не могли. Так бы и стояли, пока за мной сбегать не догадались.

– Слущи, дарагой, – обращаясь к Андрею и подражая хозяевам, шутил Сергей, – думаю машина брат. Девятка путовий предлагают, ти как думаешь?

Между тем вскоре общий благостный настрой Сергея стал утихать.

– Блин, – сердечно возмущался он, – там один козел есть. Ти, Сарожа, хороци щаловек, но ти не наш щаловек... Фуфлыжник же на деле последний! Три дня учил его пресс-фор-

му разбирать. Ты, например, за день научился.

Давление, вероятно, присутствовало. Из русских остались двое, он и Вовка. Но тот родственник, а нужда в Сергее как в специалисте уже отпала, сами овладели процессом.

Однажды во время очередной посиделки Андрей, не движимый какими-то предварительными соображениями, а так, с кондачка, спросил:

– Серега, а почему ты сам такое производство не организуешь?

Тот от неожиданности разве не опешил.

– Так это... не знаю... – Впрочем, тут же обрадовался: – А-а, пресс-формы же нет!

Действительно, основная проблема заключалась в пресс-форме. Это была сложная, качественная, требующая высокого профессионализма в изготовлении конструкция. И тут Румянцева осенило, существовал человек, способный изготовить подобную вещь. Но сейчас Андрей смолчал, однако мысль уселась прочно и неспокойно.

Надо же так случиться, что недалеко от этого разговора Румянцев встретит того парня. Об этом персонаже надо сказать особо, потому что события будут складываться при его осязательном участии.

Тесные отношения с Виктором – сверстники кликали его Чайкой (замысловатая производная от фамилии Нечаев) – начались со школы, после эпизода экстравагантного: Чайка

начистил Андрею физиономию.

Это был высокий статный красавец с великолепной шевелюрой, дерзким, даже отчаянным характером и непомерным властолюбием. Он любил устраивать в учебном заведении профилактики. Объекту, заведенному в туалет на перемене его подручными, лениво говорил:

– Ну что, фруктоза. Ходят слухи, что вы испытываете лень к учебному процессу, – и совал кулаком в сопатку.

Естественно, Андрея, в девятом классе переведенного в эту школу, удостоили профилактики. По недоразумению, молва о Чайке его еще не тронула, он сдал сдачи, за что был примерно поколочен. Однако тот вскоре проявил к Румянцеву необъяснимый интерес, они крепко сдружились. Собственно, Виктор первый посвятил нашего друга в практические прелести нездорового образа жизни. В течение последующих лет учебы ребята были, что называется, не разлей вода, и охладели друг к другу через пару лет после школы, когда Андрей окончательно окунулся в жизнь студенческой элиты – Чайка, избегая службы в армии, поступил на оборонный завод (упоминали, трояки).

Охлаждению способствовал случай, который просится в отдельные строки.

Чайка был богат братом, человеком феноменальным и роскошным. Но речь пойдет не о нем, а о мотоцикле, которым тот обладал. Это был агрегат фирмы Ямаха, потрясающая по необычности, тогда и фирму-то плохо выговаривали,

и качеству вещь. По широте Чайки старшего (страшного, говорили во дворе) младший и Андрей пользовали средство передвижения беспощадно.

Как-то раз поехали на Чайкином мотоцикле в деревню. Там жила многочисленная родня Румянцева – мать здесь родилась. Тетка Ефросинья, душа – детство парень у нее провел – пельменями потчевала, брагой: племяш любимый на бравом мотоцикле прибежал, положено. Как смерклось, в клуб прикатили, Андрей за рулем. Перед «парадным» погрел мотором – а как же. Хлопцы деревенские руки жали – вместе в детстве «дурели» – механизм гладили, диковинная штука. Наливали водку в закутке.

– Баской мотосыкл, – говорили уважительно.

– Сто шестьдесят на дублере дали. Когда двое сидят и зад не прыгает, – внушал Андрей.

Девицы шушукались, хихикали, взглядами пестовали. Одна смелая поздоровалась. Спьяну Андрей еле признал – сестра далекая.

– А ты ничо, – комментировал, – подросла.

Девушка на два года всего и младше была, шестнадцати лет.

– Ну, садись, прокачу.

Чайка строго взглядывал:

– Стоит ли?

– Не мохай, – важно ронял Андрей.

Чуть не упал, в бездорожье завез. Сестра и хихикать перестала, так коряво вез.

Через час Андрей распорядился – пылал вечер, кружились лица в хмельном хороводе, бился в груди колючий жар азарта – вязко, шатко направляясь к мотоциклу:

– Поедем, Витек, к братану, браги попьем.

– Брось, едем спать.

– Тут все мое, – кричал Андрей сквозь рев мотора. Чайка плотно прижался сзади.

Уехали недалеко. Вывернули на тракт, Румянцев и скорость большую набрать не успел, когда в дрожащем свете фонаря возникли, приближаясь резво, два робких силуэта. И рядом совсем, готовясь пронестись мимо, вдруг заколыхался один и прынул навстречу.

Случилось следующее. Дорога была узкой: одну сторону ремонтировали и здесь навалены были щедро груды щебня. По стороне где ехал Андрей, шли двое. Когда сравнялись, один обернулся и хорошо пошатнулся – так, что угодил прямо под мотоцикл.

Дальнейшее помнил урывками. Встает с кучи щебня. Чайка что-то делает с мотоциклом. Нудно, отвратительно мешаает нечто в глазу. Андрей шарит рукой и находит небольшой, острый камешек, торчащий в брови. Убирает и шатко, испуганно спешит к мотоциклу.

– Мужики, вы же его убили, – весело бормочет какой-то парень, склонившись вместе с Чайкой к лежащему посреди дороги телу.

– Заткнись, – свирепо цедит Чайка, – сейчас проснется.

Андрей помогает поднять тело, отнести подальше, к воротам стоящей напротив избы. Из уха человека обильно падает кровь. Время скомканными, грязными кусками выплывает и исчезает в вязкой кромешной бездне. О чем-то разговаривает с вдруг образовавшимися откуда-то женщинами Чайка. А, вот:

– Как быть нам?

– Вы у Фроси? Да что алкашу сделается. Полежит, очухается. Если неладно, мы скорую позовем.

Андрей склоняется над безмятежным, невнятно хрипящим телом. Его отнимает Чайка.

– Едем, – коротко, нервно приказывает.

И пустота, хлесткая, горячая обливает мозг.

– Что это! – испуганно спрашивает тетка, показывая на разбитую бровь Андрея.

– С деревенскими подрались, – объясняет Чайка.

Утром Андрей проснулся, будто и не пил вчера. Первое, что увидел – внимательный, осторожный взгляд лежащего напротив Чайки. Страх искристой патокой пополз в оживающее тело.

– Надо сказать тетке, – тихо произнес друг.

Та испуганно заерзала руками и, судорожно переступая, качая громоздкое тело и причитая: «Ох, недаром душа с места сошла», – уторопилась к месту содеянного.

– Вроде тихо, – вынула, вернувшись вскоре.

Андрей устало откинулся на спинку стула, спросил:

– Надо чего сделать по дому?

– И не знаю. Буди, грядку в огороде вскопать.

– Давай лопаты.

– В сенках. – Помолчала. – Ох, сердцу неспокойно. Тожно пойду еще, сведаю.

Тетка пришла, лицо несла каменное, величавое.

– Увезли мужика ночью. На скорой. Изошел хрипом.

Навалилось.

– Едем в больницу, может надо чего, – кипел в отчаянии.

– Не вздумай, – пресек Чайка. – Домой бежим.

– Как же домой – может надо чего!

– Ладно, садись.

Когда увидел, что в больницу Чайка сворачивать не намерен, туже вжался в его спину.

В городе дворовое кодро поило – домой не попал – от-тесняя грядущее, рассказывали тюремные истории. Андрей кичился, нес ахинею бравады... К вечеру, сидели в сквере недалеко от дома, увидел – тетка колышется, с ней жена дяди из деревни же.

– Умер мужик-от, – вякнула испуганно тетя.

– Семь лет, отвечаю, – объявил один дворовый пьянчужка, на дармовое присоединившийся.

Через два часа домой доставили. Там консилиум. Свояка родители – люди большие. Приятели отца, тоже народ немалый. Отослали спать. Поскулил, поплакал в подушку, да и уснул.

Утром в шесть часов звонок. Наряд милиции.

– Одевайся, сынок.

Мама пальцы кусала, не смотрела в лицо.

Мурыжили немало, в отделении нарушителей многонок
пришлось. Спрашивали – выпрастывал. Страшно было, но
терпимо: народ разговором охранял. Первый раз по-настоя-
щему схватило, когда к гаражу привезли – осмотр мотоцик-
ла следовало сделать. Закончили опись, один милиционер
предложил: «Поехали, парень». Пацаны сигареты совали:

– Мы с тобой, Андрюха.

– Живы будем, – с фанаберией кривил щеку Андрей.

И сестра – здесь же толкалась, мать с отцом сил не нашли
– смотрела внимательно, да резко уронила голову и рыданула
горько в скрюченные ладони. Тут в горло и вцепилось. Длань
страшная, деспотическая мяла, корежила.

Самое отчаянье пришло в КПЗ. Привезли в Белоярку
(районный центр, к которому относилось место происше-
ствия), в камеру поместили одинокую – спокойно тогда жи-
лось. Стены корявые, пупырышками набрызг-бетона отвра-
тительные. «Да как же! Мальчонка, недавно восемнадцати
добился – в тюрьму... Не хочу! Страшно!» Такая навалива-
лась жуть, что смерть представлялась единственным спасе-
нием... Примерялся – разбежаться пошибче и башкой в сте-
ну. Абсолютно серьезно. И рвался из глотки крик.

К вечеру подсадили человекка – курицу у соседки ощи-
пал. Он и отобрал отчаянье. Бывалый мужик, сиживал... Че-

рез три дня отец забрал. Под расписку, называлось.

Чем дело могло кончиться, бог ведал. Мужик пьяный был (завклубом, час до того Андрей с ним водку пил). Об одной ноге – шатнуть под мотоцикл могло вполне (парень, что рядом шел, хорошие показания дал, работали с ним). Опять же не по-правилам шли, по другой стороне положено. На Андреев хмель аргументов не нашлось, Чайка скумекал. С другой стороны, шестеро детей осталось – от четырех до двенадцати. Иное дело, двое только кровных, но все одно кормилец. Коротко говоря, три месяца до суда юноша кучеряво пожил. Там и ссора невеликая имела место. С полмесяца прошло после случая, разговор происходил. Чайка что-то доказывал, Андрей в дурном настроении возразил. Тот глаза сузил и произносит:

– Зря ты, мальчик, со мной так себя ведешь.

Андрею бы угодить Чайкиному самолюбию, как делал не единожды, но что-то встало, не пошел кланяться. Так два с лишним месяца не разговаривали. Перед судом Чайка сам пришел.

– Что говорить будем? Надо сверить показания...

«Три года общего режима», – объявил судья приговор. Скрипнули стулья в громоздкой тишине. Еще говорил, затем слово вымолвил – «условно». Спалил Андрюша дотла замусленные родительские сбережения.

Работая на заводе, Чайка неожиданно проявил способно-

сти и приобрел квалификацию высокого специалиста по изготовлению штампов. Даже выполнял один сногшибательный заказ для столпа микрохирургии глаза Святослава Федорова.

Андрей с Чайкой, разумеется, порой встречались, предавались утехам молодости, но уж не существовало нужды друг в друге, общности интересов. Одна такая встреча кончилась весьма злополучно. У общего школьного товарища случился день рождения, на который традиционно собирались старые друзья. Чайка пришел с женой – холостыми оставались Андрей и еще один парень. Присутствовали новые приятели виновника торжества, один из них под конец вечера начал флиртовать с женой Чайки. Дело кончилось тем, что после недолгих препирательств и маханий руками тот сходил на кухню, взял нож и довольно глубоко всунул его в живот оппонента.

В суматохе правонарушитель исчез и пришел минут через пятнадцать после того как прибыли «скорая» и милиция. Он явился переодевшись, в ватнике и плохоньких штанах, войдя, сумрачно объявил:

– Я готов.

Присудили два года, завершив их, Чайка вышел безнадежно озлобленным на жизнь человеком. Андрей пытался устроить другу после звонка хоть небольшие праздники, но так стали духовно далеки, что было тягостно удерживать общение. Вскоре от Чайки ушла жена, он окончательно за-

мкнулся и, придется признать, с облегчением Андрей освободился от некоторого чувства вины.

Обратно на завод Чайка не пошел, а ударился мыть малинку, считалось это прибыльным промыслом. Однако вскоре напарник его к делу охладел, поскольку зимой промышлять приходилось в дальних краях, и жена возбудила претензии – одному же заниматься добычей было несподручно. Именно в период деловой пассивности старые друзья встретились.

– Слушай, – после обмена последними впечатлениями о жизни, сказал Андрей, – может так случиться, что понадобится специалист.

Когда дал раскладку, Чайка необратимо разволновался и даже начал потряхивать Андрея за рукав. Впрочем, Румянцев сам нашел подъем, при очередной встрече с Сергеем не стал устраивать прелюдий и обиняков:

– Вот что, Серега, я нашел человека, который берется изготовить пресс-форму. За качество ручаюсь. Думай.

И Сергей решился... Встретились, выпили две бутылки водки, составили программу действий. Вечер и многое от ночи тогда провел Андрей в чрезвычайном возбуждении. Доходил июнь, Чайка обещал изготовить пресс-форму за месяц, в лучшем случае реализовать продукцию могли в августе, а там кончался сезон. Сергей собирался еще поработать, нужны были вложения. Андрею пока отводилась роль статиста.

Начало сложилось неудачно, уже через неделю выясни-

лось, что изготовить приспособление за месяц нереально – трудно было найти материал, к станкам для обработки материала допускали только на несколько часов в день, и то с большими оговорками. Сергей, надеясь на лучшее, уже спровоцировал размолвку с работодателями и от них ушел. Вообще, он оказался в самом невыгодном положении: от больших заработков сам же отказался, свое дело явно зависало, деньги на раскрутку приходилось вносить в основном ему. Но самое для него щекотливое, если не кусачее, было то, что армяне брали зарок не выпускать дело за границы цеха.

– Мужики, – говорил Нодар еще в зародыше, свирепо хлопая ресницами, – если кто про нас скажет, возьму за яичко и к паталок привяжу.

Азиз при этом молча улыбался и внимательно обводил присутствующих маслянистым взглядом. Что уж было говорить об организации своего дела... Андрей признавался, на месте Сергея он бы на такую авантюру не стронулся. Решающим обстоятельством в пользу наших делег было то, что выпуск продукции хотели организовать анонимно, к тому же Чайка обещал все разборки, если возникнут, взять на себя.

К концу июля стало окончательно ясно, затея провалена, пресс-форма и в половину не была готова.

– Да, сосед, – нервно роптал Сергей, – о тачке мечтал, ка-тается кто-то сейчас на моей мечте.

– Крысы, – зло шипел Чайка, – кругом крысы.

Румянцев в отчаянии разводил руки.

В довершение Азиз все-таки узнал о происках троицы. Поведал о его осведомленности Славка: он поддерживал с Азизом какие-то отношения, хоть в цехе уже не работал и симпатии к прежнему работодателю не испытывал. Встретил случайно Сергея и предупредил. Легко можно представить состояние того, тем более что Чайка, следуя своему обещанию, мог только ответить на наезд. Первый ход оставался за Азизом, и каким он будет, никто не знал. Но случилось так, что весь груз конфликта лег на Румянцева.

Однажды, стоял конец августа, Андрей со Светланой расположились возле подъезда, употребляли погоду. Светлана занималась Артемом, Румянцев безмятежно наблюдал за птичьей кормежкой. Подъехал автомобиль. Из него вышли Нодар и еще один парень. В машине оставались Азиз и водитель. Увидев Румянцева, Нодар удивился, вскинул брови и без плохого сказал:

– Какой судьба! Ты почему здесь находишься?

– Живу в этом доме.

Ясно стало, о соседстве Андрея и Сергея Нодар не знал. По всей видимости, об участии его в каверзе тоже не подозревал.

– Пх, Сарожу мне надо. Скажи, дома-нет?

– Не знаю, – беззаботно ответил Андрей. Он знал, того нет.

Из машины выбрался Азиз, улыбнулся, пожал руку. Пока Нодар отсутствовал, немного поговорили. Но когда посланец

вернулся и «армяне» полезли в автомобиль, неожиданно для себя Румянцев заявил:

– Азиз, мне надо с тобой поговорить.

Немного отошли от машины, напряженным голосом спросил:

– Вы из-за пресс-формы приехали?

Визави пристально посмотрел и, мгновение помолчав, произнес, как бы уговаривая себя:

– Ты, стало быть, в курсе.

– Дело в том, что тут моя инициатива, Серегу я укатал.

Азиз с любопытством поглядел и двинулся к автомобилю, коротко бросив:

– Садись.

У Румянцева внутри тотчас отчетливо засосало, увидел, как задрожал безымянный палец. Бодренько вякнул Светлане: «Я скоро», – полез в машину. Тут же Нодар запальчиво заговорил по-своему, Азиз оборвал короткой фразой.

Далеко не повезли, остановились на кольцевой трассе в относительно безлюдном месте. Вчетвером вышли из машины, водитель остался.

– Вот, пожалуйста, – объяснил Азиз. – Конкурент. Сережу, оказывается, он из цеха убрал.

Ни секунды не размышляя, Нодар ткнул Андрею кулаком в лицо. Тот, отпрянув, сумел немного амортизировать удар. Отскочил, но тут же вернулся на место.

– Подождите, – заговорил горячо, подняв и растопырив

ладони. – Азиз, неужели вы серьезно хотите сохранить монополию? Абсурд! Я бы мог назвать несколько людей уже имеющих пресс-форму. Так не делается!

Нодар молча пошел к машине, полез в нее, достал короткий деревянный черенок. Андрей обмяк и опустил голову. Остановил Нодара Азиз.

– Ладно, садись в машину, – бросил он Андрею и, усевшись сам, спросил: – В каком состоянии механизм?

– В зачатке, – хмуро буркнул Андрей.

– Там пускай и остается.

– Зачем остается? – вспыльчиво вмешался Нодар. – Ты сделаешь и принесешь нам!

– Нодар, я пешка, – разъяснил Андрей. – Там крутые люди и от меня ничего не зависит.

– Ты не понял, что тебе сказали?

Румянцев угрюмо промолчал.

– Выходи, – въехав в городские улицы, рекомендовал Азиз. – Мы еще увидимся.

Месяц находились в напряжении. Но все обошлось. Действительно, появились настоящие конкуренты и, надо полагать, о нашей троице забыли.

Жизнь тем временем погрузилась в осень. Нужно было что-то предпринимать. После некоторой возни с начальством объединения решили открыть цех по изготовлению детской обуви. Основной куш намеревались сорвать будущим летом на мыльницах, но для прикрытия возникла необ-

ходимость вникать в дело неизвестное.

Начали с нуля. Сергей занимался общей организацией, Чайка мастерил инвентарь на подошву, Андрей вникал в процесс изготовления заготовок. «Пути Господни неисповедимы», часто думал он, сидя за швейной машинкой. К концу зимы соорудили первую пару.

Продукция пошла лихо. Наняли двух заготовщиц. Появились деньги. К весне надумали брать еще заготовщицу. В этом качестве Андрей решил устроить жену. Артем ходил в ясли, швейной машинкой Светлана владела.

Надо бы, наконец, вспомнить и о ней, ибо сказать есть что.

После родов Светлана неожиданно преобразилась. Что называется, расцвела. Будучи к ней устойчиво равнодушным в первые месяцы совместной жизни, Андрей с удивлением обнаружил, что она все чаще занимает внимание. При этом приходилось констатировать, что не есть это следствие необходимости тесного общения.

Отчего-то много в ней стало раздражать, но было раздражение не отталкивающим, а скорей ревнивым. Вдруг пустилась, скажем, Светлана пристально следить за собой. Быстро убрала послеродовой живот и приобрела манкую, плотную фигуру. Вообще, и тело жены и поведение ее в постели Андрею нравились, но оттого что это появилось, стало в новинку, зачем-то подспудно настораживало.

Светлана сняла очки и напялила линзы. Это необычайно пошло глазам, появилась туманная, многообещающая пово-

лока. Даже голос стал особенным. Прохожие затеяли плотно-ядно крутить головы, и сам Андрей пустился подглядывать за гражданкой как бы со стороны.

Выпростался вдруг у жены вкус, даже изыск, что, впрочем, просто объяснялось: родители состоялись людьми интеллигентными. Тем нагляднее выпятилось разляпанное мышление, что держал Андрей за непроходимую глупость.

– Света, зачем брать столько сметаны? – шпынял, случилось, он. – Ты же видишь, холодильник сломан. Продукт пропадет!

– Разве я виновата, что он сломан? – искренне недоумевала она.

Раздражала ее полная бесхозяйственность. В пору скудного существования могла на оставшиеся деньги набрать какого-либо никчемного продукта, серьезно заявив притом, что нужно делать запасы. В ней напрочь отсутствовало то, что называют расчетливостью. Причем не только в быту, но и в человеческих отношениях. Как к этому относиться, Андрей не знал и вносил в негатив.

Между тем вынужден был признать, супруга обладает тонким, изящным, пожалуй даже, обаянием, которое наиболее приближенно можно именовать женственностью. И может быть, самой импонирующей чертой явилось отсутствие в ней властолюбия, а то и просто себялюбия. Отметим, этих женских качеств Андрей насмотрелся хотя бы в матери, единственным положительным следствием чего была непре-

одолимая жалость к отцу. Да и первая жена в этом отношении оказалась штучка. Причем с претензиями столь нелепыми, фальшивыми, что впоследствии на проявления аналогичные он испытывал душевную оторопь. Словом, Светлана начала преподносить неожиданные ракурсы и своего отношения к этому Андрей не определил.

Тем временем пробивались ростки разлада в троице. Первоцвет пришелся на образование свободных денег. После очередной крупной реализации (уж раздали долги) Чайка, рассортировав деньги, безапелляционно объявил:

– Мужики, я тут подумал. Денежные дела вести буду я. Берем по пять сотен, остальные дома спрячу. В конце месяца делим весь куш. Так будет удобней.

– Почему это по пять? – возмутился Сергей. – Мне надо восемь.

– О`кей, – бодро снизошел Чайка, – берем нынче по восемь.

Непонятно было, почему «так удобней», почему вообще нужно месяц неизвестно для чего держать деньги холостыми. И совершенно неясно, почему «денежные дела» должен вести Чайка, тогда как естественно это делать Сергею, ибо он был номинально главным по цеху (числился бригадиром) и просто основным организатором... Вечером, во время обмывания Чайка радостно хлопотал с закусками, Сергей удрученно терзался своей мягкотелостью.

Ягодки пошли в конце весны. Достали пресс-форму на

мельницы. Попробовали первую партию. Товар пошел.

Надо сказать, что конкуренция оказалась довольно плотная, но ребята сделали верную ставку. Модель была снята с немецких каталогов, такой не существовало ни у кого. Даже торговавший рядом Ярем – теперь он руководил делом в Кедровом, Нодар и Азиз, видимо, занялись другими вещами – покрутив изделие ребят, уныло заявил:

– Нда, вещь серьезная, ничего не буду говорить.

Пошли деньги, рентабельность составляла порядка тысячи процентов. И обнаружились нюансы. Станным образом изменилось расположение ролей. Сергей с Андреем встали за литьевую машину, что было вполне логично, ибо имелась практика. Чайка занялся общими делами, что тоже, в общем, имело основания, поскольку пресс-формы были закончены, и в свое время парень поработал один. Но если Андрей мирился с положением вещей, то Сергей явно испытывал дискомфорт.

Помимо того, купили старенький автомобиль – без него и впрямь было неудобно – и хоть оформили на Сергея, он имел настоящие права, ездил подавляющим образом Чайка (по липовому удостоверению). Отвозил и привозил Светлану с реализации – торговать поставили ее – и вообще, целыми днями крутился неизвестно где, пускаясь в разные аферы. В связи с этим возникали несуразности, которые крайне раздражали Сергея. Скажем, приходили подозрительные личности и немилостиво спрашивали:

– Где начальник?

– Я начальник, – угрюмо отвечал Сергей.

– Я серьезно, – раздраженно домогался личность. – Красивый такой, Витей зовут.

Сергей зловеще молчал. Андрея это вовсю веселило.

Другое дело, аферы приносили сравнительно небольшой доход, и Чайка добросовестно им делился. Становилось ясно, отношения Сергея и Чайки приобретали остроту. Неудобство для Андрея здесь составляла необходимость держать чью-либо сторону.

Здесь придется отметить, все больший смак в ситуацию принялась вносить Светлана. Она-то уже просто набухла навязчивым, дурманящим цветом. Находясь возле рампы торгового мира, женщина, помимо полной смены гардероба, то ли обзавелась, то ли окуталась, выпростав подспудный, многозаметным шармом. Андрей с неожиданной тревогой, как-то попав на улицу Вайнера, центральное тогда торговое место города, наблюдал за суетой вокруг нее фешенебельных молодчиков и рьяных лиц кавказской национальности.

Но самое навязчивое было бросающееся в глаза влечение Чайки и Светланы друг к другу. Они практически не разговаривали, но вели себя настолько согласованно, что выпростывалось ощущение недоразумения. Однажды и вообще – привезли Светлану на реализацию вместе с Румянцевым, и Чайка по делам исчез – подошел некий ухарь и полюбопытствовал:

– Светик, где муж?

Та незатейливо ответила:

– Витя-то? Сейчас подойдет...

Однако все возмещали деньги. Много было перекаатов, омутов и поворотов, но мошна набухала, сочилась избытками, ввергая в фантазии самые дерзкие, и заглушая нет-нет да выглядывающее предчувствие беды.

Все поставил на свои места очередной дележ денег. Когда собрались, чтобы получить свою долю, Чайка вдруг предложил странное решение:

– Вот что, Серега. Машина на тебя оформлена?

– Ну.

– То есть она фактически твоя. Значит, делаем так. Вычитаем из твоей доли стоимость машины и делим на троих.

Сергей ошалело вытаращил глаза и хлопал губами в полной неспособности что-либо произнести.

– Ты что, дерьма обожрался! – наконец ожил он. – Машиной пользуешься ты один, загубишь ее, а вся амортизация ляжет на меня? Не-ет!

– Я пользуюсь ей для цеха, а не для себя, – спокойно возразил Чайка, но в глазах его зашаял дурной огонек.

– Короче, – нервно чеканил Сергей, – сейчас делим деньги поровну. Придет время, авто продадим, снова деньги поделим.

Прозвучало резонно, но Чайка остался тверд. И Андрей понял, это демарш – человек вознамерился окончательно

взять власть. Собственно, слово оставалось за Андреем. Было понятно, в любом случае просто так дело не кончится, нужен решительный шаг. Он взял сторону Сергея.

На другой день Чайка прибыл пьяный, нехороший.

– Ты что, за рулем? – укоряюще посетовал Андрей.

Чайка прошел мимо, обожгло предчувствием. Сергей напряженно суетился возле обуви. Чайка вдруг пнул по безмятежно лежащему на полу тапку и зло выкрикнул:

– Не надо обувь разбрасывать! Понятно? Не надо!

– Слушай, – дрожащим голосом выдавил Сергей, – нажрался? Так иди домой.

– А ты мне не указывай, – отчетливо и угрожающе спокойно возразил Чайка. – Именно ты... – он ткнул в воздух, будто в живот Сергея, – мне не указывай.

Сергей молча вышел. Андрей с сердцем заговорил:

– Ты чего добиваешься? Нам же вместе работать, возьми себя в руки!

Чайка обмяк и ясным взглядом смотрел на друга.

– Ты, Андрюша, ноль, – едва не ласково произнес он. – Запомни это.

Андрей пошел из комнаты, походя глухо бросив:

– Идиот.

Вскоре зарокотал мотор, Чайка уехал. Андрей и Сергей молчали.

Часа через полтора Чайка заявился снова, чуть живой. Ничего не обсуждая, сели в машину, Сергей за руль, Ан-

дрей сзади, Чайка впереди. Ехали молча. Подъехали прямо к подъезду Чайки.

– Все, – сказал Сергей, – прибыли. – Чайка, не шелохнувшись, смотрел вперед.

– Приехали, – повторил Сергей.

Чайка повернулся к нему и с отчетливой злобой объявил:

– Крысы.

Сергея прорвало:

– Что тебе надо? Какого хрена воду мутишь? – Кипуче махал руками.

Вдруг, резво изловчившись, Чайка поймал его кисть и стукнул о руль. Сергей резко оттолкнул обидчика. Тот спешно, коротко, несколько раз ударил Сергея в лицо. Андрей сзади обхватил драчуна и с силой придавил к сиденью. Чайка извернулся и дернул Андрея за футболку, – майка разорвалась с веселым треском. Андрей беспощадно заломил его голову. Когда немного успокоились, Чайка степенно вылез из машины и с предельной ненавистью бросил:

– Ну ладно, волки... поглядим.

На другой день за Румянцевым зашел Сергей. Молчал, но поглядывал с хитрецей. Когда вышли из подъезда, Андрей увидел, что в машине сидит Чайка. Усугубившаяся за ночь и уставшая, было, скверна ожила. Румянцев сел в машину, чувствуя, как натянулась кожа на желваках. Чайка обернулся и сказал:

– Забудь, Андрюха, вчерашнее. Перебрал...

При всем том понятно было, конфликт не исчерпан. Вдобавок неожиданной гранью сверкнула Светлана. Вдруг прянуло от нее холодком отчуждения. Откуда это взялось, Андрей не различил, и уже с удивлением находил в своем поведении несуразные льстивые импульсы. Тем не менее холод проступал все отчетливей. Кончилось тем, что напрямую спросил в чем дело. Явственная досада интонировала успокаивающий ответ, и Андрея ополоснуло горечью тревоги.

Наряду с этим выперла усердно подавляемая и оттого еще более выпуклая взаимность Светланы и Чайки. В увеселительных мероприятиях начал чувствовать себя Румянцев принужденно, и, напротив, Сергей свободно вливался в общее поведение – после инцидента он сдался и ни на что не претендовал. В одну откровенную минуту Андрея озарило, он один.

Случались еще сомнения, желаемое туманило порой действительность, но и это вскоре исчерпалось. Однажды находились в цехе. Приехала с реализации Светлана, в небольшом опьянении – это стало происходить все чаще. У Сергея и Андрея оставалась еще работа. Чайка мечтательно довел до сведения:

– Бухну-ка я, пожалуй, нынче. – Глядя на Светлану, утвердительно спросил: – Кто компанию составит?

Светлана молча отвела взгляд. Через некоторое время обратилась к Андрею:

– Ты еще долго?

Тот кивнул. Светлана взяла сумочку и пошла из цеха.

– Ждать не стану, нужно Артема из яслей забрать.

Чайка крепился минуты три. Хмуро, без сожаления бросив: «Ладно, я по делам, сами доберетесь», – вышел. В комнате вторглась тяжелая тишина.

Домой Андрей прибыл часа через три. Мать с порога гневно наехала:

– Ты управляй немного женой-то. Про сына забыла, пришла вот только, чуть вменяемая.

Андрей прошел в свою комнату. Светлана сидела, безвольно бросив между колен руки, равнодушная, пустая. Бессмысленно смотрела в пол.

– Где ты была?

Немотствовала.

– Я же спрашиваю, – негромко сказал Андрей.

Ответила не сразу:

– У Виктора. Мы выпили немного.

Андрей, стиснув рот, схватил ее за волосы, с силой давя их, выкручивал голову. Неутоленный отпустил и, немного отойдя, глубоко, размашисто ударил кулаком в бок. Светлана с хрипом выдохнула и оползла на пол.

В это время позвонили. Андрей вышел из комнаты. Мать впустила Сергея с женой и двумя бутылками водки. Румянцев улыбнулся и, сказав: «Проходите на кухню», – вернулся. Светлана уже стояла у зеркала, равнодушно глядя на изображение, оправляла волосы.

Все разрешилось недели через две. Надо отметить, спрос на изделие упал – кончился сезон. В цехе установились странные, оцепенелые отношения. Со Светланой Андрей практически не разговаривал: он ни о чем не спрашивал, она не оправдывалась.

После очередного дележа надумали попить. Поехали на Лесное кладбище, расположенное недалеко от города. Повез их туда один знакомый, он часто общался с ребятами, помогал с сырьем и вообще сложился душевным человеком. Кладбище оказалось милым: бильярд, настольный теннис, небольшой бассейн, феноменальная старушка, сторожиха, тетя Паня, из своих шестидесяти лет половину отдавшая зонам. Смачным матом и нелепой болтовней она быстро привела компанию в умиление. Исподволь все почувствовали себя уютно.

Чайка был в ударе. Он беспрерывно и удачно шутил: женщины – кроме Светланы, присутствовала жена Сергея – млели. Обыграл всех в бильярд, теннис. К полуночи устроили танцы. Светлана сидела рядом с Андреем. Он встал, притронулся к ней.

– Пойдем, потанцуем.

Светлана не шелохнулась. Андрей отошел и налил себе водки.

Минут через пять появился Чайка. Заиграла музыка. Он беспрекословным жестом, двумя пальцами поманил Светлану. Та немедленно встала. Андрей ушел в дом.

Где-нибудь через час Андрей подошел к Чайке и сказал:
– Пойдем-ка в лес, поговорить надо.

Чайка усмехнулся и пошел первым. Шли зачем-то долго. Чайка впереди, Андрей за ним. Неожиданно обдало звенящим азартом. Заговорил Румянцев первый:

– У тебя было что со Светкой?

Чайка остановился, безжалостно и напористо бросил:

– Нет пока, но будет.

– Ну и паскуда же ты, – спокойно уведомил Андрей.

Чайка незамедлительно ударил его в лицо. Но попал неудачно. А у Румянцева удар получился. Чайка сильно шатнулся, хоть не упал, покрутив головой и оклемавшись, смотрел на Андрея без вызова. С интересом и без слов разглядывали друг друга, тронулись обратно.

Часа в три ночи поехали в город. Завезли Радика и Чайка распорядился:

– Едем к братану.

Сергей нехотя, за рулем сидеть выпало ему, подчинился. Когда прибыли на место, Светлана, она сидела впереди, вышла первой. И тут Андрей заартачился:

– Серега, я не пойду, отвези меня домой.

– Не дури, – безапелляционно приказал Чайка.

Но начали возражать и Сергей с женой. Пока препирались, не заметили, что Светлана ушла. Увидели ее, когда она уже порядочно удалилась. Сергей тронул машину, Чайка мерзко, грубо заорал. Андрей перегнулся через него, открыл

дверцу и выкинул друга из автомобиля. Сергей испуганно притормозил:

– Ты что, убьется ведь!

– Ничего не делается, – напористо, но ровно произнес Андрей и захлопнул дверцу.

Когда поравнялись со Светланой и Сергей притормозил, Румянцев зло выдавил:

– Езжай, пускай остается.

Тот не послушался, посадил женщину.

Доехали молча. Когда вышли, Светлана степенно, очень по-женски сверху лупанула Андрея по лицу. Тот расчетливо, со смаком ударил ее в губы. Светлана охнула и согнулась, закрыв лицо руками.

Выскочила Татьяна, устроила визг. Андрей сел в машину рядом с Сереей и устало попросил:

– Отвези меня к сестре.

Здесь зашел в ванную и, усевшись на унитаз, спело, от души, роняя длинную слюну, заплакал.

На другой день приехал Сергей.

– Натворили делов, – сказал грубо, недовольно. Помолчав, объяснил: – Чайка цех вскрыл, все формы забрал.

– Поедем к нему, – сразу ошетинился Румянцев.

Вообще, он решил не возвращаться в цех, но теперь следовало как-то поступить. Впрочем, представлялось очевидным, Чайка изготовления не отдаст.

В квартиру позвонил Андрей. Сергей прислонился к стен-

ке возле двери.

– А-а, голубчики, – издевательски пропел Чайка, открыв дверь, и вышел за порог. – В гости пожаловали!

– Ты чего добиваешься! – не без отчаянности претендовал Андрей.

– Вот что, маленькие, – спокойно повествовал Чайка, в глазах горел бешеный огонек, – я вас больше не знаю. А ты, козел, – Чайка ткнул пальцем в грудь Андрея, – напрочь имя мое забудь.

Громко захлопнул за собой дверь.

– Ну и что теперь? – спросил Сергей, когда подъехали к дому.

– Не знаю, – безразлично уронил Румянцев. – Я уйду из цеха, поступай как хочешь.

Дома мать испуганно сообщила, что Светлана с малышом ушла к родителям. Приготовленные, несказанные слова зацарапались и обозначили в груди ледяную, черную яму.

Удивительное началось дня через три. Днем Андрей гулял по городу, ходил в кино, подолгу сидел на третьем этаже ресторана «Космос», непрерывно вглядываясь в просторные панорамы пруда.

Подступала осень. Вымотанное за лето солнце устало роняло на город ровный теплый свет, наделяло игривым глянецом мраморные лужи. Рябая листва недокучливо шуршала, интонируя озабоченный гомон птиц. Снулые прохожие на-

доевшим за лето обликом и решительным безразличием к жизни подтверждали полное отсутствие в чем-либо смысла. Андрей до изнеможения слонялся по улицам без признака попытки что-либо предпринять.

А ночью... Много позже с трепетной сокровенностью вспоминая те дни, Румянцев мнил себя обладателем достойного, волнующего раритета. Даже в самых азартных фантазиях не мог он предположить, что можно удостоиться такого восхитительного, безумного ужаса.

Каждую полночь, подбив под себя одеяло и строго вытянувшись в постели, он заворожено вглядывался в загадочное мерцание прилипших к аспидному стеклу звезд и ждал. Неукоснительно, без всякого намека на усталость наступало. В кровь крадучись, расторопно, с уважением к объекту вползала шикарная, оголтелая боль. Она медленно и надежно наполняла распятое гипнотическим анабиозом тело, напивала капилляры, кости, мозг и превращала организм в чудовищный, гигантский набат – долго, с рвением и дотошностью корежила его. Когда же кожа готовилась лопнуть, и тело должно было взорваться кипящей кровью, ужас вдруг опадал, превращая мир в пустоту, в ноль, в бесконечность.

Самое, может быть, странное было ожидание кошмара. В эти мгновения Андрей переживал неведомую смесь страха и восторга, симбиоз ощущения шаткого стояния на кромке бездонной, кромешной пропасти и непреодолимого влечения сделать шаг.

Эта напасть терзала Андрея восемь ночей. На девятую гость не пришел, и это было тем более удивительно, что признаков усталости кошмары не являли. Однако продолжительное еще время он находился под впечатлением чудес. Здесь отыскался и неприятный момент – должно было признать, что и ничтожного участия собственная воля в мероприятиях не приняла.

Через месяц Светлана вернулась. Сама. Прошла однажды в комнату, где за книгой сидел Андрей, и без видимых эмоций поинтересовалась:

– Существовать вместе будем?

Заговорил горячо, долго, укоряя. Но в сердце билась знойная, шальная радость. И под ночь, зайдя в ванную и запихав в губы сигарету, впервые с опаской попробовал на слух: «Да, парень, а ведь ты влип».

Тем временем к обязанностям приступил сентябрь. Все явственней дышал ветерок влажной прохладой, раздевались деревья, роняя пеструю листву, которая успокаивающе шуршала под ногами, нашептывала осеннюю слякоть. Безудержно гомонили птицы, обсуждая перемену сезона, вливалась в грудь безмятежная, вялая тоска.

Светлана устроилась на работу секретарем, в институт. Начали роптать на рваную деятельность Андрея родители. Жизнь понуждала как-то поступить. И здесь шевельнулся вариант.

В гости постучался Петя Петров, друг тесный с перво-

го класса, душа непритязательная и отзывчивая. Он ведал о всех движениях Румянцева и сочувствовал безоговорочно: Чайку Петя не принимал, ибо бит был тем не единожды. После первой рюмки непрекословно постановил:

– Мне, Андрюха, деньги нужны.

– И только? Я требую большего. – Андрей усмехнулся, барабаня пальцем о стол.

– Автостоянку затеял.

Суть состояла в следующем. Окрыленный доступом зачаточный предприниматель Петя заразился идеей. Не долго смущаясь новизной, гражданин походил по исполкомам и таки одолел одного власть предержащего деятеля на земельный отвод. Затея застряла из-за денег. Теперь он рисовал другу лютые перспективы и тот соблазнился. Опять в деле обозначились три человека и Андрей, потрепанный практикой, сразу обозначил условия.

Место, в районе остановки Южная, выглядело надежно: рядом реэво возводился жилой массив Ботанический. Нашли сетку для ограды, трубы, прочую необходимость. Задешево купили сторожку, бракованный бамовский домик. Почистили, поправили, подкрасили – выглядело вполне респектабельно. На первое время покрыли территорию щебнем. Появились клиенты.

Особого дохода штука пока не давала, но стало весело. Объявилась масса друзей, приятелей и просто хороших людей. На стоянке практически в любое время суток было шум-

но и людно. Андрей принялся попивать... К весне третий учредитель ушел – подвернулось стоящее дело. Появился и доход, без избытков, но достаточно уважительный. Пошла лихая жизнь.

Будучи еще на пороге предприятия, Андрей пестовал мечту обладать и доходом, пусть и невеликим, и свободным временем – теория такое допускала – но практика исказила помыслы до неузнаваемости. Одолевали бестолковая суетня, пустые хлопоты, бесплодные идеи. К весне все это распухло бурным цветом. Андрей приобрел на оставшиеся деньги авто. Якобы подвернулся подходящий случай, который на деле таковым не оказался. Машина требовала денег, нервов, времени. Практически весь день Румянцев проводил на стоянке, жизнь плотно окуталась хмельным, напряженно-никчемным угаром.

Нашлись умельцы и занялись беглым ремонтом автомобилей – Петя с Андреем задумались о строительстве бокса. Поступили предложения о продаже запчастей. И впрямь, удачно сбыли партию лобовых стекол. Благодаря обширности территории, частенько стаивали большегрузные машины из дальних краев. Этими постояльцами неукоснительно заводились заманчивые разговоры.

Прямо на территории стоянки расположилась небольшая, приятно шумящая листвой и птицами рощица, «пионерская комната». Поставили мангал, появилось в изобилии мясо, завелся даже мало не штатный специалист по шашлыкам.

Водрузили с наскоку теннисный стол, и даже изредка баловались шариком. Однако чаще стол служил для содержания бутылок и соответствующих вещей. На такие прелести в пионерской комнате неотлучно мельтешил народ, включая совсем неизвестные, а то и сомнительные личности.

Поначалу Андрей пытался соблюдать контроль, но после нескольких попок, в которые втянули таки его обитатели заведения, опустил руки. Оно и верно, рощица манила безукоризненной тенью, ласковой, как закат, прохладой, душистым, горьковатым дымком и соблазнительными разговорами. Лето обволакивало дурманящей жарой, свободой, захватывающим хаосом. Собственно, пух, чтоб ему.

Вскоре просочился на стоянку и женский элемент. Немудрено, сторожами наняли, главным образом, молодых, живых ребят. В рощице раздался влекущий женский хохоток, и Андрей под пьяную руку однажды соблазнился: раскрутился на ночь в машине (не ночевать дома случалось, подменял якобы кого-либо из сторожей).

Только и Светлана переменялась. В ней окончательно оформилась – Андрей и прежде испытывал легкую щекотку этих особенностей – не то чтобы неукротимость, а внутреннее давление свободы. Андрей все чаще вынужден был с сердечным холодком наблюдать противоречивые, глупые порой, встающие поперек обоснованности совместного проживания, поступки.

Ко всему прочему пустился Румянцев Светлану ревно-

вать. И, как говорится, было где. Светлана неуклонно обрастала вниманием. Институтские шаркуны ввергали ее в длительные разговоры с самыми отчаянными подтекстами. Румянцев явственно ощущал их раздражающий привкус.

– Как полезно, хочется слышать, проводили вы в последнее время жизнь? – доводилось Андрею встречать вопросом поздний приход жены.

– У Ленки была, – лаконично и абсолютно искренне отвечала.

– Нет, близкорасположенная, – доказывал Андрей, пряча за издевательскими нотками пульсирующую горечь страха, – ты у нее не была. Она интересовалась тобой по телефону, и заметь, поразительно трезвым голосом.

– Да? – изумлялась Светлана и невозмутимо опровергала: – Действительно, что это я! Я же к ней вчера заходила... Так на работе же задержалась, у нас банкетец соорудили по случаю именин. Разве я тебя не предупреждала?

Андрей строил на лице смесь отчаянья и негодования.

– Румянцев, – удивленно взглянув на мужа, соболезновала Светлана, – тебе нужно разглядывать эти пустяки?

К зиме стоянка начала покрываться пятнами развала. В угаре хмеля и никчемных хлопот захлебнулись задумки о строительстве бокса, высокой, фундаментальной сторожевой будки, асфальтовом покрытии. Обнаженная без веселой декорации зелени стоянка приобрела сирий, захирелый вид.

На вечный летний гам, лаянье собак и прочие неслухо-

приятные шумы начали роптать жильцы соседнего дома, без того недовольные захватом зеленого райского уголка. Из исполкома пошли комиссии. Неподалеку хваткие, не в пример нашим, дельцы устроили капитальную стоянку. Клиент начал редеть. К тому же пошли угоны. Особенно приятным был первый.

Утром забежал за Андреем всклокоченный, шумный Петька.

– Машину угнали со стоянки! Одевайся мигом!

– Чью? – тревожно отреагировал Андрей.

– Белую семерку. Мужик, что резину тебе продал. Козлы! Я им бошки пооткручиваю и в разные места вставляю.

Событие развивалось так. На стоянку ставил машину один шустрый парень лет двадцати – обрусевший чех. Он якобы принадлежал к одной крутой группировке и был короток с крупными именами – частенько ублажал сторожей бравыми рассказами.

В ту смену сторожил Вова, славный, крепкий паренек, студент горного института. Ближе к полуночи приехал Ян, поставил автомобиль, зашел в сторожку, достал бутылку. Быстренько ее даванули и Вова... отрубился. Утром его разбудил хозяин угнанной машины и проинформировал:

– Я сюда вчера автомобиль ставил. Сегодня его нет.

– Он это, Ян, куш за сто, – бил себя в грудь Вова, отчитываясь перед Андреем и Петей. – Да чтоб я, с полбутылки... Ну подсыпано что-то было, мужики! – Вова зверски лупил

глаза и махал руками.

Милиция лениво составила протокол, скептически оглядев стоянку. Их пассивность оптимизма не внушала. Взялись за дело своими силами. В акцию включилось приятное количество доброхотов.

Вычислили три адреса, где мог быть Ян. На шести машинах устроили засаду. В первом часу он появился. Машину его поставили на стоянку, самого повезли в лес. Незнамо в каких фильмах было высмотрено, но происходящее явно смахивало на нечто гангстерское. В лесу, таинственно перебирающем в глубокой утробе тонущие тени от света фар, Яна за ноги подвесили на дереве. Получилось это неожиданно ловко и быстро, и тот нелепо качался, изгибаясь и маша руками, чем помогал оползти на голову короткому пуховику.

– Руки надо было связать, – веско заметил Петя, когда отошли в сторону и раскурили сигареты. Била мелкая, красивая дрожь.

– Отольются мышке кошкины слезки, – гнусаво и гулко причитал из-под пуховика Ян. – Сволочи!

– Ну что, отдашь машину, гнида? – грозно любопытствовал Вова, докурив сигарету.

– Отольются мышке кошкины слезки, – прохрипел заклинание Ян. Вова подошел и два раза сильно ударил его по оголившейся пояснице.

– Хорош пока, – распорядился Андрей. – Отвязывай.

В конце концов, Ян сознался. Действительно, он подсыпал

в пошло порошок. Назвал место, где стоит угнанный автомобиль. Приехали, машина отсутствовала.

– Тогда не знаю... – обреченно насупился Ян. – Впрочем... – Назвал еще пару теоретических мест.

Его отвезли на квартиру, где жил один из сторожей. Связали, оставили под присмотром хозяина. Разъехались. В шесть утра Ян развязался и сбежал. Хозяин бросился вслед, но нарушитель в носках сиганул на улицу. Бросился на проезжавшую машину и получил небольшой удар. Авто остановилось, полномочий забрать плохиша надсмотрщик лишился.

Днем Андрей поехал в милицию, дал новые имена, возможные адреса. Вяло возразили:

– Будем работать.

Вообразите, операция помогла, ибо включились верхние милицейские чины, знакомые пострадавшего – собственность нашли.

Дня через три после эпизода на стоянку приехали четыре десятки (тогда писк). Из них вышли строгие молодчики с клюшками для хоккея на траве. В сторожке сей момент находилось человек пять. Один из парней достал охотничье ружье, которое всегда валялось под диваном. Гости в сторожку не зашли, пересуды велись через окно. Потребовали ключи от машины Яна, и открыть ворота. Угнанную машину тогда еще не вернули и Андрей начал объяснять ситуацию – обрвали.

– Подождут, – коротко объявил Петя.

Андрей вышел и вернул ключи.

Немало на стоянке со вкусом обсуждали приключение, но вскоре злоба дня была перенаправлена. Часа в три ночи сторож заметил троих, возившихся возле автомобиля.

– Вы чего, ребята? – поинтересовался он, почуяв недоброе.

– Пошел вон, – сообщил один из деятелей и неспешно двинулся к сторожу. В руке его блеснул пистолет.

Сторож отбежал. Издалека начал укорять нехороших. Внутри группировки создалась такая реплика:

– Уйми его, на нервы действует.

Стрелок бросился за сторожем. Тот, часто оглядываясь, побежал. Хлопнул выстрел, сторож вобрал в плечи голову и рванул прочь от стоянки. По телефону-автомату, шумно дыша, поведал дежурному милиции о посещении. Дежурный долго расспрашивал, где расположена стоянка, откуда удобней подъехать, как выглядят злоумышленники и чем конкретно занимаются.

Вернувшись на рабочее место и расположившись так, чтобы его было не видно, но слышно, сторож поделился с оппонентами о своем поступке. Сообщение их не вдохновило. Размеренно продолжали копаться в механизме, пока один из них не догадался:

– Да ну ее в жопу.

Все трое обрадовались и на радостях долбанули пару сте-

кол соседних машин. Убедившись в результате, уселись в совершенно чужой автомобиль и укатили. Через час пожаловали стражи порядка. Пешком: «Все машины в разьезде». Погрелись в сторожке, оглядели повреждения. В итоге оплачивать ущерб пришлось нашим бедолагам. Через несколько дней Петя угрюмо зашел в сторожку, долго сопел, достал из кармана боевой, приятно тяжелый и притягивающий взгляд пистолет и, подав сторожу, отчаянно распорядился:

– Только зашел кто-нибудь на стоянку, лупи прямо в башку. И не рассуждай, умоляю.

Впрочем, тут же пистолет забрал.

Клиент совсем занервничал, постепенно доход упал до минимума. Здесь навалилась очередная притча. Петя по макушку влез в любовную страсть. И люби себе на здоровье, если б это не стало чревато всякими несуразностями, в конце концов, полным развалом дела.

Собственно, руку к явлению приложил Румянцев.

Еще летом в отпуск из Германии приехала приятельница Светланы. Юля работала по контракту вместе с мужем, военным летчиком. Супружеские отношения были неважные еще здесь, на родине (у мужика перед отъездом за границу обнаружилась давняя и прочная связь с другой женщиной). За бугром отношения супруги не наладили. Контракт подходил к завершению, следовал последний отпуск, зимой возвращалась Юля, другим летом летун с дочерью.

Отдыхая в вотчине, Юля часто бывала у Румянцевых, тут

и познакомилась с Петей. Приязнь вспыхнула мгновенно. Уж на другой день у обоих блестели глаза и от фигур шло свечение. Когда она уехала, Петька ошарашено пылал:

– Андрюха, это сказка.

В Германии Юля с мужем купили две поношенные Волги. Одну из них должна была перегнать Юля, другую летом летчик.

В начале февраля Светлане на работу позвонили: Юля с машиной ожидала в Бресте. Заранее было оговорено, что прилетит Андрей. Естественно, полетел и Петя. Вояж оставил массу впечатлений, но относящееся к повествованию приключение произошло под Саратовом.

Километрах в двадцати от города машина заглохла. Время подходило к полуночи. Вокруг лежала степь, прокаленная тридцатиградусным морозом, угрюмо звенящая от нудного, колющего снежной порошей ветра, полная тяжелого, плотного мрака. Царапнутый острым коготком предчувствия, Андрей суетливо вылез из машины и сразу обжегся немилосердным холодом. Срочно нужно было что-то делать, мотор мгновенно замерзал и престарелый аккумулятор только и провоцировал его на больной, предсмертный кашель. Но это была «волга». И Андрей, и Петя ее не знали. Да и что можно было сделать в непроглядной мгле, не имея возможности даже гаечные ключи найти в багажнике, набитом барахлом и всякими дефицитными штуками.

Андрей ушел в машину, Петя ловил попутку. За пятна-

дцать минут проехал лишь один автомобиль, на приличной скорости обогнув их – волга стояла на проезжей части, отчего-то сдвинуть ее на обочину не удалось. В салоне нагнетался пугающий холод.

Петра заменил Андрей. Зябко кутался в воротник, безнадежно поглядывая в черную, гиблую пустоту. Минут через десять мелькнули огоньки. «Грузовик», – подумал с хилой надеждой.

Он стоял впереди мотора, еще задолго до приближения грузовика вытянув руку. А машина приближалась. Уж заплясали радужные осколки лучиков вокруг фар и монотонный рокот мотора пробился сквозь рваный, болезненный стон ветра, когда Андрей понял, грузовик не только не желает погасить скорость, но, и не намерен отворачивать. Когда прострелила мысль, что машина неизбежно наезжает на волгу, Андрей визгливо выкрикнул: «Сука!» – и люто бросился с дороги. Он и звука никакого не услышал, только взорвался в теле удар, словно лопнул гигантский пузырь, внутри которого он находился, и тело, наполненное пружинистым испугом, выплеснулось в белую пустоту.

Как ни странно, первое, что увидел очнувшись, было лежащее прямо на лице бездонное, исключительно ясное небо, с разбросанными невпопад нежно переливающимися звездами. Когда в тело вкрадчиво и напористо проник звенящий жар боли, небо растворилось и хлынул кипящий поток сознания.

– Андруха, ты живой! Я знаю, ты живой! – услышал он плачущее, насмерть перепуганное бормотание Пети.

Румянцев помотал головой, почувствовал, как в шею набился сухой, шершавый снег. Приподнял голову. За руки его потянули Юля с Петей. Оперся на ноги и вскрикнул от удара резкой боли. Кое-как его всунули в машину. И здесь подъехал еще один автомобиль.

Случилось следующее. Шофер грузовика успел так отвернуть, и шибанул волгу вскользь. От удара легковушка скакнула вперед и достала боком Румянцева. Грузовик снесло с дороги и перевернуло. Петя и Юля отделались испугом. Быстро оклемавшись, бросились искать Андрея. Сперва нашли шапку, не скоро самого – его швырнуло в степь.

С подъехавшим вскоре на жигулях водителем Петя полез доставать шофера грузовика. Тот оказался вдребезги пьян – ошарашено лупил глаза и бормотал невнятное – и абсолютно невредим. Самое жуткое, с ним в машине находились двое детишек. К счастью, они не пострадали.

Максим, водитель жигулей, здорово помог. Отвез всех в поселение, к счастью не так далеко расположенное. Взял на себя изрядные хлопоты.

С Румянцевым особенного ничего не случилось, кости были целы. Ограничилось ушибами, пусть и порядочными. Назначили двухнедельное лечение, но на третий день Андрей сбежал. Ходить было больно, по большей части лежал в гостинице. Юля носилась с устройством собственности, за-

док разворотило полностью, с ГАИ. Содействовал все тот же Максим, он часто заезжал в гостиницу, они с Юлей продолжительно отлучались, чем до крайности изводили Петю: «Четыре часа в гаи, за это время я и родить могу».

«Чтоб вы пропали с вашими любовями», – раздражался Андрей. Нелепая бездеятельность и тягость для окружающих угнетала. Еще через неделю улетели восвояси. Машину пока пристроил Максим.

Увидев раненого, Светлана даже встревожиться не затруднилась.

– Мне сон приснился, – вожделенно объявила она, выслушав предварительный отчет. – Но там тебя до смерти калечат. Надо же!

«Виноват», – негодовал Андрей, и Светлана удивлялась:

– Цел же! Что еще?!

Пошли тухлые, последовательные будни. Нога беспощадно болела, но Андрей долго не шел в больницу, томимый великим нежеланием попасть в стационар. Когда приспичило и все-таки решился, врач, пожилой, похожий на замерзшего воробья еврей, зловеще намекнул:

– Нерв перебит.

Можно ли его восстановить или заменить, не сообщил.

Впрочем, на капитальное лечение в больнице не настаивали. Назначили терпимые процедуры. Но посещение стоянки, тем более частое, само собой исключалось. Андрей почувствовал знакомый привкус хандры.

Помимо того, Петя окончательно потерял голову и ничего кроме «сказки» перед собой не видел. Он начал тратить несусветные суммы (укатил, к примеру, с Юлей на неделю в Сочи), принялся обедать в ресторанах. И без того утлая казна опустела. На выволочки Андрея Петька испуганно хлопал глазами и просил ссуды под какие-то гротесковые гарантии.

Уж нечем стало платить сторожам, молодые ребята ушли. Наняли каких-то забубенных стариков, которые, увидев невнимание со стороны хозяев, попросту опускали плату с клиентов в свой карман. Налоги платить стало нечем. Когда Андрей несколько оправился и попытался что-то восстановить, процесс оказался необратимым.

Петька и вовсе на дело махнул рукой. Их отношения с Юлей достигли вулканической стадии. Он игнорировал жену, двоих своих детей, и вообще, возникли разговоры об отъезде насовсем в Подмоскovie, там жила близкая Юлина родня. Вроде бы не юноши и достаточно потрогали друг друга, но непременно, как только добирались до постели, перенести в повседневную жизнь их мог не иначе вселенский катаклизм. Он и явился однажды в лице летчика, мужа Юлии. Тот неожиданно нагрязнул в отпуск и, не найдя никого дома, послушал сердце, указавшее на Румянцевых.

Как раз в этот период третий день гуляли у Андрея – родители уехали к родственникам – Петя с Юлей обнаружили свободную постель.

Зайдя в коридор и увидев одежду жены, Николай, надо ду-

мать, вознамерился произвести сюрприз, с лукавой миной, соответственно, прошел мимо оцепеневшей Светланы в комнату (Андрея в ту пору дома не было). Здесь мина исчезла.

Можно, вообще говоря, представить самочувствие человека, который благонамеренно везет домой кучу тревожных вещей, наконец, доставляет себя, в результате застаёт жену в окончательном неглиже, в тесноте с посторонним гражданином. Произошла забавная, молчаливая драка. Петя и летчик стиснулись в объятиях и норовили по причине занятости рук укусить друг друга. От чрезмерности попыток оба свалились и, все так же обнимаясь, продолжили поползновения лежа. Летчик оказался удачливее, цапнул Петю за бровь, добившись обильной крови. Сам же, заметим, в ней измазался. Петька сосредоточенно ловил нос Николая, но мужик попался тренированный.

Вообще, во время сражения потерпевший умудрился треснуть Светлане, Татьяне, без задней мысли пришедшей посмотреть на зрелище, и ее матери; даже поставил той синяк, чем она впоследствии гордилась и, демонстрируя соседям, вдохновенно поясняла: «Я всегда говорила, немцы (почему-то летчика она обзывала так) народ ушлый». Примечательно, что в сражении не пострадала только Юля. Во время баталии она, стоя все в том же неглиже, изящно теребила кончиками пальцев виски и недоуменно бормотала:

– Боже, какой кошмар! (Читай, на какие странные поступки могут отчаяться люди.)

Воздадим справедливости, впоследствии летчик повел себя мужественно. Удар судьбы он принял стойко, даже корректно. Заходил к Румянцевым и после происшествия, настаивая на «полном введении в курс дела». В какой курс могли его ввести, было непонятно.

– Я согласен, Светка. Но зачем ты женщину пожилую шабаркнул? – пытался выйти из скользкой колеи Андрей.

– Так я и говорю, – добросовестно излагал тот, – стрессовая ситуация. Я не из железа делан.

После неприятных зигзагов Андрей увещевал:

– Подозреваю, Коля, тут что-то с любовью связано.

– Я понимаю, – уныло соглашался летчик, – перестройка, чего не случится. Но почему не уведомить? Так можно и без сердца остаться.

Между тем последствия приобрели неожиданный ракурс. Николай пошел на соглашение, добропорядочно отделяя причитающийся супруге скарб. Но Юля, да простится каламбур, вдруг заюлила. Ее действия приобрели шаткость, недоговоренность. Петя ударился в отчаянье.

Дальше – интересней. Летчик уехал в Германию, добивать контракт, а Юлия объявила:

– Петр, нам надо немножко не встречаться. Со мной что-то происходит, и я хочу это пристально рассмотреть.

Петя от жизни отстранился.

Вообще, в те дни он выявился довольно необычно. Стал неуравновешен и интересен: то впадал в крайнюю пристра-

цию, то делался несуразно интенсивен и дерган. Порой становился печален, что шло ему необыкновенно, и созерцателен – обычно это кончалось длинными лирическими монологами о тесноте человека с природой – либо глубокомыслен и даже афористичен.

– Я думаю, мы зря представляем бога мужиком. Это явно женщина. Отсюда вся нелепость мира, – говорит Петя и гордо выходит из комнаты: к театральности он был склонен сызмальства.

Через минуту возвращается и пораженно докладывает:

– И кто как не баба придумал самую жизнь. Вы вдумайтесь, какая гнусность: кучкуются два человека, зачинают третьего, и он вынужден жить, ибо не волен вмешиваться в права других... Но самая мерзость, что и первые не способны исправить опрометчивость, поскольку с жизнью третий получает права. – Петя в гневе вздымает руки. – Подлость отъявленная.

Или вот, приходит к Румянцевым, мрачно и бессловесно топает на кухню. Достает бутылку и разливает в три стопки. Обращаясь отчего-то к Светлане, велеречиво объявляет:

– Женщина состоит из двух частей: матки и кассового аппарата. Все, что функционально истекает не из этого, ей недоступно.

Хлопает порцию и удаляется, приведя Светку в иступленный восторг.

Какие-то разговоры с Петей о стоянке были чреватые от-

сутствием малейшей реакции. Андрей, не понимая, зачем это делает, приезжал на работу с предчувствием неминуемой неприятности. Все с тоскливым любопытством ожидали конца.

И терпение было вознаграждено, сгорела сторожка. Причем едва не с самим сторожем. Тот, утомленный винным пресыщением, очнулся, когда огонь основательно пощупал его тело. Ватник и брюки сотлели вчистую. Сторож получил первую степень за ожоги.

Разумеется, стоянку закрыли. Однако оставались два ЗИ-Ла, брошенные здесь уж как месяц и никем не востребованные, Андрей для порядка выспрашивал кого мог – напрасно. Несколько ночей кряду сам сторожил грузовики, ненадолго засыпая в своем автомобиле, единственно отлично коченел и наживал ненависть. В итоге продал одну машину за ящик водки расторопным мужикам, вторую бросил на произвол. Впрочем, с ребятами смотал сетку, вывез к приятелю в огород и тотчас забыл о ней. Эпопея бесславно закончилась. Жизнь в который раз продемонстрировала тыл и не хватало дыхания сказать, что он симпатичен.

Однако зашевелилась весна. Уж поплясывало солнце в густых, набухающих стайках сосулук, серый, корявый снег зиял проплешинами, в прихожих квартир неустанно расплзлась плесень грязи.

Артем подрос, окончательно приобрел формы и стал удивительно похож на бабушку, мать Румянцева. Папаша начал

испытывать острое наслаждение играя с ним, просто прогуливаясь и наблюдая за деловитым, углубленным в себя пареньком. Когда Румянцевы ложились спать, Артем неизменно просыпался и требовал от папы подать палец (комната была узкой, взрослая постель и детская кровать стояли через тощий проход). Собственнически охватывал теплой, влажной ладошкой вытребованное и, тут же уснув, начинал расторопно посапывать, высунув из-под одеяла пухлые розовые щеки. В эти минуты Андрей наполнялся приливами горячей сочной нежности.

Отношения со Светланой вышли на тропинку с взгорками, ухабами и поворотами, пусть, достаточно просматриваемыми. В институте супруга неуклонно приобретала популярность. Заходя по необходимости к ней на работу, Андрей не однажды заставлял несомненно не связанных деловыми отношениями прилипал. Затеяла ездить в командировки, чего он вовсе не понимал – при ее-то должности. Но самой нелюбезной состоялась ее настойчивая жажда независимости.

– Ты, Румянцев, человек низменный, – раздраженно парировала она подозрения, – мысли твои сплюснуты и слушать тебя нет причины.

– Посмотрите, Фудзияма, – топырился Андрей.

Мучительным было подспудное ожидание непредсказуемого и оттого коварного поступка с ее стороны, – пожалуй, не столько поступка, сколько возвращения тех непереносимых кошмаров. Сжимал гнет неспособности не то что влиять

на Светлану, но и на себя в смысле отношения к ней. Наконец, удручало безволие оттолкнуть. Досаждало, что Светлана много в мыслях произносилась. Поначалу Андрей негодовал, что это – чувство, но скоро утих, придумав, будто здесь не только чувство, но и употребление досуга наиболее близким методом, рефлексией.

Материальная сторона существования была сносной, ибо сподобился Андрей по вечерам заниматься извозом. Выяснилось, что предприятие сие относительно прибыльное – если бы еще не постоянные траты на ремонты. Известные отрицательные приключения – порой нервные – вообще нелицеприятность самого дела досаждали умеренно. В позитиве лежали не только бумажки, наблюдения, беседы, ситуации и даже, случалось, штучки (однажды Андрей вовлекся в соблазн, движимый, вероятно, ностальгией по прежней форме – впрочем, досадливо и брезгливо потом отстирывался и долго предохранялся), но и безмятежная езда по меланхоличному городу. Особенно угождал небольшой дождь, когда асфальт ровно шел в глаза затейливыми бликами. В такие минуты посещала четкая, изящная тоска и мысли уходили в манящие, отслоненные от повседневности сферы.

Для полноты картины – зудели родители.

– Вырастили сыночка, – подчеркивала поправленную мечту мама, – тунядец и полная пустота.

Отец пенял как всегда косвенно:

– Интересно, на что ты пьешь? Воруешь?

Верно, Румянцевы не отказывались от молодых утех.

Говоря обобщенно, стоял период относительного равновесия. Не очень давило будущее – всегда можно было вернуться в цех (Сергей наладил работу и зазывал). Семейные отношения приобрели четкие черты и уже это допускало подобие спокойствия. В потоке времени повсеместно были разбросаны ниши для сокровенного. Наконец, потихоньку осязаемым становился быт.

Бездельничал, как и Андрей, Петька. Он, похоже, отмерз (летчик воротился совсем и пошло существование) и хоть в пьяном пылу скрипел зубами – «Душу мою повозила. Ненавижу» – набрал родную безалаберность и украшал будни. Кипел прожеками, сплошь наивными, мгновенно терял кураж и пускался в итоге в предприятия способные единственно обусловить утлое существование. Из солидарности Андрей помогал. Должно быть, Петя определенно оттенял нарочитость положения. Тем временем предпринимательство набирало силу.

– Андрюха, твою тебя, лежит же негде золотой камешек.

Шевели помидорами, – злился Петя.

– Не один, полагаю. Какой золотее, вот задача.

– На ощупь надо.

– Лень – оттого что боязно, – щерился Андрей. – Уж я вслед за тобой. Ты меня подберешь, я в курсе.

– Сучара и прочее! – разрешался Петро. – Дурак ты, по-

скольку способный.

В конце концов Петю устроил в кооператив по гранитным делам родственник.

Еще одна осень съезжившимися листьями, жухлой травой, тучным ненастным облаком разбавила судьбы. Вдруг плаксивой стала Светлана, затеяла жаться к Андрею по ночам. Объявила несколько раз не к месту, что любит его. Становилось не по себе.

На похмельной тоске однажды – лечились вчетвером, Сергей еще с женой – Андрей разомлел да спел все-таки пару своих песен. Печальных. Татьяна аж слезой блеснула. Впрочем, все настойчивей случались ее прикосновения особенного рода. С отвычки он начинал волноваться и заниматься дурными мыслями. На трезвой голове мысли не держались, но после пьянок шевелилось.

Притча, читал очередное и получите, слезу пустил. Такого не подразумевалось, стало быть, перепугался и замарал светлую, мягкую печаль: не знал, на что злиться, испуг чи проявление.

Сблизились с интересной парой. Встретила случайно на улице давнишнюю приятельницу Светлана – учились вместе – и сошлись на том, что нужно многое друг другу рассказать. Для иллюстрации подружка привела мужа и, пусть о мотивации забыли, нашли общность. Стали ходить друг к другу в гости.

Семья, что говорить, была любопытная. Ирина, габарит-

ная, несколько пошловатая особа, внезапно стала Андрея занимать. Сперва насторожился: прежде девицы столь грубого помола не нравились, искал тонкое, изюмистое, – поразмыслив, постановил, возмужал, стал естественнее.

На первый взгляд казалось, что Ирина первенствует. Была на полголовы выше мужа и нередко справляла ядреные шуточки:

– Иван (имя-то себе выбрал), ты безнадежно лысеешь.

– Что делать, теперь не закроешь.

– У меня есть верное средство, – озарялась она, – поставить тебе рога.

Сотрудник все принимал с глуповатым хихиканьем. Андрей разжился жалостью к существу и был неприлично ошарашен, когда узнал, что тут весьма уважаемый человек. Начал пристально вглядываться и – ничего не обнаружил. Но именно новоявленный приятель и дал импульс – в дальнейшем и материализовать пособил – к новой, неожиданной деятельности.

Славно разместились раз на даче Репринцевых. После бани дети, чистые, уложенные по постелям, ворковали неутомно за стенкой, стол демонстрировал изобилие, тело ликовало в предвкушении чревоугодия. Шел исконный, душевный час.

Быстро и ласково откликнулся хмель. Мужики сурово беседовали, женщины уважительно слушали, ухаживали расторопно.

– Время идет слепое и просительное, – говорил Иван. – Ты впереди встань, и оно за тобой.

– Всё – так. Только народ мы – русский. Глупый народ, пустой. Слова любим, а рука к рюмке движется.

– В том и казус, что в русском народе живем. Все ждут чего-то. Ты впереди и вставай... А насчет глупого – зря. Ленивый – да. Но я такое скажу: мысль – она в слове. Дело живот греет, слово – душу... Видел я иностранцев. Скучные они.

– Тебя ж деловым зовут, – любезничал Андрей.

– Потому так и говорю, – без апломба отсылал Иван.

В тот вечер Иван разговорился. Поведал пути доступа к коммерческим операциям, схемы, поскольку украшал повесть цифрами и фактами, выглядело все просто, слушалось интересно. И поработала информация.

По досужим надобностям наведывался иногда Румянцев в институт, где работал прежде, ситуацией владел. Шла пертурбация, валили стариков, в корзину пихали диссертации. Начальником в бытность его служил занимательный мужчина, «гражданин на все времена». Остряк, импозантище, потомок польских конфедератов, лепесток высокого, доросшего до бомонда дерева, доктор наук и полный в ней профан, секретарь парторганизации, выпивоха, прохиндей, бабник и интриган, к своим пятидесяти годам обладатель громоздкого и интенсивного прошлого, неувядающей натуры и прочего, что может составить самую отъявленную репутацию. Еще словесил Горбачев, еще не выбросили партбилеты, а Гайсин-

ский, недавний адепт коммунистических идеалов, уж вглядывался в атрибутику капитализма.

Упоминалось, что последнюю точку в уходе Андрея из института поставил он. С полгода прошло после увольнения и заявили однажды к Андрею Гайсинский с компанией. Выпивали с часик, затем Андрей завел Гайсинского в ванную и внушительно объявил:

– Однако ты, Валерьян, сволочь.

Тот достаточно трезво обследовал лицо Андрея и, немного подумав, изложил:

– Не верю.

Андрей начал удрученно доказывать правоту, тот глубокомысленно искал контраргументы. Кончилось объятиями.

В настоящее время Румянцев слыл в институте ушлым. При его посещениях Гайсинский жал Андрею локоть и сокровенно говорил:

– Ну что, как?

– Да так себе, – с плутоватой ухмылкой отвечал Андрей. Гайсинский понимающе и удовлетворенно кивал головой и заговаривал о быте.

В одно из посещений в приватной обстановке Валерьян с иронией заговорил:

– Черт возьми, прет молодежь. Директором Чижова поставили, а? Кандидатишка! Вчера на цырлах передо мной лазал, а нынче... Взгляд-то какой! Я намедни из кабинета его выходил, дверь задом открывал.

Поведав несколько последних баек, Гайсинский полушутливо – это вообще была его манера – затеял деловые разговоры.

– Слушай, думаю кой-какую коммэрцию в лаборатории изладить. Мужики озверели, договоров с предприятиями нет, скоро штаны начнут спадывать.

– А что, это сейчас позволяют? – удивился Андрей.

– Ну, мы с тобой всегда вперед смотрим. Я недаром задом дверь открываю.

– Дай бог, в таком разе.

– Но как это делается, Андрюша? Ты у нас практик.

Румянцев вдруг, не без дурной бравады, открыл то, что повествовал Иван. Гайсинский занялся, как сухая хвоя. Андрей тут же пожалел о фанфаронстве, ибо бывший руководитель начал глубоко дышать и настойчиво теревить, требуя деталей. Пришлось смыться.

Однако не те ребята, Гайсинский через неделю вытребовав Румянцева на рандеву. Пришлось объясниться: Андрей выложил все – от собственного нынешнего положения до эскиза общей обстановки, что нарисовал Репринцев. Уж разговор подходил к концу, уж предложил Гайсинский пробовать вместе новое дело, когда невзначай в теме упомянул Андрей фамилию Ивана. Аж дернуло Гайсинского. И сдерживаться не стал, выдохнул сокровенно:

– Порекомендуй меня, парень. Обязан буду.

– Попробую, – простодушно согласился Андрей.

Короткое время испытывал Румянцев легкость. С этим и рассказал о причинах появления Валерьяна и всем ходе беседы Светлане. Закончил рассказ с удивлением:

– Видишь, Иван какой человек известный? Явно Гайсинский о нем наслышан.

Здесь, когда увидел пристальный, давящий взгляд Светланы, мгновенно все оценившей, начался зуд. Навалились терзания.

Шанс, требовалось напряжение, движение. Но Андрей обленился, положение его как нельзя устраивало. Да и нудила рана первого предприятия, слишком глубоко врос страх перед деньгами, что так легко ломают устоявшееся. Наконец, в ситуации слишком явен статус посредника.

Время перед сном прошло негативно. А ночью Андрей проснулся, в виски стучал вариант. Штука состояла в том, что основное упование Гайсинский возлагал на обширные и глубокие связи с медеплавильными комбинатами, с которыми лаборатория тесно и взаимоприятно сотрудничала. Уязвимой стороной был сбыт. Это пятно и приковало сейчас взгляд. Муж сестры, мужик свой в лом, работал главным инженером проекта в Гипромезе и курировал именно потребителя. Паутинка сплеталась. В сущности, вся комбинация замыкалась на Румянцеве. Он встал и пошел курить.

С утра его лихорадило, воображение кипело перспективами могущества, невообразимыми доселе панорамами, – зловещей тенью конкурентов. Нельзя терять ни минуты, стуча-

ло в висок. Кое-как дотерпев до вечера, поехал к сестре, соорудив в голове изящную, как ему казалось, и законченную формулу предприятия. Когда изложил идею, сестра улыбнулась и молча вышла из комнаты.

– Погодь, – сказал Станислав и тоже вышел.

Быстро вернулся.

– Вот, – он подал Андрею какие-то бумаги. – Это циркуляр. Директор запретил заниматься подобными операциями без его ведома... Неделю назад раздали. Вы, Андрюша, ой как не одиноки.

– Что значит без его ведома?

– Что твое участие находится под громадным вопросом, равно, как и мое.

– Стас, ты как маленький! – не унимался Андрей. – Главное же человеческие связи. Они у тебя есть. Неужели нельзя миновать официоз?

– Дело в том, что подобные бумажки находятся и на той стороне. И были уже прецеденты, я повторяю, вы не одиноки. Санкции последовали незамедлительно.

«Все, что ли?» – осведомился у себя Андрей. «Все», – ответил себе Андрей.

Несмотря на прокол, вирус дышал. В голове роились варианты, воображение ползло в злачные дали, ничего более замечательного прежде попросту не случалось. Уж и обязательство познакомить Гайсинского с Иваном он начал перекраивать под свой размер. С тем к Ивану и прибыл. Ощущал

себя дрянновато, подозревал, что начнет ловчить... Слово сказал, и мешок лопнул.

– Говоря международным языком, – Иван внимательно поглядывал на Андрея, – рассказ интересный... Говоришь, неважный человек директор Гипромеза?

– На редкость плохой, – огорчился Андрей.

Иван морщился:

– Можно и надавить.

Андрей губы вытягивал. Резюме Иван сотворил такое:

– Ты вот что, начальника своего бывшего веди. Собственно, пусть позвонит.

«Отдыхай, Андрюша», – пришло в голову Румянцева.

Естественно, в дальнейшем все потекло непредсказуемыми руслами. В такие заводи и протоки увлекло течение, что Андрей только улыбался, размышляя, сколь наивен был, и как необходима – во всяком случае, ему – эта наивность, ибо дает возможность двигаться.

Через год Румянцев осуществил первую крупную сделку. До этого он обратно устроился в лабораторию, сотрудники которой учредили акционерное общество. Девять человек скинулись по ощутимой сумме. Самые крупные доли внесли Гайсинский и Андрей (деньги ему дал Иван). На неравенство дольщики пошли от новизны затеи и недоверия к Гайсинскому. Это, в конце концов, легло Андрею на руку.

Гайсинского назвали генеральным директором, Андрея

замом, однако делами занимался в основном он. Начал много двигаться, восстанавливать старые связи – стало интересно. Валерьян явно что-то сооружал с Иваном и помимо официальных вещей практически ничем не занимался. На происки Андрея относительно этого сооружения загадочно и красноречиво не отвечал, у Ивана Румянцев поинтересоваться отчего-то стеснялся. Кстати, семьями встречаться без видимых причин стали реже. Другое дело, частенько Ирина заглядывала одна.

Иван, несомненно, курировал. Порекомендовал опытного бухгалтера, и отчетливо виделось, что через нее он ведает обо всех делах конторы. Да и утаивать было нечего. Сделки совершались сравнительно небольшие.

Гайсинского начало кидать. То увлекся только что образовавшейся биржей и замыслил проникнуть в ряды организаторов. Быстро остыл и обезумел от редкоземов, крайне тогда модных. Заметим, что Румянцева и остальных не миновала эта зараза. Гайсинский имел обыкновение, ведя телефонные разговоры или беседуя с визави, делать многозначительный вид и интригующие интонации, что непременно тревожило и манило. Андрей и сам пускался в бесчисленные и бессмысленные переговоры и полюбил складывать в голове сумасшедшие цифры.

Вместе с тем, Валерьян беззастенчиво запуская руку в кассу, декларируя организационные расходы, все это начало вызывать ропот персонала. Особое недовольство производило

выпячиваемое лидерство Гайсинского, которое обосновывалось лишь взносом и первым импульсом, но никак не текущим вкладом в прибыль, и на фоне Андрея, равного по взносу, более активного и демократичного, действительно, было уместно.

Постепенно фирма разрослась до четырнадцати человек. Кое-кто из учредителей по разным причинам из общества вышел. Остались и пришли ребята молодые, юркие. Настроения разделились. Большая половина, и самых результативных, начала открыто ворчать. Сам Андрей воду не мутит, все произошло органично. После двух командировок Валерьяна в Сочи (вели дело с гостиницами, абонировали номера под туристическое обслуживание) с молоденькой секретаршей и совершенно без дела потраченной прорвой денег, и после одной вечеринки, где собрался, главным образом, оппозиционный состав, порешили ставить вопрос ребром. Гайсинский послал всех подальше. Посланные обрадовались.

В темпе оформили новое общество. Никаких альтернатив новому начальнику не наблюдалось. Некоторое время тягались с Гайсинским относительно старой казны, потом плюнули, забрали то, что отдал. Андрей, умудренный практикой и отягощенный характером, властвовать не стал:

– Мужики, думаем два дня. Каждый несет предложения. Стратегия, тактика, организация дела, дележ денег. Садимся, решаем. После решения бухаем и на следующий день за работу. Вердикт не меняем хотя бы год.

Решили и ребята, взогретые самостью, закутились. Две мощных сделки спроворил Румянцев. Работа заставляла быть цепким и тщательным, в результате казалось бы незначительные обстоятельства вдруг складывались в конструкции.

Проходная встреча со старым приятелем – куролесили вместе в агитбригадах – обернулась профитом. Тот служил по научной части в городе Хромтау, что расположился в Казахстане. Город обслуживал добычу хромитовых руд. Крупное предприятие, Донской горно-обогажительный комбинат, выковыривало руду с размахом. Механизмов было много, обслуживание требовалось обширное. Другими словами, выяснилось, что существуют перебои с машинным маслом. Андрей поинтересовался относительно деталей и имела место такая фраза:

– Вова, а ведь я над этим поработаю.

Казус заключался в том, что Гайсинский давно грезил выходом на нефтепродукты и имел кое-какие завязки с Омскими нефтеперерабатывающими предприятиями. Уже улеглись эмоции, связанные с разделом (даже имела место небольшая совместная сделка, коротко говоря, отношения в некоторой степени вернулись), и Андрей пошел к нему требовать связь в Омске.

– Колись, Валерьян, – посоветовал он.

Тот по естеству некоторое время мурыжил, но, припертый разными моральными штучками, уступил фигуру.

– Да ты что, страшный же мой приятель, – возмутился Гайсинский в ответ на запрос о надежности человека. – Он там бог.

Андрей побоялся думать долго и отправился с Петром в Омск. Петьку он сразу пристегнул и в командировки таскались вместе, ибо чувствовал себя с ним не только проще и веселей, но и надежней. К тому времени начали потихоньку отстреливать мафиозных вождей, криминал бойко выпячивался. Крутость, она же наглость, становилась необходимым атрибутом делового человека. Андрей обнаружил, что в присутствии Пети, наверное, благодаря его преданности, удаются уверенные интонации.

«Бог» существовал в совершенно непотребном жилище и имел сирий вид: затрапезная рубашка, дефицитное (такого не выпускали как лет десять) трико. Он долго вспоминал, кто такой Гайсинский, и не пускал их за порог. И облик, и первые процедуры породили сомнение. Наконец, усвоив детали ситуации, начал бить себя в грудь, дико настаивая, что он может все и дело обстряпает безоговорочно и в самом выгодном свете. Собственно, без навару для себя.

– Я же по людям – рентген. Где-где, а в человеке я толк понимаю.

В гостиницу прибыли в настроении угнетенном. Не помогла вкусная прохлада вечера, приятные, богатые зеленую пейзажи. Заказали добротный ужин в гостиничном ресторане. Посадили их за стол с тремя мужчинами, двое из кото-

рых являли кавказскую национальность. Неугомонный Петя быстро разговорился, кончилось тем, что ушел к мужикам играть в карты, Андрей в номере угрюмо уткнулся в книжку. Заполночь друг разбудил. Кипешной, воспаленный.

– Вот ты, дура, дохаешь, а я пашу, как мама Клара.

– Одурел, что ли? – зло напялил на голову одеяло Андрей.

– Который русский – то, что мы ищем.

Андрей высунул ухо. Петя вдохновенно шуршал:

– Промеж картами кое-какие разговоры пошли про бензин. Прикидываюсь Ваней, дескать, по делам междумолочной отрасли... Короче, раскладка такая. Мужики из Азербайджана. Бензин промышляют. Третий – местный, деловой. Его и укатывают.

Андрей откинул одеяло:

– Азербайджанцы, за бензином? У них своего, как грязи.

– Я – то же самое... Ва, говорит, наш нэфт на триста лет назад расписан.

Андрей поскреб затылок.

– И что?

– А ничего. Завтра абориген сюда днем придет. Согласовать что-то собираются... Ты идешь к балбесу, смотришь, что там выходит, я пасу этого. Когда уходить будет, я его попопрошу.

– А по сусалам не получим?

– Так мы ж по маслу... Упускать шанс нельзя. Наконец, у меня волына с собой, отплюемся.

Андрей посопел, натянул на себя одеяло.

И действительно, уцепил Петя того деятеля. «Балбес» оказался нудным и, должно быть, десятым посредником. Местный вывел на приличную фирму, и в дальнейшем с этой стороны все оказалось до смешного просто.

Шуранули в Хромтау. Добирались сволочно. Прилетели в Актюбинск вечером, последний автобус в Хромтау уже ушел. Город обрушился на бедолаг страшенным холодом и отсутствием ничтожной расположенности. Угодили в транзитную гостиницу, предложили им многоместный номер. Комната была забита молодыми ребятами, спортсменами, кажется. Те невообразимо галдели, об отдыхе не могло быть и речи. Андрей угрюмо проследовал к администратору и еще более угрюмо потребовал приличных условий. Служивая мадам неприязненно посмотрела и отвела два соседних отдельных номера.

Комнатадохнула холодом, странно превышающим даже окружающие кондиции. Поковырялся в сумке, в поисках дополнительного тряпья, печально посетовал на нерасчетливость и в чем был забрался под одеяло, уныло предвкушая телесное негодование. Однако дальнейшие события одарили душевным праздником.

Суть заключалась в том, что Петя имел известную привычку разговаривать сам с собой вслух. Номера, по-видимому, имели какое-то сообщение, поскольку слышимость была великолепная, Андрей, устроившись и уgomонив скрипы

постели, с удовольствием начал вслушиваться в хлипкое и сосредоточенное бормотание Пети. Тот шебуршал чем-то и на импровизированную мелодию озабоченно напевал:

– Одеяло, одеяло, почему тебя так мало...

Потом перешел на прозу, слова стали разборчивей. Отчетливо мелькало «ублюдки». Наконец Петя, улегся: после продолжительной возни послышалось сладкое мурлыканье и дальше умиротворенное сопение.

Стук в дверь раздается, наверное, через полчаса после наступления тишины. Андрей ежится, оцарапанный огромным нежеланием вылезать из-под одеяла, но уяснив проснувшись сознанием, что стук приглушен и идет не от двери, блаженно и нежно радуется. Слышится сердитое бурчание Пети:

– Черт бы побрал, Андрей, ты что ли?

Скрип кровати, Петя пошевелился, но вставать не торопится. Слышатся еще более настойчивые удары. Озлобленное ворчание, крикает дверь и раздается радостный голос:

– Паслуци, дарагой, – голос располагает кавказским акцентом, – сажусь играть в карты, а ручка нэт. Одолжи ручка, дарагой, выйди из положения.

Возникают звуки торопливых шагов Пети.

– Спасибо, дарагой. И маме твоей спасибо, – дверь скрипит, закрываясь, потом скрипит снова и слышится: – И папе твоей спасибо.

– И твоему маме тоже, – недовольно бурчит Петя, дверь захлопывается окончательно. Шаги по полу, возня, гневное

бормотание.

Новый стук раздается теперь уже где-то через час.

– Андрей, ты что ли! – отчаянно сипит голос Пети. На этот раз никаких прелюдий, Петя резко встает и зло щелкает замком.

– Паслуши, дарагой! – поет знакомый голос. – Ты не обижайся, но я долго играть буду. Чтоб тебя не будить, ручка я забирает. Завтра я тебе два ручки подарю.

Слышится тяжелый вздох Пети, и затем слова тихие, но напряженные:

– Дорогой! Возьми еще ручку, только больше не приходи. Я тебя как демократ демократа прошу.

– Зачем обижаешься? Не надо мне твой ручка, – возмущается голос. – Если хочешь, я вообще играть не буду.

Петя виновато успокаивает:

– Да нет, ты извини. Забирай вещь, только больше не буди.

Удаляющийся голос:

– Зачем буди? Я никогда никого не будил! И мама не будил, и папа не будил.

Скрип двери, щелканье замка, возня, хрипящий выдох. Андрей, зарывшись в одеяло, трясется от неудержимого смеха.

Третий раз стук в дверь раздается глубокой ночью. Стон тяжелый, невыносимый. Тишина в комнате Пети. Снова стук, настойчивый, немилосердный. Снова стон... Скрип кровати, щелканье замка. Голос знакомый, возмущенный:

– Паслуши, дарагой! Я знаю, ты хороши человек, но ты нечаянно надо мной издеваешься... Посмотри, что ты мне дал! Посмотри, где в этой ручка чернила. Здесь же совершенно нет чернила.

Отчаянное, сверхъестественное молчание.

– Если ты хочешь пошутить, – в ответ продолжает голос, – скажи, я пошутил – и я буду смеяться. Если не хочешь шутить, скажи, что не хочешь шутить, и я не буду смеяться.

– Послушай, мужик... – грозно и зловеще раздается голос Пети, но на этом обрывается. Надо думать, слов попросту нет. Слышаться шорохи и затем усталые, обреченные слова. – Вот тебе еще ручка и карандаш, больше у меня ничего нет.

– Спасибо, дарагой! Я знал, что ты настоящий мущина.

Раздается мощное дыхание Пети. Андрей корчится от смеха в своей постели.

Утром Румянцев радостно и восторженно стучит в дверь к Пете. Дверь отвечает полной неподвижностью.

– Паслуши, дарагой, – кричит Андрей вдохновенно, – я пришел к тебе с приветом. С утра флакон, к вечеру дороже будет.

Наконец слышится суетня, всхлипывает замок, в просвете двери показывается убегающая фигура Пети. Он грубо, с жалобным писком ныряет под сооружение на постели. Оно представляет из себя нагромождение бог весть откуда взявшегося тряпья. Вид этого удручающий. Из комнаты бьет мо-

розом. Выяснилось, если в окне комнаты Андрея имелись какие-то намеки на стекла, то у Пети с улицей сообщение было самое непосредственное.

Не угадали на первый автобус, пришлось два часа толкаться на станции. В дороге автобус, гулкая, рассчитанная на самого непритязательного пассажира коробка, отказал. Ремонт длился много дольше часа. Бездонная степь покрытая жалкой растительностью не внушала никакого доверия. Добрались на последнем нерве.

Встречены, правда, были радушно. Город, сугубо промышленный, приземистый, безрадостный, полный антипод Лас-Вегасу, был рад любому пришлому. Впрочем, приветливость ограничивалась временем досуга. Дело пошло туго, довелось еще Андрею в Хромтау поездить. Отправлялся он туда через громадное внутреннее сопротивление, потому что приходилось навязываться, много пить, давать и выслушивать хмельные обещания, которые забывались на другой же день.

Долгое впечатление оставил один из вояжей, в котором свозили Андрея поохотиться на сайгаков. Вообще, охотой это можно было назвать с натяжкой... Выехали на мотоциклах в степь. Ночью. Андрея посадили в коляску, сунули ружье. Поначалу выглядело романтично, но скоро его растрясло. Почему-то давило рваное из-за частых облаков, низкое небо. Наконец, набрали на искомое. Глупое животное смерти не стеснялось, попав в луч фонаря, заморожено лупило

глаза, нервно перебирая хрупкими ногами.

Своего сайгачонка чуть не сшибли. Когда остановились, он умудрился втиснуться между передним колесом и коляской и бойко дрожал всем телом, загипнотизировано держа неподвижную голову.

– Стреляй, – сказал возница. С других мотоциклов палили вовсю.

Андрей подставил дуло к голове сайгачонка и страстно вглядывался в тающий в бледном мраке силуэт.

– Ну что? – весело спросил ездовой.

– Да что-то... – пробормотал Андрей. – Неудобно вроде.

– Делай, некогда, – посерьезнел тот.

Андрей выстрелил, голову сайгака снесло. Стало зябко... Мясо Андрею не понравилось.

Вторая крупная сделка сплела с городом Волжский. Андрей прежде о таком и не слыхивал. И кто в рукоделии-то помог? Да Максим же – что аварию под Саратовом расхлебывать пособил. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Еще там в переделке Максим проявился малым дальнорюким и вкрадчивым. Юлии парень позванивал: по делам следствия был ее поверенным, и после что-то по коммерции сооружали. Дошло до его приездов в Свердловск, мило пообщались. От душевности Максим упомянул о фабрике в Волжском по изготовлению спецодежд и связях там. Отложилось, и однажды Андрей услышал от крупных потребителей о возможности потратиться на спецуху. Созвонился с

Максимом, тот действительно помог. Маржа получилась на диво приличной. Запомнился эпизод тем, что Андрей впервые, но грамотно и ловко давал крупные взятки: еще Иван учил на «предвареж» денег не жалеть – «русский делавар культурой не тронут и пыль в глаза любит».

Как водится, случались и провалы. Лихо нагтели с мясом казахи. Всего-то заковырка получилась в одном слове. Вместо «замороженное» в договоре стояло слово «охлажденное». Исполнителем сделки был не Румянцев, но документы подписывал он и слово видел.

Довольно удачно фирма вышла на иномарки. Один парень пришел из института Унипромедь. Имел производственные отношения с рудником, который в обмен на цветную руду по бартеру получал от Японии всякие страсти, в том числе автомобили. Андрей за эту связь уцепился, вскоре пригнали задешево три тогда еще редких «Тойоты», хоть и праворульных.

В довершение, купил Румянцев однокомнатную квартиру и вместе с родительской трехкомнатной разменял на две двухкомнатные.

На все эти напасти Светлана обабилась. В покупки ударились, как в рулетку, Андрей не успевал отстегивать изрядные суммы. Удивительно, что и сам от оккупации быта испытывал наслаждение. Теснилось легкое внутреннее сопротивление, но власть комфорта надежно вцепилась в натуру. Было неожиданно, когда заставлял себя вечерами сидящим перед

телевизором и находил свой взгляд на гарнитуре, сочащемся хрусталем, фарфором, яркими обложками книг, иными побрякушками, и обнаруживал румяную, играющую обертонами сытость. Вдруг затеял прохаживаться по квартире и с хозяйским удовлетворением наблюдать гармоническую прочность и вместе с тем привлекательность в деталях интерьера.

А вкус в том, что строила Светлана, имел место. Вслед за заселению в новую квартиру отыскала людей, способных отделать внутренности по ее проекту и получилось лихо. Впрочем бесконечные телефонные переговоры с подружками относительно грядущих покупок бесили. Это представлялось оголтелым бабством, однако Румянцев был вынужден соглашаться с уместным, а то и приятным результатом.

Он вообще не мог объяснить так или иначе проявляющегося в тот период раздражения к жене. Должно быть, подобная житейская бестолочь обнаружила приземленность Светланы, его былые страхи в отношении ее непредсказуемости, непонятности, опровергнутые происходящим, родили недовольство собой за напраслину, зря потраченное. Еще и образовавшаяся подчиненность Светланы, едва не подобострастие – прощались неночевки дома, флирт с женщинами – подчеркивали явление. Дополнялось иным. Теперешние отношения с женщинами, как и в ранней молодости, возродили снисходительность вообще к роду. Притом совершенно близкое существо, демонстрируя материалистичность, коверкало затаенную мечту о глубинных чувствах.

Иначе говоря, все было хорошо. Андрей знал, куда ступить, как передвигаться. Перестал анализировать слова, сдерживать отсутствие улыбки. О нем забыла тоска. Все чаще негатив выплескивал на домашних. Исчезло прошлое, жизнь расстилалась томная, прозрачная, доступная.

На Женю Ширяева вывел Иван, познакомились на какой-то вечеринке. Доводился тому далеким родственником. Обаяния у Ширяева не наблюдалось. Нескладный, пухленький, оттопыренная нижняя губа, белесые просвечивающие волосы. Броская, безвкусная одежда, жена невзрачная. При другой встрече выявились общие интересы – Евгений тоже занимался коммерцией. Спроворили вместе небольшую сделку. Сводил как-то Ширяева к женщинам. Начали встречаться чаще, чем с Репринцевыми.

Крепче Андрея сошелся с Ширяевым Петро. Оба любили автомобили, постоянно в них ковырялись, ездили на рынок, продавали, покупали. Глядя на парней, и по их рекомендациям, Румянцев тоже поменял «лайбу». Вытребовала авто Светлана. Сдала на права и вождением занималась с восторгом. Андрей поездки с ней не любил, будучи пассажиром, нервничал жутко: беспощадно ворчал и нервировал ее самую.

Обнаружил как-то Ширяева дома. Вошел в квартиру, прошел на кухню – там Женя со Светланой чай пьют.

– Вот, зашел, – объяснил Евгений.

– Я понимаю, – улыбнулся Андрей.

Другой раз ехал по городу – мелькнул знакомый ширяевский автомобиль. В нем сидела Светлана. Шевельнулся плотно, даже хотел поехать следом. Нет, отвернул на другую улицу и подумал: «А, бог с ней».

Однажды приехал с Ириной, женой Ивана на озеро Шарташ, в лесок. Дело было весной, только оттаивать начала земля. Машина попала в проталину и застряла. Вокруг никого. Вытаскивать пришлось Ирине. Автомобиль обляпал ее стреляющей из-под колес грязью с ног до головы.

– Ты что, debil! – возмущалась Ирина. – Как я сейчас домой появлюсь?

– А я что сделаю, – смеялся Румянцев.

О баловстве и думать забыли. Так, для протокола выпили бутылку шампанского, да и подсохнуть надо было. Ирка сидела злая, Андрею захотелось поиздеваться:

– Секретаршу новую беру. На трех языках ботает. Ты вот, когда кончаешь, матом беседуешь, а тут культурно – сильву-пле в тужур.

– Ой, посмотрите, джентльмен, – язвительно откликнулась Ирина. – От жены культуру требуй, буду я перед тобой выкаблучиваться.

Андрей засмеялся и примирительно обнял Ирину.

– Я и забыл, как жена это делает.

– У Ширяева спроси, – по инерции выпалила та.

Андрей удивленно посмотрел.

– Серьезно?

– Ты пришибленный что ли? – Ирина отстранила Андрея и недовольно буркнула: – Ладно, поехали. Ни черта не сохнет, придумаю что-нибудь.

Андрей даже удивился, насколько равнодушно это воспринял. Думал, позже заболит – нет. Слова Светлане не сказал.

Осенью пришла развязка. До того съездили в Болгарию. Отдохнули так себе. Андрей флиртовал беспощадно, делал это на глазах у жены, демонстрировал. Нервничала, раз даже всплакнула в номере:

– Румянцев, ты так унижаешь меня. Я же не могу уехать!

Вот он, случай! Какая театральная, красивая поза просилась – о Ширяеве молвить. Глухо, просто, коротко. И пожалуйста – смолчал. Берёг для чего-то? Не понимал.

Странного набиралось порядочно. Там же, в Болгарии выпадали моменты, можно было вкусно потрапезничать, – не стал. Вообще перестал в чужие огороды лазать. Иной разговор, и к Светлане не прикасался.

Что произошло? Андрей не разумел. Не находилось тяжелого, больного, знойного. Так, словно в ночной тишине едва слышный, но раздражающий молоточек падающих капель. Слишком уж разительный контраст с первым кошмаром настойчиво выделял вопрос: «Неужели разлюбил?» Вязкая, мглистая впадина отвечала прохладным, невразумительным эхом: «Разлюбил – любил – бил».

Но случилось же что-то: на дух женщин принимать перестал, такое вдруг отвращение налегло... Простого, добротного ответа не шло и начинал саднить озноб мертвого пространства, это бесило изрядно.

За серединой лета Ширяев предложил махинацию. Андрей, как замороженный, согласился. Не стал ничего просчитывать, анализировать варианты.

В общих чертах дело заключалось в следующем. Существовал в Свердловской области один городок, обнесенный колючей проволокой. Оттого проволока, что обогащали в этом городке разные интимные руды. Жена Ширяева родилась, получила имя Лера и добрый кусок своей немудреной жизни провела в этом славном местечке. Угораздило младшую ее сестру, по сию пору жившую там, выйти замуж за ушлого парнишечку, который трудился на обогатительной фабрике.

За относительной замкнутостью пространства родня часто обременялась желанием вылезти в свет, по преимуществу выражалось это гостеванием у Ширяевых. В одном приватном разговоре сообщил парнишка, назовем его Толей, Ширяеву, что разработал он и еще двое коллег новый способ обогащения одной очень интересной руды, – обогащение таких отходов, которые по известным методикам переработке не поддаются.

Никакой проницательностью, ищейками, завистью улучшить процесс невозможно. Стоит за рубежом сырье день-

ги невероятные. Идет сырье на цели самые благие: медицина, рентгеноскопия и т.д. Юридическая сторона практически неуязвима: у государства ничего не изымается. (Через несколько лет, когда КГБ наложил на это дело вездесущую длань, юридическая мотивировка обвинения звучала так: уменьшение дохода государства путем снижения мировых цен из-за насыщения рынка).

Причем тут Ширяев? Нужны левые каналы сбыта и первоначальные крупные вложения. Причем тут Андрей? Евгений так пояснил: «Близок ты мне, да и трудно все-таки поручиться за отсутствие изъянов. Одному рисковать неохота».

– Что мы можем?

– Иван, – ответил Евгений.

– Именно, Иван, он и деньгами, и связями обут. Я-то за чем?

Посмотрел на Андрея Ширяев.

– Ты согласен или нет? – спросил. Большой был взгляд, насыщенный.

– Согласен, – ответил Андрей...

Румянцев был согласен на все. Думается, согласно этому, передвигаясь как-то по центральной улице, остановил машину посреди дороги, вышел и, не закрывая автомобиль на ключ, зашагал по тротуару. Поразмяться захотелось. Прогулялся два квартала, вернулся на трамвае, сел в авто, поехал дальше... Надумал обливаться по утрам холодной водой... не стал.

– Чего бы такого съесть, – часто повторял Андрей.

Купил инструменты: гитару, синтезатор, микшер, примочки.

– Запишу кой-чего, – объявил Светлане.

Через неделю убрал аппаратуру на антресоли.

Как-то ночью Светлана не выдержала – лежала с открытыми глазами, в потолок глядела – спросила хмуро:

– Ты приставать ко мне будешь? У меня, вообще говоря, тело присутствует.

Андрей тяжело вздохнул, но тут же виновато заерзал, закряхтел.

– Э-э... прямо сейчас что ли? – захихикал. – Надо предупредить, это с бухты-баряхты не делается.

Светлана повернула голову к нему.

– Что с тобой?

– Не знаю. Что-то со мной... – Серьезно ответил. И опять гаденько хихикнул: – Съесть, видать, чего-то этакого охота.

Светлана резко отвернулась к стене. Стало совестно, захотелось сказать что-нибудь удобное. Затеял вздохнуть, ворочаться. Аж руку протянул, на жену положить примерил, но передумал. Долго не засыпал, приспичило слезы Светкиной. Та отказала, спала. Обиделся, и сам за ней.

Перестал пускаться в скабрзные разговоры. Начал бояться шутить. Часто различал себя в ловушке самим же пущенных намеков. За простыми словами собеседника стоял шепот издевки, в нарочитой полифонии смыслов – аккорд

небрежения. Наплывали друг на друга дни, громоздясь в бесформенные груды, брезжили радужные блики тревог, умиротворения, азарта – сливались перед взором в удручающую глыбу пустоты.

Ширяев тем временем подобрался, приобрел стартовую осанку. Он регулярно звонил, много говорил. Румянцев с мрачным любопытством ощущал тяжесть его личности. Однажды внушительным тоном сообщил, что едут вечером к Ивану. «По делу».

У Ивана собралось человек восемь. Что это была за сходка, Андрей так и не понял. Смотрины?.. Позже встречался лишь с двумя из этих людей. Не так много выпили, но на другой день не получалось вспомнить и одну существенную фразу. К концу лета начали просматриваться контуры предприятия.

Дело построилось, как сразу заподозрил Румянцев, излишне громоздко. Свойство это сложилось из-за отсутствия координатора. Слишком лакомым представлялся кусок и слишком далек был путь до потребителя. Кто сделал первую ошибку, от кого зависело отклонить накатанный и потому казавшийся опасным путь передачи сырья за рубеж, Андрей так и не узнал – во время процесса уже существовал за границей. Но приблизительную схему авантюры представлял.

И в самом-то городке штат подельников размножился до восьми человек. Помимо изобретателей, объявились организаторы, технические исполнители и даже обслуживающий

персонал. Собственно, весь населенный пункт что-то такое слышал – утай-ка тождественное событие в тесном мире. Однако, к чести русского народа сказать, зацепили проход не с этой стороны: пуще зависти, по всей видимости, в простом человеке неприязнь к государству.

Скорей всего такое отношение к официозу и толкнуло алчущих на поиски окольных путей. Отсюда и пошла утечка невостребованных природных богатств по двум каналам, практически совершенно не связанных друг с другом. Любопытно, что в обеих цепях звенья складывались замкнуто, без ведома о функциях и исполнителях в остальных. Об этом и вслух говорилось. Когда Андрей полюбопытствовал у Ивана относительно приблизительного продвижения драгоценности хотя бы по стране, тот вяло ответил:

– Нам это знать ни к чему, и вообще, лучше поменьше знать, – чем вызвал недоуменное воспоминание о сходке.

Так вот, одним из звеньев – а пожалуй что, дыркой в нем – служили Румянцев и Ширяев.

В сущности, Андрей так и не попробовал на вкус ни ажиотажа и дерзких намеков в среде что-то чующих и жадных слушателей, ни язвящего факта свершившегося мошенничества в виде лежащих на лживо-вялую ладонь купюр, ни, наконец, задорного и созидательного страха соучастника. Для него все оборвалось стремительно, почти молниеносно.

Особость зрения, позволяющая улавливать среди обыденности абрис весомых цифр, спаивала, призрак опасности бу-

доражил нечто вроде влечения. Андрей обнаруживал в себе периодические приступы теплоты к Ширяеву. Как-то после одной из участвовавших в последнее время смычек семьями Светлана пустилась негодовать на Леру:

– Совсем детям дышать не дает (имелись в виду чада Ширяевых). Славик, это не ешь, Катя, это не трогай. Раздражает, ей богу.

– Тебе что-то от нее надо? – спросил без умысла Андрей... И вдруг мелькнул за вопросом какой-то смысл.

– Зачем она мне? – удивилась Света. – Мне вообще непонятна твоя страсть к Ширяевым.

– Не твоего птичьего ума дело, – внезапно озлился Андрей. – Ты в наши отношения не лезь.

В начале сентября Ширяев распорядился:

– Приступаем, срочно.

Требовалось много наличных денег. Обналичивать умел Андрей. Но, похоже, он не верил до конца в реальность происходящего, техническую сторону вложения своих денег не подготовил. Он располагал долей, которая содержалась отчасти еще в незаконченных сделках, и отчасти в собственности, коей являлся вагон ждущего выгодного покупателя линолеума. Кстати, в этот вагон вложила некоторые деньги и ширяевская фирма. И в деле была обговорена именно эта доля.

Подразумевалось, что на Румянцева на первом этапе будет возложено обналичивание определенной части денег

Ширяева, Ивана и, понятно, внесение своей доли наличными. Старт пришелся на крайне неудачный момент – все деньги фирмы были запущены в оборот.

И здесь с Андреем что-то случилось. Во всяком случае, не помнил, чтобы раньше допускал такое. Он пошел на обман. Быстро, невыгодно, не поставив никого в известность, продал весь линолеум. Расчет был прост, деньги изымаются взаймы. Однако то, что начало происходить дальше, смахивало на что угодно, только не на поведение гражданина, зафиксированного в этом мироздании, как Андрей Румянцев.

Плыл прозрачный, падкий на чередование атмосферных явлений сентябрь. Телефонный звонок раздался в квартире Румянцевых.

– Алло, – сказала Света.

– Можно Андрея? – попросила трубка женским голосом.

– Его нет дома, – сказала Света.

– А кто это говорит? – спросила трубка.

– Его жена, – ответила Света.

– Ой, извините, – сказала трубка и разразилась гудками.

Вечером Андрею была изложена просьба:

– Ты, Румянцев, совсем-то не наглел бы.

Вскинулись удивленные брови.

Телефонный разговор был передан дословно. Андрей построил недоуменную гримасу, затем хохотнул и постно бросил:

– Да это розыгрыш, поверь мне.

Ночью Андрей проснулся. По стене вяло ползла куцая бесформенная тень. Он мягко потормошил жену.

– Ну, чего? – уныло поинтересовалась она, повернув голову.

– А, собственно, в чем дело? – ровно спросил Андрей.

Вслед за недолгим замешательством к мужу повернулось все тело жены. В темноте чарующе мерцали открытые глаза.

– Ты заболел? – возник вопрос.

Андрей тяжело вздохнул.

– Давно у вас с Ширяевым?

Глаза исчезли.

– Ну, я спрашиваю.

– Прекрати, – сказала женщина.

– Мне нужно знать, как давно, – в голосе сосредоточилась злоба.

– Зачем? – поинтересовалось лежащее рядом тело.

Андрей встал и вышел в ванную. Возможно, затяжки три сделал, когда открылась дверь и в проеме образовалась Светлана.

– Чего тебе? – грубо сказал Андрей.

– Ничего, – сказала Светлана и сильно, почти без размаха, звонко, красиво ударила его по щеке.

Вылетела сигарета, вскинулись глаза, вскочило тело. Ненависть, жадная, истошная, бросилась в голову, в кровь. Было совершенно непонятно, как он смог сдержаться, не раздавить, не разодрать эту мерзкую женщину.

Утром в прихожей полуголая Светлана догнала открывающего дверь Румянцева.

– Ты не надейся, что я уйду от тебя, – зло выкинула она.

– Куда ты денешься, – чугунно отсек он.

Андрей прожил потрясающе интересный день. Окружающие предметы, люди, события были наполнены студенистой болью, при этом сам Румянцев соблюдал важную отрешенность, даже невесомость. Вечером же, угодивший в глаза напряженно поникший силуэт женщины, встревожил волны царапающего остервенения. Ее усталые, больные впадины глаз всколыхнули щекотку сладкого отвращения. Хотелось всмотреться, поймать расплесканное в них страдание, но нет, невозможно! – нельзя дать поймать встречный взгляд и позволить тянуть уцепившуюся за него ложь. Тем самым убить обворожительную музыку муки.

Как было приятно покрыть опрятным шорохом книжной странички звуки егозливового сына, телевизора, шумливого города. Как важно, фундаментально поступала на язык еда, обосновывая жевательные, глотательные движения, паразитично уместную работу кишечно-желудочного тракта. Шаги, сигарета, стандартные поступки. Сколь красноречиво было малейшее движение, какими острыми и неизведанными чувствами наделено.

И лишь когда не сказавшая и не услышавшая ни слова Светлана равномерно собрала что-то в большую спортивную сумку и очень постепенно вышла вместе с Артемом из жи-

лого помещения, опало все, безвольно превратившись в монолит безнадежности.

Утром заехал Петя, ему нужно было взять одну вещичку, спросил:

– Где Светка?

– По делам куда-то уехала, – бесстрастно ответил Андрей.

Усталой, принужденной поступью зашагали дни. Появилась странная вялость, стало тяжело вдаваться в смысл деловых комбинаций. В который раз Андрей фиксировал в себе жажду подобострастия перед Ширяевым. Голос Евгения неожиданно обрел упругость, содержательность, ключевые тона в общем хоре, в облике, недавно незамысловатом, обнаружились особенные черты, подчеркивающие значимость. Аккуратно утаивая разрыв с женой, Румянцев непременно искал у посторонних намеки на знание. Почти прекратил разговаривать с Петей. Стал сторониться общих пьянок. Завернул как-то к простодушной девице, попил кофе и, похлопав ее по щеке заимствованным жестом, удалился.

Морока продолжалась с полмесяца. У одного из ребят с фирмы произошел день рождения. Мимо таких мероприятий традиционно не проходили. С утра Андрей начал придумывать отговорки. Однако его никто ни о чем не спрашивал. Уж совершены были приготовления, время придвигалось к началу застолья, когда именинник, подчеркивая унылым тоном очевидное отчуждение Румянцева от коллектива, из приличия поинтересовался:

– Уважишь, нет?

Андрея ударило, ответил напористо:

– Странно, почему это нет!

Вышел в коридор. Неожиданно нога занялась странной дрожью. Посмотрел на растопыренную ладонь, пальцы плясали. Не больно и нехорошо занял позвоночник.

Часа через полтора присоединился Ширяев с двумя парнями из его фирмы (офис находился в этом же здании, Андрей пробил через Гайсинского). Держали обычные тосты, славословили. Хороший слова о Ширяеве выложил Андрей, тот умильно лыбился. В голове ревелись веселые волны.

– Пойдем-ка, что-то скажу, – оказавшись рядом с организмом Ширяева посоветовал Андрей.

Зашли в туалет, Андрей развернулся, молча и резко ударил шедшего сзади человека. Не попал. Кулак, скользнув по шее, повлек за собой тело. Ширяев, ошалело выпучив глаза, отскочил в сторону. Румянцев бросился на него, снова ударил. Тот уверенно отпрыгнул и, поймав за шею, треснул приятеля головой о кафель стены. Андрей сочно, всем лицом приник к плоскости и ополз на пол. Когда гул чуть спал, развернулся, рядом расположились глаза Евгения, полные недоуменного, дикого взгляда:

– Ты что, рехнулся?

– Мразь, со Светкой, – ответил на поставленный вопрос Андрей и обрушился в беспамятство.

Утром случилась бестолковая мельтешня воспоминаний о

вчерашнем: яростная суетня Пети, длинные речитативы Ширияева, негодование мужиков относительно линолеума, обмана, подлости. Драка. Неимоверно хотелось забыться и не получалось.

Приехал Петя. Андрей с порога спросил:

– Вы что, разнюхали о линолеуме?

– Я и Ширияев.

– Откуда?

– Я узнал, случайно... Сперва хотел с тобой объяснить-ся, а тут Женька подвернулся, ему скинул. Он, признаться, по-божески поступил, просил держать язык. Объяснил, что деньги для ваших с ним дел.

Андрея тащило:

– Стало быть, ему сперва доложил – не мне.

– Откуда же я знал, что у вас насчет Светки такие песни! – озлился Петя. – Я вообще офонарел, когда про линолеум услышал. Ей богу, грех на душу положил, думал, ты нас кинуть хочешь. – Петя опал, помолчал. – Ты сам-то... про ваши с Ширияевым дела не заикнулся. А он произнес.

Полная картина вчерашнего позора, нарисованная Петей, обусловила молчание Андрея и намертво упершийся в окно взгляд. Безразлично ползла по стеклу муха, отчужденно вникал в помещение свет.

– Поехали что ли, – подал голос Петр.

– Не поеду.

Петр раздраженно вздохнул. Помолчали.

– Давай что ли накиреемся... – предложил Петя.

– Езжай, – ровно сказал Андрей. Петя пошевелил головой, шмыгал носом.

– Езжай, – ровно сказал Андрей.

Часа через полтора заверещал телефон. Еще раз – минут через двадцать.

В полдень, Румянцев торчал на кухне, жевал бутерброд, что-то толкнуло посмотреть в окно. К дому подъехала машина Ширяева. Выбрались Евгений с Петей. Андрей подошел к входной двери. Когда гукнул, остановившись, лифт, прижался к ней телом, щекой. Резко ударил звонок. Обжигало тревожной прохладой дыхания стоящих за дверью людей. Андрей осторожно откусил, медленно, неслышно начал жевать. Когда ребята ушли, зашел в ванную и жадно закурил.

Ночью обезумевший, развалившийся и раскиданный кусками по кровати от стыда и отвращения к себе стонал, кричал, скулил, пытаясь испугать, заглушить настырные воспоминания.

Утром снова приехал Петя. Румянцев брился.

– Где вчера был? Приезжали, названивали.

Андрей промолчал.

– Мужики бунтуют, Жора Писмеров воду мутит... Зря ты про линолеум смолчал.

– Сейчас чего вспоминать.

Петя помялся:

– Смысл такой, Слепцов нашел выгодную сделку. Нужны

бабки. А Жора нашел хорошего покупателя на линолеум. Ты ведь даром отдал.

– Да верну я деньги.

– Когда? Они нужны сейчас, для слепцовской операции.

– Ну вот же, будут филы – нижнетагильская сделка.

– Не будут.

Андрей перестал бриться.

– Что значит не будут?

Петя достал из кармана листок бумаги:

– Вот факс.

Протянул листок. Андрей показал занятые руки. Петя объяснил:

– Уж дня три как пришел... Не могут деньги перевести.

Через месяц вернут, с процентами.

– Какого хрена молчал, козел! – взъярился Андрей.

– Да момента не выпадало... Что бы это изменило? Вот-вот представитель приедет. Все объяснит.

Опустил руки, уставился в зеркало. Снова начал бриться.

Поехали на фирму. Андрей неотвязно представлял встречу с Ширяевым, это было невыносимо. На удачу того не встретили.

– Лихо ты нас подставил, – так приветствовали парни.

Разговаривали нехорошо. Острее прочего царапала навязчивая обособленность – даже Петька, хоть и молчал, стоял далеко от Андрея, в группе остальных. Постарался скорей исчезнуть. Поехал в банк, нужного человека на месте не

оказалось.

День прошел из рук вон скверно. Румянцев видел, что убегает от решения, которого, в сущности, не было. Томило все: воздух, вязкое, пропитанное затхлым запахом безволие. Из дома почти не выходил, прогулялся единственно до магазина. Вечером приехал Петя оповестить о новых неприятностях – наехали рэкетеры.

Еще работая с Гайсинским, по наущению Ивана, нырнула фирма «под крышу» некоей группировки. Но тогда профиль деятельности совпадал, бригада курировала все операции с медью. Позже, когда с Гайсинским разошлись, сменился и профиль, надобность в этой крыше отпала – рэкетеры брали большой процент, в сделки вмешивались нещадно. Познакомился Румянцев с афганцами – те не жадничали, брали определенную сумму в месяц, в дела не лезли и набрали уже солидный вес. Переметнулись к ним.

Недавно, однако, Андрей провернул небольшую сделку, рискнул, по старым каналам. Афганцы, по договоренности с другими, в эту область не вмешивались. Старые мздоимцы о происках узнали (тут и зуб, нарисованный за измену, роль сыграл), приехали на фирму.

– Завтра тебя ждут, – сообщил удрученно Петя, – стрелка на стадионе. Звони Ивану.

Трубку взяла Ирина.

– Ира? Привет.

– Здравствуй, – не сразу ответила она.

– Ваш голос является украшением осязаемой мной трубы и вообще вечера, – согласно обыкновению, начал Андрей.

– Ну, говори, чего тебе, – оборвала женщина.

– Песни хочется, сказки. Что еще может желать такая сволочь, как я, – не успел испугаться товарищ.

– Некогда мне, что надо, – тон был определенный совершенно.

– Ивана я имею в виду.

– Нет его.

– Когда будет? – серьезно уже спросил Андрей.

– Не знаю, с утра как ушел, не звонил. Встречи важные.

– Вот черт... А ты чего такая сугубая? Спиду объелась?

– Андрей, у меня дети в ванной.

– Понял. Придет, пусть позвонит.

Петя заинтересованно всматривался в друга. Тот объяснил:

– Весь день, говорит, отсутствует.

– Гонит, – твердо опроверг Петя. – Час назад дома был. Женька с ним при мне разговаривал.

И ночью, истерзанный, обессиленный бессонницей, разглядел Андрей за хаосом бичующих образов тусклый свет. Всем сонмом пульсирующих молекул обрушился в него. Да, утром засипел противный шепот страха, но удивительно, мгновенно исчез, стертый силой принятого решения.

Когда звонил в дверь квартиры родителей Светланы, самого поразила морозная власть определенности. Говорил

веско. На жену не смотрел.

– Я влип. Вынужден все продать: квартиру, дачу, машины. Оставляю себе музыкальные инструменты, одежду. Жить буду у родителей. Нужно развестись, иначе тебя могут напрягать. Сам все оформлю, напиши, что согласна. Вскоре снова появятся деньги. Все будут твои. Получишь через Ширяева и Петьку. Мне не звони. Встреч избегай. Жить вместе больше не будем. Дела с Артемом утрясем позже.

Это было красиво. Целый день Андрей мусолил фразы, улыбка шевелила губы.

Все продал недели за две. Цену брал умеренную, чтоб рассчитаться с фирмой хватило. Деньги передал через Петю. Говорил при этом отвратительно, жестко, ноздри ходили, взгляд на друга не попадал. Тот пытался размягчить, сбивал, Андрей не давал. Закончил коротко:

– Все, гуляй. Ко мне не приходите.

Петя развернулся резко, бросил гневно:

– Мудак.

Около месяца Румянцев находился в анабиозе. Много и беспорядочно спал. Немного гулял. Неимоверно читал, посадил глаза, дело дошло до очков. Отпустил бороду, постоянно в ней ковырялся. Обнаружил седину, порадовался. Можно сказать, жилось сносно.

Страшно изводила мать. Особенно сначала. Беспощадно нудила: как можно бросить мальчика! Квартиру, подлец, у

родителей отобрал – столько лет наживали. Постоянно поминала Светлану, требовала, пойди, покайся. Андрей огрызался, начинал орать. Однажды – мать уж совсем неистово пеняла – закричал, озверело подскочил, казалось что-то произойдет. Такая ненависть выпросталась, что женщина оцепенела, испугалась. Домогательства прекратились.

Еще через месяц взял в руки гитару. С трудом воспроизводилось старое. Забылись аккорды, даже мелодию у двух песен напеть не мог. Однажды затеял изобразить что-нибудь новое. Тискал инструмент, пришлось вспоминать, как к этому подходил. Решительно ничего не получалось. Задумал записать что-либо в приемлемой аранжировке, распаковал остальной инструментарий. Дело пошло туго, без охоты.

Избегал думать о деньгах. Оставил себе на полгода, но через три месяца выяснилось, что инфляцию учел не верно, да и случились пустые траты: пару раз обедал в ресторане, с коньяком, десертом. Где-то в ноябре захворал. Давно такого не случалось. К врачу не шел две недели, не верилось, что болезнь не отпустит сама. Уж и сходил, таблетки есть начал, все одно неделю еще недомогал. Удивился, стал обливаться холодной водой.

Любопытно происходило с теннисом, игра пошла неплохо. Раньше занимался раз в неделю, теперь два-три раза. Это было накладно, пришлось ужимать себя в другом. Случалось – в парной игре особенно – нападал столбняк. Мячик на него летит, Андрей стоит, мечтает. А то вдруг шар упорно затеет

на чужую сторону отдавать, хоть подача своя. Напарник руки разводит.

Несколько раз заходил Петя, один раз с Ширяевым. Выпили даже как-то. Сергей посещал с Татьяной, другие приятели. Звали на дни рождения, еще куда. Румянцев отказывался. Звать перестали.

Сложно было с Артемом. Первый раз Румянцев пришел за ним месяца через полтора после разрыва. Мальчик посмотрел на отца испуганно – уж борода висела – насупился. Разговаривал вяло, холодно. Стал забирать парнишку раз в неделю из садика, провожал до дома. Артем так и не оживал. Папаша носил сладости, сын аккуратно употреблял, но волеизъявления к беседам не проявлял. Через какое-то время Светлана попросила: не надо часто с Артемом видеться. Андрей мгновенно вскипел: что за козни! Светлана махнула рукой, исчезла. Дальше пришла мать ее, просила:

– Андрюша, мальчик нервничает после ваших встреч. Я понимаю, тебе необходимо его видеть, но попробуй делать это пока реже. Со временем психика настроится, он привыкнет.

Румянцев решил, происки, психологическая атака. Ответа конкретного не дал.

Однажды, обычно Румянцев доводил Артема до двери и уходил, зашел с пареньком в квартиру – купил громоздкую игру. Как обычно нагнулся, чмокнул малыша в щеку, что-то сказал, пошел к выходу. Вдруг сзади раздался крик:

– Папа, не уходи, останься!

Андрей ошалело развернулся, малыш вжался лицом в стену, глухо, обморочно причитал:

– Папа, останься.

Выскочила Светлана, обняла сына. Андрею без вражды бросила:

– Иди, он быстрее успокоится.

Андрей резко вышел, быстро, испуганно зашагал к трамваю. В горле клокотал огромный ледяной ком. Когда проехал пару остановок, вдруг в вагоне исчез воздух. На остановке выскочил, в беспомощности добежал до какого-то скверика, обрушился на скамейку. Сердце корежилось, это был припадок.

Очнулся Румянцев внезапно. Тело косо лежало на скамье. Последняя конвульсия дергала пустую, лежащую на бедре руку. Безмерная усталость владела организмом.

– Вот это да, – прошептал непослушными губами.

Стал посещать Артема реже, говорил скупой, сбрил бороду. Один раз, расставшись, бредя уныло по пасмурной улице, всплакнул.

В начале декабря квартиру Румянцевых обокрали. Андреево унесли почти все: музыку, одежду (деньги злоумышленники не нашли). У родителей – телевизор, пенсию, кое-какие побрякушки. Оставшиеся деньги Андрея – родительские сбережения погибли под обвалом инфляции – пустили на но-

вый ящик: шибко страдал без него отец, да и сам Румянцев с ним сдружился.

Жить стало интересней. Андрей квалифицировался в завхозы, учинял доскональное обследование магазинов, дабы достигнуть неприхотливых цен. Мясо из рациона почти исключили (перед тренировкой единственно позволял себе Андрей невеликую порцию) перешли на концентрированные супы. Очень полюбили чай.

Занимательно, что зажили тесно, участливо. Зачастую самопроизвольно устраивались совещания на кухне, обсуждались рецептуры блюд, предстоящее меню, телевизионные происшествия, согласованно выносились резолюции относительно политических событий, дружно клеймили отдельных деятелей. Андрей все отчетливей начал различать в себе разновидность тихого помешательства.

Тридцать первого декабря никакие праздничные настроения и не подразумевались. Румянцев принципиально не стал бриться, сосредоточенно размышлял о необходимости идти за хлебом. Большого ресурс не позволял: пенсию родителям несли в начале месяца, у кого можно было, уже заняли, да и неохотно давали – Новый год, инфляция.

Напялил на себя старую, доисторическую одежду – сестра спроворила, бог рассудит, из каких закровов вынула. (После катаклизма первое время на улицу ходили с отцом поочередно.) Надо заметить, Андрей в сем облачении даже некоторую гармонию переживал.

Народу в булочной было вдоволь – процесс еды в этот день имел приоритеты – плотная ленточная очередь наполняла помещение. Разогретый углекислый газ, напоминая о мерзком ветре улицы, опьянял уютom. Толпа негодуяще шумела относительно отвратительности цен, политики, жизни как явления. Андрей, вжатый в соседние особи, неприметный, безразличный ко всему, изредка переступал ногами согласно общей подвижке строя.

В данный момент его занимала следующая проблема. Остаточный ресурс позволял купить две булки хлеба, что было, в общем, ни к чему, ибо при сложившихся запросах одной на сутки вполне хватало. Каверза, однако, состояла в том, что народ сплошь брал по три и более хлебных предмета и выдающимся в такой обозримости выглядеть не хотелось. Вот и любопытно казалось Андрею, как поступит в момент реализации его, давно живущая отдельно, психика.

Уж за половину пути перевалило, когда в булочную внедрился мужик. Он был напорист, неопрятен, пьян. Его намерения представлялись очевидными – гражданин хотел получить товар без очереди. Андрей бросил косой равнодушный взгляд и тут же внутренность зашевелилась от недоброго предчувствия. Облик индивидуума показался знаком. Выцарапалось воспоминание, учились когда-то на одном курсе. Не окончив института, личность исчезла, но изредка встречалась в городе и даже протягивала в приветствии руку. От злополучия Андрей съезжился, отвернул голову и начал при-

стально вглядываться в окно. А мужик между тем принялся за дело.

– Мать, – сильным голосом обратился он к пожилой, чистенькой женщине, стоявшей близко к раздаче. – Купи булку, на самолет опаздываю.

Не согласуясь с фактурой, женщина противно взвизгнула:

– На какой самолет! Кто тебя, забулдыгу, туда пустит! Ходят тут, нажрут с утра...

Далее тирада звучала тише, но в интонациях обвинительных – выяснилось, что это забулдыга причастен ко все той же отвратительности цен, политики, жизни как явления.

– Ну ты, овца, глохни, – угрожающе возразило существо, однако от оппонентки отодвинулось. И придвинулось тем самым к Андрею.

Вместе с тем очередь стронулась. Окно уплыло, глядеть в него представлялось слишком экстравагантным. Андрей туго повернул голову вперед и со всей силой вонзил взгляд в спину впереди стоящего. Соискатель в тот момент высматривал очередную жертву. Румянцев боковым зрением, кожей, одеждой, всем организмом уловил, что объект смотрит на него. Настолько ситуация была гнусной, что возглас мужика, ожидаемый конечно, ударил как из-за угла.

– Здорово, что ли, – с угрюмым задором объявил член общества.

Андрей испуганно бросил на голос взгляд и опешил от неожиданности: член обращался не к нему. Очередным под-

опытным оказался благообразный старичок, стоящий далеко впереди.

– Разве мы знакомы? – совершенно потерянно пролепетал старик.

– Да ты что, – пораженно выпучив глаза, орал на всю улицу палач, – квасили же недавно у Лехи Смирнова.

– В каком смысле, – подавленно простонал дедушка. – Я не пью.

– Перестань, – снисходительно и благоволя пропел экзекутор и, по родному обняв друга, засипел: – Катька-то, стерва – ну помнишь, без зубов которая – крякнула, паленой водкой траванулась.

Андрей опустошенно закрыл глаза. Булочная благоговейно внимала дуэту.

К счастью, идиллия длилась недолго: старичок от выдачи находился недалеко. Андрей уж и сам с любопытством выслушивал этапы жизни нежелательного знакомца и опрометчиво от этого расслабился. Вот и добился заслуженно. Получив вожделение, громоздко отойдя от прилавка и направившись к выходу, особь вдруг величественно задержалась рядом с прячущим взор Андреем и во всеуслышание вынесла вердикт.

– А ты говно.

Сказано это было с удивлением и одновременно с таким знанием предмета, что ни у кого не позволяло поселиться даже нечаянным сомнениям. Андрей ошарашено бросил

взгляд на гордо продолжившего путь господина и... смолчал. Вся булочная заинтриговано обрушилась взглядами на Румянцева. Казалось, даже пространство вокруг него образовалось и, что уж там, почудилось, будто кое-кто носом пошевелил.

Прошло может быть минут пять. Уж сползла с лица изморозь стыда и негодования, когда от раздачи отделился и показал лицо старый знакомый, сверстник, живший когда-то в прежнем дворе. Увидев нашего персонажа, он широко открыл глаза и искренно улыбнулся.

– Ты как здесь?

– Живу.

– И я здесь недалеко.

Старый товарищ оказался громогласен и бесцеремонен, хотя и трезв на первый взгляд. Смысл разговора свелся к следующему.

Товарищ: Работаешь?

Андрей: В гортопе.

– На что живешь?

– Так, перебиваюсь.

– Семья?

– Разошелся.

– Кто виновник?

– Оба.

– Понял, – резюмировал старый товарищ, – жена рога наставила. У меня те же ясли... А ничего, сейчас другую взял.

Добрая баба, без претензий. – И удалился.

То, что Андрей персона, выяснилось незамедлительно. Булочная внимательно, что называется, сократив дыхание, взирала на него. «Бежать», – разразилось в голове. Но тут возгорелось то, что у нормальных людей числится поперешностью. «А шалуна вам», – молча изрек человек и, устремив вперед пристальный взгляд, гордо воздел голову.

Расплата последовала сию минуту. Сзади вкрадчиво, соболезнуя, заинтересованно раздался голос:

– Ты, мужик, не расстраивайся, жены приходят и уходят, а мужская доблесть остается.

Данная сентенция была произнесена женским голосом, хрипловатым, напоминающим почему-то плесень в банке соленых огурцов. Андрей медленно, всем телом, с явным замиранием сердца повернулся. За ним стояло существо. Когда-то, возможно, оно сходило за женщину. Здесь не присутствовало возраста, да и вообще чего-либо, кроме содрогаания, у собеседника предвещающего. Это было нечто среднее между вокзальной синявкой и вычурной дамой пятидесятих годов. Организм улыбался. Он явно заигрывал... В помещении повисла мертвая тишина. Кажется, уже и продавщица прекратила отпускать товар.

Андрей понял, это судьба. Он оскалил зубы. Сказал:

– Я поздравляю вас с Новым годом. Желаю как можно больше доблестей. Просто перманентно. Пусть это будет доблестный год. – Задиристо вытянул голову. – И вас, госпо-

да, я поздравляю!

Разумеется, Румянцев купил две булки хлеба. Недалеко отойдя от магазина, со злорадством поймал возглас:

– Эй, мужик, хочешь выпить?

Естественно, это произнесла синявка. Вопрос был изумителен – тут содержалась и философия, и интим, и, в конце концов, социальная взаимность. Подождал подругу.

– А как вы думаете? – кокетливо полюбопытствовал.

– Да что там думать, – хрипло хихикнула мадам, – все вы хотите.

Здесь она должна была повести плечами, но, наверное, из-за мороза этого не сделала.

– А то, – хихикнул в свою очередь Андрей.

Мадам жила в однокомнатной квартире, как ни странно, опрятной. В жилище находились посетители: мужчина лет сорока, опрятный на вид и благожелательный, и молодая девица, симпатичная, но абсолютно невменяемая. Право сказать, она ни на что не претендовала, изредка барахталась на кушетке, надо думать, предпринимая попытки встать и издавая при этом жалобные звуки. Самое любопытное, стол умещал множество аппетитных закусок и дорогую заграничную выпивку.

Через полчаса Румянцев, помимо густого, роскошного хмеля, чувствовал не только уют, но отчетливо осознавал, это его среда. Он безудержно бахвалился своим недавним богатым прошлым, презрительно отзывался о жене и взхлеб

разворачивал какие-то философские обобщения, в которых собеседники наделялись эпитетами сермяжный, кондовый, исконный и так далее. Сочувствие было абсолютным.

Домой ушел часа через три. Настроение имел самое благоприятное.

Утром после эпизода с радиоприемником Румянцев проснулся на удивление свежим. Обнаружил аккуратно сложенный подле постели вещдок в виде обломков, который несомненно представлял из себя зеркало, в которое он должен после оживания взглянуть. Отсутствовал обычный страх предстоящего дня, стыд за вчерашнее: вел себя нормально (это касалось визита Ширяева и Пети, инцидент с родителями в расчет не шел). Даже подозрительным оказалось то, что ровное, спокойное настроение продержалось весь день. За окном по-прежнему стонал ветер, постная панорама изредка застилалась дымком снежной пороши, по земле гуляла пьяная поземка – квартира дышала надежностью и уютом.

Дня через три Андрей понял, что-то стонулось. По обыкновению нередко думал о Светлане, лепил глубокие, болезненные слова, но уж не держался здесь смак, блеск, представлялось это рефлексией, занятием воображения, суррогатом деятельности безработного мозга. Еще холодил сквознячок тревоги за будущее, но уж не ломил лед отчуждения от жизни. Еще буйствовало пламя позора, держало в черной оби-

тели одиночества, однако брезжили вдалеке фигуры и проговаривались туманные фразы бесед.

В одночасье затосковал по музыке. Когда имелась возможность, жив был инструмент, летаргией хворал, а тут приспичило, запел организм. Мелодии роились, махом разбивали сон, душили сладко. Забывались утром, томила противная неутоленность. Пошлой гитары нельзя купить, эх, подлость!

Встретил снова приятеля из старого двора, поболтали дольше, чем при встрече в булочной. Зашел как-то, посидели. Валера предложил: «Поедем к Чайке, рад будет».

Надо упомянуть, после тех событий Андрей с Чайкой встречался. Сперва в городе пару раз случайно, затем и домой к нему заходил по небольшим надобностям. Даже выпили раз. О старом не поминали. На предложение Валеры Румянцев откликнулся положительно... И впрямь, Чайка встретил радушно. Он по-прежнему жил один, но не скучно.

Жизнь товарищ вел темную, собственно стал «каталой». После эпопеи с мыльницами с год поработал в такси, приобрелся к картам. Поначалу возил «катал», потом и сам народ обувать начал. Его имя приобрело в определенных кругах громкий – Андрей в этом неоднократно убеждался – звук. Если еще года два назад Чайка работал в аэропорту Кольцово, то теперь только в крайних случаях – «на праздник подхарчиться», как он сам выражался. В основном, все происходило в Москве, в Домодедово. Месяц там, два-три дома.

В теперешний приезд у Чайки сидел Федор Палыч, гражданин лет сорока, его ближайший друг, коллега. Федор Палычем, вообще-то, называл его Чайка, большинство – Палыч. Любопытный мужик: бывший футболист «Уралмаша», крупный авторитет в картежном мире, умница – в шахматы Румянцева сделал (а он играл очень неплохо) шутя. Насквозь больной: что-то с позвоночником, язва (кстати, и Чайка подорвал внутренние органы, постоянно лечился), говорун. За свою практику проиграл и отыграл обратно девятнадцать машин. Сейчас переживал драму: к последнему автомобилю, тридцать первой «волге», Палыч прирос душой, а хотелось ровного счета. Андрей посоветовал:

– Так еще одну выиграй, а эту оставь.

На это Федор Палыч разинул глаза и рассудил:

– Во голова. Мне бы в жизни не додуматься, – и тут же приступил к делу.

Произносилось это позже, а в данный момент Чайка приветливо, но заторможено провел гостей в квартиру. Вынул очень приличную закуску, но пить ни он, ни Палыч не стали. Тот за рулем, а Чайка только что «жахнулся». Кольнулся, иначе говоря. Что травкой Чайка балуется, Румянцев знал, что колется – нет.

Посидели тускло. Чайка плыл, ему было не до разговоров. Федор Палыч, кажется, не очень посетителям доверял. Болтал, главным образом, Валера, человек непосредственный. Андрей, ошарашенный состоянием Чайки, чувствовал себя

скованно. Через час где-то удалились.

Месяцем позже Чайка нарисовался сам. Заглянул с нуждой, требовались кое-какие фиктивные справки. Румянцев через фирму мог это сделать и сделал. По этому поводу встречались не раз. Попили. Чайка как раз в наркотическом периоде был, не употреблял. (У него так: водку попьет – с язвой в больницу. Потом отдыхает некоторое время. Начинает затем колотиться. До ручки дойдет – опять в больницу.) А Федор Палыч за милую душу, он, как Андрей понял, колотиться избегал, хоть травкой очень даже пользовался.

В те дни с интересным народом Румянцев пообщался.

К Чайкиным состояниям Андрей привык: он то дерганый был, нес околесицу, то угрюмым, молчаливым. Федор Палыч внимания не обращал, когда Чайка начинал брюзжать, отмахивался:

– Да жахнись, а то несусветное городишь.

– Нет, не созрел, – мечтательно осведомлял Чайка.

Сперва Андрею все это казалось нереальным, даже несколько театральным, однако вскоре от подхода такого избавили.

Заехал раз Чайка с Палычем к Андрею. Ждали Петьку, тот должен был документы принести. Телевизор мерцал, что-то в нем происходило, Чайка нервничал.

– У тебя жгут резиновый есть? – спросил резко.

– Поищу, – испугался Румянцев и поторопился на кухню.

– Да на черта ему жгут, – догнал гневный возглас Палы-

ча, – так обойдется!

Андрей искал, не нашел. Вернулся.

– Нету, – уныло развел руки.

Чайка сидел, закатав рукав. Рука была перетянута ремнем для брюк. Синяя, в кровавых укусах. Он наполнял из ампулы обыкновенный, больничный шприц. Поднял шприц, разглядывал на свет кончик иглы. Снял двумя пальцами соринку. Андрей прожегся оторопью.

– Ты что, грязными руками! Дай хоть на газу обожгу.

– Отвали, – беззлобно бросил Чайка и, приладив шприц к вене, пристально глядя, воткнул. Нажал на поршень, откинул голову, втянул со свистом сквозь зубы воздух.

Андрея передернуло, отвернул взгляд. Федор Палыч спокойно смотрел телевизор. Реакция началась быстро: зрачки налились молоком, стали жуткие, движения разломались. Глубоко, с шипением дышал.

Тем временем возобновила осаду мать – Андрей денег не давал, жили скудно. Пенсию проедали за полмесяца, приходилось занимать. Родители начинали ворчать. Разумеется, здесь работала не только материальная часть, – так и не могли согласиться они с поруганием укоренившегося святого отношения к семейному очагу. Правда, давили косвенно.

Со Светланой Румянцев, естественно, изредка виделся. На щекотливые темы бесед не заводили, исключительно Артем. Что-то в апреле увидел в центре бывшую жену, к автомобилю шла. Села и тут же голову к водителю поверну-

ла, губы зашевелились. Того Андрей не разглядел, очки темные мелькнули. Вскоре и Артем доложил: не ночует мама дома порой. К концу месяца сын объявил: переезжаем, мама замуж выходит. Поздравь, попросил парнишку, усмехнулся криво – самка, животное (к женщинам Румянцев так и не прикасался).

Надо признать, не затосковал. Даже налет некоторый с души слез: что говорить, грезилось порой, душный образ накачивал – похаживает Ширяев, употребляет, похотливую усладу справляет на Андреевом достоинстве. А здесь вроде бы и не умещалась картинка, а и умещалась, так не о Румянцеве писана. Допускал и такое – надежда почилла, задохнулась? И все, что давило оную, прятало, сковывало – груда обид, амбиции, надумки – превратилось в ненужный хлам?

Впрочем, проскользнуло якобы, а ноги зачем-то к Чайке привели, а как привели, так и тело поступать начало. И интереснейшие вещи поперли.

Попал Андрей к Чайке в веселый час, попойка шла. Человек семь находилось, некоторых Андрей знал. К нему и знакомые и новые отнеслись хорошо – видели Чайкину и Палыча заботу. Покушал с людьми вина, да ночевать остался. Еще три ночи присовокупил. И случилась в те безмятежно-трудоемкие дни притча – в Палыча влюбился.

Ан было отчего, человеком тот оказался незаурядным. Позже, многожды с наслаждением вспоминая период, Румянцев закрепил за дядей способность не только к легкосло-

вию – демагог и мыслитель, право – но, преимущественно, изощренный подход к чужой натуре. Андрей не склонялся считать, что Федор Палыч произвел над ним эксперимент – самоконтроль присутствовал – а догадывался, что тот углядел тлеющие искры на душевном изломе и подул, помог избавиться от фантомной боли выхолощенного потенциала.

Для начала Федор Палыч не дал Румянцеву проигратся. В игру наш парень пытался встрять на другой же день. Зачем, неведомо... Сказать есть, азартным он не был, в первый день и следить за картами казалось неинтересно. Играли постоянно, но необязательно на деньги. Ближе к ночи пошло по-настоящему, деньги ходили немалые. Румянцев чаще за игроками наблюдал, занимательно было.

Ночевали вдвоем с Чайкой. Утром приехал Федор Палыч и еще парень. Приглушенно, на особом языке бормотал с Чайкой, Андрей ничего не понял. Катались полдня. Румянцев в основном сидел в машине, остальные выходили по делам, возвращались. Подъезжали к гостинице «Большой Урал», там в те времена собирались незаконопослушные люди. Все это было достаточно терпко. Обедали в ресторане «Центральный». За обедом Андрей с Сашей, парень, что приехал с Федор Палычем, выпили по сто пятьдесят водки. Наш захорошел, удачно шутил, потребовал еще бутылку водки:

– Мы что тут с Шурой, смотреть на вас должны?

Чайка смеялся:

– Выпьешь, поедем сейчас в одно место.

Приехали в большую, очень богатую квартиру. Присутствовали девицы и Андрей застыдился – выглядел, безусловно, убого. Да, выпили. Как и у Чайки кто-то играл, иные трепались, слонялись. К вечеру опьянев, Руянцев полез за ломберный стол. Чайка и Федор Палыч отсутствовали, Саша давно сидел за картами. Все что было, мелочь, проиграл мгновенно. Верно сказать, заведомо желая даже поймать вкус игры не стояло. Понимал, обуют, собственно, и сел людей потешить, однако карикатура получалась слишком явная.

Взял у Саши в долг, тот дал недоверчиво. Повезло, что Федор Палыч и Чайка вернулись до того, как Андрей проигрался окончательно. Палыч, не рассуждая, забрал карты, сперва продул сам, но впоследствии отыграл – Румянцев, вне сомнения, ушел бы на крупную сумму. Отринутый и обиженный Андрей подсел к девицам. Корчил изломанно-бравый вид, нес что-то непоправимое. Презрение к нему вопило. Вспыхнуло самолюбие, опало тут же – тускнело дальше ощущение полной ничтожности.

Ночевали опять у Чайки. Утро вторглось полной безысходностью. Как и вчера, приехали Федор Палыч с Сашей. Полдня ездили, опохмелились, но вчерашнего тонуса Румянцев не достиг. Чайка с Палычем час пропадали, кольнулись – оба в этот период сидели на наркоте – Андрей спал в машине (Саша к тому времени исчез). Еще ездили. Потом

прибыли к Чайке. К вечеру скопился народ.

В какой-то момент Румянцев почувствовал себя лишним. Что он здесь делает? Вокруг чужие люди. Уйти?.. Организм между тем жил обособленно, лениво. Явственно увидел в себе двух человек. И здесь один, безвольный, уязвленный этим и оттого пакостливый, начал донимать Палыча. Тот не играл, сидел на кухне, беседовал с незнакомым парнем. Андрей, толком не уловив суть разговора, встрял, – жадной противоречия выворотилась тоска. Слова его собеседники не отрицали, возражали.

Федор Палыч внезапно возбуждился. Ловко скомпоновав неясные, порой не стыкующиеся мнения, логично и красиво въехал в посторонние истории и соорудил вычурный, неожиданный монолог. Вот его финал:

– Надо уметь быть созерцателем... Возьмем, красота. Тут, братцы, не высшая гармония, а восприятие. Отсюда весьма прилично владеть собой. Таки вы имеете перед собой созерцателя мастера. Да, существует в подлунном заведении такая должность. Имею честь... Например, элементарная тундра – тухлая равнина, скажет иной. Ничего подобного! Надо уметь вникнуть... Что делает мастер? Он готовится. Скажем, перед актом созерцания мне потребно ни о чем не думать. Заполучить состояние сытости, умиротворения, легкой дремы. Когда достигаю отрешения, иду и смотрю. И меня принимают. Вашего слугу приветствуют бездны, жмут руку громады космоса. Я – молекула мироздания и это вершина. Дышу бес-

конечностью и проблемы брэнности перерабатываются как нюансы величайшей соразмерности... Йес, на полочке умение не лежит. Нужен подход.

Он звучно сморкался, азартно вытирал руки о брюки.

– Но тундра, братцы, это семечки, вот есть какая жизненная величина. Плот. Апофеоз, говоря иначе... Вообразите, существует речка, Кижим. Юркая, сволочь, по весне бесподобно. Стремительность движения, ароматы веселых, искристых, липких брызг. По берегам кедр, береза, вездесущий вереск... А ель? Она же, мерзавка, прет в нос, что твой локомотив... И игра моих мышц. Зрение, слух, все совокуплено в динамике. Представляется, вещи, явления, реальность имеют определенную энергию и я суть эквивалент, если хотите, мерило. Чувство предельного постижения...

Андрей слушал его открыв рот и вытаращив глаза. Настолько происходящее не совпадало со средой обитания, что главенствовало недоверие. Но к чему? Оклемался, впрочем, быстро и невразумительно, упрямо пустился возражать... Позволительно сказать, вечер получился сильным. Давно Румянцев не беседовал так насыщенно и эмоционально. Все остальное враз показалось скучным и мерзким, уехал домой.

На следующий день с утра нагрянула депрессия. Хотелось опохмелиться, не быть одному и вообще забыться. К полудню поехал к Чайке – никого. Слонялся по улицам. К вечеру, видя неодолимое влечение попасть в ту компанию, твердо решил, ни шагу.

Еще на другой день, когда заехали Чайка и Федор Палыч, откровенно обрадовался, а воспоминание о вчерашнем постановлении смахнул, как крошки со стола. Надо оговорить, в основном Андрей алкал разговоров, и, не лукавя, принялся Палыча доставать. Тот любезно пускался в мудрствования.

Особенно бросалась в глаза способность нового приятеля говорить глубокомысленно обо всем. Зачастую построения противоречили изложенному недавно, что создавало впечатление аппликативности или заимствования, но когда Андрей указывал на это, гражданин умудрялся выискивать совсем неожиданные сочленения. Особенно любил схоластические развороты, где невозможно было ничего понять, чем-то уязвить, но которые имели мутную глубину. Что-нибудь в таком роде:

– Вообще говоря, отражать мир можно только идеальным образом, выделяя, ибо идеальное – добыча признака, обнаружение закономерности. Так вот, единственная категория, из которой ничего нельзя выделить – бесконечность, самая материальная категория. Сильвупле.

Вскоре Румянцев разглядел, что с ним происходят коварные вещи. Утих самоконтроль, сместились, а то и растворились обычные нормы. Заполнило варево высокого, циничного, вседозволенного. Станный дух свободы царил в мотивах. Однажды произошло совсем невероятное. «В сущности, ничего более глубокомысленного, чем умножение на ноль, человек не создал», – говорил Федор Палыч. И Андрею при-

СНИЛСЯ НОЛЬ.

Готовым к наркотику ощутил себя исподволь. Быть может, это и не готовность была, а скорей отсутствие неприятия. Наиболее четко ощущение проявлялось в момент приготовления и употребления. Теперь Андрей ходил вместе с мужиками на принятие доз и первоначальное любопытство, а то и оторопь, сменились чем-то близким к вожделению.

Обычно ездили в одно из двух мест, дома наркотик Чайка не готовил. Нравилось Румянцеву, когда это происходило у Кости-турка – тот на пару с мамашей вовсю «банчил». Красиво агрегат варили. На огонь ханку, полуфабрикат опиума, преданно ставили в мисочке мутной, рабочей. «Кислым», укусным ангидридом разбавляли. Смрад, запах едкий, веселый. Андрей в эти минуты, на приятелей глядя, испытывал приятную жуть.

– Клавдия Ивановна! – кричит Костя. Голос задорный, злой, ответственный. – Не попаду!

Замерзли, съезжились вены. Мама бежит из комнаты... Шестьдесят лет женщина по жизни такой походкой прошла, что и теперь воздух рядом спокойно лежать не может.

– Сыночка, не тревожься, руку не силь, – гладит мама руку, прильнула привычно к кровинке телом. – Не дергайся, размай ладошку, пальчиками поработай, вот эспадёр.

У Турка вся кисть в шрамах. Что? – интересуется Андрей. Да вот, месяц назад трягнуло (нечистый укол – жар, трясет,

как в лихорадке). Ну, думаю, пройдет... Нет, рука гнить начала, пухнуть (между пальцев укол ставил, на руке устали вены). Я к фельшару, на бабки, козел, делай что-нибудь. Он мне тут надрезал, гной пустил. Спала опухоль, а сюда пошла. Еще порезал... Костя докладывает пылко, жалеет конечность, пригодится... Всю руку распластал, мудака, за мои же деньги.

Кольнулся Андрей в первый раз шикарно. Федор Палыч вкатил ему галлюциногена. Румянцев впал в потрясающий сон. Когда очухался, чувствовал себя ошеломленным, разбитым, попросил увезти домой. Мутило... Ночью проснулся. Кажется, приснился кошмар. Что именно, не помнил. В теле пульсировал страх. Андрей повернулся на бок, натянул на себя одеяло. «Неужели конец?» – спросил, разумея непонятно что.

Утром очнулся угнетенным. Тело было нехорошим. Однако вскоре прошло. «Что-то надо делать, – лихорадочно думал о вчерашнем, – бежать?.. Куда». Проговаривал слова туго, насильственно. И вдруг озарило: «А ведь я справлюсь. Надо пройти все». Тут же заспешил, бросился одеваться. Надо сказать, когда ехал с приятелями к Косте-турку, мельтешили сомнения.

Этот препарат действовал иначе, галлюциногенных эффектов не давал. Явилась пронзительная ясность. Красиво, лихо выстраивалась мысль, любое движение казалось предельно четким, необходимым. Состояние покоя было на-

делено громадным смыслом, обусловленностью. Набухший, дерзкий томился под рукой потенциал. Порой возникало ощущение гениального безумия.

Дня через три исчезло чувство необычности, насилия над собой. Все представлялось обыденным, безусловным. Так боявшийся прежде уколов, теперь наблюдал за этим с охотой. Попадание иглы в вену славно возбуждало.

Раздражающая волокита утра и упругость дня составляли поразительно насыщенный конгломерат. Часто представлялось, что основу кайфа составляет процесс понимания многоукладности существования, овладение секретом обобщения всех сторон. Грань между постным и высоким есть концентрат сущего, квинтэссенция власти... Походя был решен вопрос о воле. Такова суть не преодоление, а оптимизация. Не насилие над психикой, а напротив, свободное, вольное, но разумное ее использование с участием зачастую компромисса, достигается который точным видением точки равновесия.

Однажды находились на богатой квартире, Андрей спел. Поймал звук. Голос, сильный, послушный рвал воздух, обладал и управлял пространством, пеленал. После двух песен Андрей отдал гитару, ушел в другую комнату. В груди что-то делалось... Ночью душила музыка, мелодия и слова плыли яростными могучими взмахами, ускоряли темп, стремительно неслись ввысь.

Как-то сидели у Чайки, Андрей ушел в ванную. Нагрелась

музыкальная фраза, шептал ее, произносил. Не выдержал, запел. Фраза была восхитительна. Это была вершина. Долго повторял один перелив, небольшой кусочек – он вмещал все. Кончилось тем, что Чайка постучал в дверь и раздраженно спросил:

– Ты что, двинулся?

Время кусками полуфабрикатами ползало по весне. Андрей привык. Все было наглядно, выпукло. Только в одном зыбилась беспощадная червоточина – деньги.

Удивительно, некоторое время Румянцев вообще о них не думал. Водку, кормежку принимал, как должное. Даже первые дозы... Возможно, оттого что сам никогда денег не жалел. Звончок, как бы невзначай, брякнул дня через три после первого укола. Андрей спросил Палыча:

– Смотрю, ты сам той штукой, что первый раз мне вкатил, не пользуешься.

Тот промолчал и неопределенно пожал плечами.

– А мне еще раз можно?

– Нет, дорогая очень.

Здесь Андрей задумался. Уже видел, ничего просто так не делается. Денег, конечно, у парочки прорва, но у них и принцип – цинизм. Раз мелькнула мысль, что парня мишурой держат, лоховым, для наглядности – дескать, бескорыстны в дружбе – но угасла: кому рисовать?.. Заныло. В сущности, сам на разговор напросился.

– И как я отрабатывать буду? – вздохнул как-то по пусто-

му делу. Ждал в глубине, что отвадят, мол, не забивай голову, а попал.

– Да уж, копейку на тебя положили.

Открылось в груди темное дупло и ухнул оттуда тихий, но гулкий скрежет. Андрей промолчал, заморил звук зябким бездумьем.

Случалось, Федор Палыч и Чайка ссорились. Главным образом на предмет игры. Андрей уже понимал нюансы, видел некоторые выкрутасы блефа, иной раз меткие замечания вставлял. Однажды препирались, Румянцева не стеснялись. Ругались зло, отважно. С деньгами что-то происходило, как раз всплыли старые долги. Федор Палыч орал, Чайка не боялся. От неожиданности и глупости Андрей мирное слово вякнул. Старший на него разрядился:

– А ты вообще заглохни... – мысль, правда, не закончил. Выперла из темного угла диспозиция, зазудело предъявление.

На другой день взыграла отрыжка амбиций. Уж Федор Палыч в колючках минусов, чужим, злокозненным увиделся. К Чайке потянулся:

– Я, Витя, не хочу (не хочу! – смех) больше вашим иждивением жить. Могу что-то делать?

Вот оно, запалил мосты – выходит, теплилась надежда оттолкнуться. Ох, как не хотелось ответа.

– Можешь, – царапнул Чайка.

Объяснил, нужен клиент.

В общих чертах Андрей знал, что за большим клиентом мужики ходят в Москву. Теперь там не варилось, милиция досаждала. По квартирам, игровым местам молодняк соби-рался. Ну, таскали у мам и бабушек. Ну, квартиры ставили. Все это, надо полагать, не шло по размеру и вкусу. Та ссора недаром случилась, в упитанном клиенте, словом, нуждиш-ка имелась.

К концу разговора появился Федор Палыч. Ухватив суть, в беседу горячо вступил, говорил хорошо, ласково. У Ан-дрея с души сползло.

– А что я сделать-то могу? – Упорствовал якобы, на деле не отрекался.

– Ты же коммерсант важный, с тобой хорошие люди за руку здороваются.

– Да, но...

– На расстояние вытянутой руки человека подведи. А там исчезай. Ты умер, тебя нет, с тебя – очень гладкие взятки.

Первый опыт прошел на удивление удачно, впрочем, и обусловили его дотошно. Сходил Андрей к одному челове-ку – знал за ним горячую натуру. То, се, дело мизерное, уважь. Уважил. Ну, с меня причитается, банька кипит. Повез в спорткомплекс, баня там респектабельная. С собой двух дамочек. Водичкой друг друга поплескали, дамочки масса-жем тело пощупали, млеет физика... Пора и за душу, вон водочка поспела. Ты глотни, а я в завязке. Уж с дамочками.

А поедем, дорогой приятель, на богатую квартиру для

полной ассамблеи. Дамочки щекочут, от икоты приятель головой кивает. На квартире Федор Палыч с Чайкой во фронт вытянулись. Сперва, добрый человек, в комнату отдельную с дамочкой, а потом за беседу.

Румянцев уехал, не мог на дело своих рук глядеть.

Повествовали после экзекуции: повесили на человека сумму. Тот от тождественного антуража головой захворал. Мужики, кричит, сумму только через месяц, безнал проверну. Ну, бог с тобой, гони половину наליкой сразу от нашей душевной широты. Порадовался на широту горемыка, поездил по людям, справил налику.

– Сусанин, – уважительно отметил Федор Палыч и протянул Андрею сумму тяжелую.

– Работай, парень, – присовокупил Чайка.

Сумма, заметим, ушла резво. В два дня проиграл. Как пришла, так и ушла.

Нужно было работать. Сунулся к одному деятелю, но тот и вида Румянцева испугался. Признаки наркомана выступали, Андрей и сам видел. Понимали, естественно, и родные. Мать пыталась что-то делать, но сынок ее перепугал. Затеяла как-то мораль, а того ломало. Кинулся на женщину, вопил, в волосы чуть не вцепился.

А процесс шел, увеличивалась доза. После первой махинации Андрей почувствовал себя уверенней, не лишним. С Клавдией Ивановной, матерью Кости-турка, шутовал как с девочкой. Даже в дела Палыча и Чайки нос совал. Те допус-

кали, не обижали.

Тем временем Румянцев узнал, что дела приятелей складываются плохо. На Палыча наезжал крутой человек, вор в законе. В суть Андрея не посвятили, но он ведал, пока его отмазывает крупный авторитет, человек, имеющий отношение к российскому общаку. Палыч регулярно вносит туда крупные суммы и видит через то белый свет. Другими словами, гражданин нервничал.

Начались нервы и у Румянцева. Ночью просыпался от кошмаров. В первые минуты, когда доходило, что это сон, являлось облегчение, но вслед наблюдалось, с организмом неладно: смущало болезненное дыхание, одолевал нехороший зуд, клетки напряженно ерзали. К утру измученное тело впадало в часто перемежаемое квелой дремой небытие, являло предчувствие тяжелого утра. Дальше начиналась мата: противная пригоршня воды, насильственная чистка зубов, уговаривание себя впихнуть что-либо съестное, – все это, не доставляя прямых лишений, раздражало самим признаком жизни.

Притом чрезвычайных неудобств не было. Минор создавал общий настрой духа и тела. Иногда накатывало капитально. Дядя по телевизору (отец имел манеру рано вовлекаться в общественную жизнь) начинал нести такую галиматью, что ударяло негодованием ко всему имеющему свое мнение. Особенно возбуждало, когда мать, поленившись помыть посуду с вечера, начинала гудеть водой по утрам. Ан-

дрей высказывал на кухню:

– Послушай, мама, – проникновенно, как ему казалось, заводил, – ты претендуешь на хозяйственность, мудрость. Что же тогда сетуешь на тараканов? Можно было помыть посуду с вечера. Сама же подкармливаешь этих тварей!

Мать делала замкнутое лицо. Изводило до крайности, Андрей убегал в комнату. Хотелось во что-нибудь вцепиться, драть до изнеможения. «Боже! – ломал пальцы. – Кто их со-здал!» Вскоре проходило, наваливалась злость на себя.

Появилось презрение к людям. Любопытно, что самозащита, внушение здесь присутствовали отчасти. Свинячий кайф, говорили про алкоголь, и Андрей наблюдал искренние интонации достоинства. Особенно холодно относились к женщинам, и опять не сексуальные потенции решали вопрос.

Скажем, начал Андрей производить впечатление. На богатой квартире к его убогому виду привыкли и, должно быть, что-то разглядели. Девушки жаллись. Если б не его равнодушные, поразмяться можно было. Одна молоденькая уж больно приладилась:

– Ты отчего такой неживой? Хочешь, расшевелю?

– Ты насчет трахтибидох?

– Про кого еще.

– Я, лапонька, человек высоких кровей. А ты мне про игрушку свою. На нее же жутко смотреть.

– Не смотри.

– Хочется.

Словом, изменения наблюдались.

Вообще, без укола Андрей мог обходиться. И, надо сказать, случалось. Особых приключений не происходило, и пусть Румянцев знал, что апофеоз ломки наступает через день-два, это отчасти помогало использовать препарат почти ежедневно. Однако на большие дозы – а все сильней хотелось – он сознательно не переходил.

Но однажды колокольчик зазвенел. Выпало на какие-то особо едкие, переступающие в хмуром тумане дни. Федор Палыч исчез, Чайка болел – взбунтовалась язва, ему было не до Андрея. Румянцев приходил регулярно, тот постоянно охал, стонал. К Косте-турку ездить перестали, варили сами. Следует оговорить, что наркотик доставал Чайка, Андрей в эту кухню умышленно не вступал.

– Надо в больницу ложиться, – сообщил Чайка.

Андрей испугался, а как же он?

В один из этих дней приехал к Чайке, тот отсутствовал. Позвонил на богатую квартиру, мимо. Помаялся и двинулся к Турку. «Может, Чайка там, – уговаривал себя. – Нет – сразу развернусь. Тем более что с Костей сразу рассчитываться надо».

Чайки здесь не оказалось. Андрей соорудил вид, что тот ему крайне нужен... Любезничал с Клавдией Ивановной, потрёкал с Костей (он «торчал»). Спросил задорно, отгоняя всякое внутреннее слово:

– У тебя ширево осталось?

– Вторячок, – равнодушно бросил Костя.

– Не пропадать же... – Бодренько сперва вякнул, но тут же устыдился, пояснил: – Раскумариться надо, паршиво что-то.

День прошел гнусно. На другой Андрей поехал к Чайке пораньше. Тишина. Вернулся домой. К вечеру – предчувствие предварило, Андрей даже заподозрил, уж не наворожил ли сам – начало ломать.

Ныли кости: в берцах, предплечьях, локтях гулял червяк. Андрей подкладывал под ноги подушку, задирали их на стену. Проходило. «Сейчас начнется. Мочи его». Начиналось. «Ага! Так его, козла». Вставал. Ходил. Грудь раздирали страшный зуд. Сердце бунтовало, раздвигало ребра, продирались сквозь них.

Ложился. Отпускало. Сжимало льдистое ожидание. Тело ни о чем ином не позволяло думать. Каждый кусочек кожи, изгиб сустава, молекула крови высоким напряжением были подключены к мозгу.

Заходил в комнату родителей. Назло телу, ломая его, ненавидя, спокойно, привередливо обсуждал теленовости. К ночи мать почувствовала. Испуганно втиснулась в комнату.

– Тебе что-нибудь надо? – спросила болезненно.

Андрей вскочил с кровати, горячо заговорил:

– Мама, мне ничего не надо. Мам, ты пойми. Мне совершенно ничего не надо... Ты просто выйди из комнаты. Спокойно развернулась и пошла. – Андрей подскочил к ней. –

Посмотри, как это делается. Шажками, правой, левой. И пошла, пошла.

Мать хрюкнула, усеменила.

– Ты же видишь, как прекрасно у тебя получается. Ты же поразительно умный человек, – верещал в пустоту.

Заходил отец, молчал. Андрей закрывал глаза, немотствовал. Это было невыносимо... Заснул только к утру. Проснулся и сразу начал ждать. Нет, тело было вменяемым.

– Только ничего не говори, – сразу предупредил мать.

Понял, это всего лишь прелюдия, даже легкая репетиция. «А может, на том и завязать?» – спросил себя. К вечеру нашел Чайку, сделал заявление:

– Ломало вчера.

– Ну и как?

– Ничего, терпимо.

– Будешь?

– Буду...

Появился Федор Палыч. Поехало колесом. После его приезда и возникла та ссора, и Андрей начал работать...

От прокола Румянцев сник. Теперь вынужден был что-то делать, фиаско давило существенно. Ворошил много, но долго ничего не давалось. И ахнуло – Ширяев. Даже сдержаться не сумел – у Чайки пребывали – пропел, лаская в груди восторг:

– Черт, похоже, есть клиент. – Подумал. – Только там крыша мощная.

– Карточный долг свят, – ожил Чайка.

Два дня Румянцев смекал как все обустроить благопристойно. Сообразил, без Пети не обойтись. Ему и позвонил. Петя ужаснулся, когда прибыл, несмотря на то, что ведал от матери Андрея о происходящем. Было отчего, Андрей высох, пожелтел, приобрел изнуренный, отталкивающий вид. Сам видел. Но странно, иногда это нравилось.

Встречу Андрей обосновал денежной нуждой. Сумму попросил небольшую. Петя предложил выпить.

– Не пью, – сообщил Андрей, – колюсь.

Петя мертво смотрел на друга.

– Ну, чего ты, – усмехнулся Румянцев. – Все нормально.

– Перестань. Я Чайке глаз на жопу натяну.

– Успокойся, ты против Чайки – вша. Дело есть до тебя...

Схему операции задумали аналогичную первой. Румянцев создает образ перед Петей и Ширяевым, будто обратник в бизнес. От Ширяева нужны некоторые технические детали. На этой почве происходит одно-два свидания и затем, якобы по удачному завершению сделки, устраивается обмыв. Работает Андрей в паре с Сашей – Федор Палыч с Чайкой засвечены. Ширяев повяжется несомненно – из чувства старой привязанности и вины. Главная задача – заманить в казино. Там все будет обустроено так, что Ширяев выиграет – есть своя девица, крупье – а Саша проиграет. Уже на богатой квартире, как логическое завершение, игра продолжится непосредственно между ними. Схема накатанная,

с большим вероятием успеха.

Однако охваченный азартом мести, вождедея дух результата, Андрей совершил очевидные просчеты. Не предусмотрел он присутствие Пети и его страсть к острым штукам. Даже когда процесс вышел на решающий взем и прокол обнаружился, тревоги за приподнятыми эмоциями не различил.

Кончилось все до смешного закономерно. Ширяев не избежал казино, не отвертелся от выигрыша, но на этом исчез. Остальное проделали с Петей, который, кстати, и в казино проиграл. Андрей уже ничего не мог сделать. Когда на богатой квартире пошла серьезная игра, вмешиваться не имел возможности, не принято, игроки уединились. К утру, с завершением дела, Петя имел жалкий, разве не страшный вид. Румянцева потрянуло отвращением к себе. Он и результатом интересоваться не стал, не имея сил больше ломать роль. Собственно, ничего и не оставалось, как вычеркнуть себя из жизни Пети.

Не дал этого сам же Петр. Через день он явился и видимой удрученности не показывал. Ситуация была невыносимой и Румянцев без предисловий признался:

– Выходит, Петро, тебя я подставил. А хотел Ширяева. – Развел руки. – Так уж вышло.

Андрей подошел к пиджаку, достал деньги.

– Вот моя доля, заberi...

Вчера перед партнерами причитал:

– Мужики, не по делу получилось. Нельзя Петьку – он мой

друг.

– Клиента, Андрюша, ты вел. Варианты были. Мы только исполнители... Возьми лавэ.

– Ну, хоть за половину. Того лоха уважили!

– Нет, Андрюша, обстоятельства.

Постреливало в груди, а руку за деньгами протянул.

Андрей положил деньги на стол, перед Петей. Тот помолчал, сказал:

– Половину возьму, тебе бабки нужны, я понимаю.

– Бери все, ты же круто влетел.

– Не так уж страшно... Знаешь, мы ведь въехали, что ты нас поймать решил.

– Не гони, Петя, – скривил лицо Андрей.

– Точно. Когда в казино приехали. Там у Ширяева приятель, он Сашу знает.

– Так какого рожна! Неужели ты думал, что я тебя хотел подставить?

– Черт его знает, как-то все получилось лихо... Вообще-то я не понимал, что столько проиграю. Ну, думаю, скину все, что с собой. В долг сперва не хотел играть.

– Забирай деньги, – Андрей тронул вторую половину.

– Нет, оставь, ты не при чем.

Андрей замолчал, Петя попользовался:

– Ну, ладно об этом. Что дальше с тобой будет?

– Тебе-то что... все нормально, – ноздри Андрея ходили.

– Не нормально.

– Еще поведай, что специально проигрался, чтоб меня подхарчить.

– Нет, конечно. Но...

– Только не надо, – скривился Румянцев.

– А что надо? – уперся Петя. – Ты видишь, что происходит? Давай что ли в больницу, если сам не можешь... Андрюха, у меня мужик есть, психиатр.

– Петя, ты знаешь, я человек умный. В себе разберусь лучше любого психиатра. Все, что делаю – делаю не просто так.

– Да брось ты – умный! Может, ты и интеллектуальный, но не умный. Ну долбануло по жизни, ну баба. Что теперь – мир в копейку?

Андрей вспух негодованием.

– Ты что, серьезно думаешь, будто все из-за бабы?

– Да кукушку не слушай!

Румянцев хотел друга послать, но враз опал:

– Нет, Петя, тут что-то не то. Не из-за Светки... Сам не знаю из-за чего.

Петя вцепился:

– Ты же видишь, это не твое... Да что там, уж мне куда ни шло, но ты! Ну бери себя в руки, Андрюха!

И вдруг так хлынуло в горло Румянцева, такой силой дернуло голову, что выпрыгнула из мозга слеза и набухла в оке, лишь неимоверным усилием остановил. Бросил голову вниз, охватил руками. Молчал, боясь через голос уронить рыдание. Петя понимал, замер. Вскоре Андрей поборол себя, за-

говорил, руки раздвинул, слезу не сдержал, поехала по щеке, голос корежило:

– Спасибо, понятно, Петя за заботу... Что-то я размяк. Эта штука, скажу тебе, нервы тревожит... Да и вообще, знаешь, вроде бы потаенное слово некому сказать.

Поднял голову. Лицо высохло. Взгляд на Петю не попал, но был твердый.

– Я справлюсь. Не надо меня дергать. Иди, Петька.

После ухода друга озлился. Поехал, кольнулся. К вечеру, однако, затосковал, и вдруг будто с неба грянуло – полтора месяца не видел Артема. Это было так неожиданно, что укора не почувствовал, только удивление.

Последний раз приезжал к сыну, когда уже кололся. Свидание прошло темно, Андрей чувствовал себя усталым, малышу было неинтересно. Занимательно, не мог теперь вспомнить, чем мотивировал отсутствие встреч. Неужели забыл о мальчике? Такого быть не может. Напрягся и тотчас понял, с памятью что-то случилось, вытягивала сухие лишние мысли, эпизоды, но то что требовалось, не нащупывала. «Неужели переборщил?» – испугался Андрей. Пустился ковыряться в себе и страх усугубил. Занимался долго и много неутешительного наворотил. Такая фраза, наконец, появилась: «Неужели Петя меня достал?» Неожиданно стало легче.

А Петя задвигался, приехал с человеком. Представил так: – Антон Владимирович. Я тебе говорил о нем, побеседуй.

Странно, Андрей не испытал недоброжелательства, воспринял предстоящее механически. Провел психиатра в комнату, Петя удалился.

Беседа получилась простая. Когда-то Румянцев, разумея равные аудиенции, подозревал, что психиатр лезет в душу, делает каверзы, из которых вытаскивает неприметные для пациента заключения. Этот никуда не лез и вопросов практически не задавал. Для начала прочитал лекцию о типах людей, склонных к наркомании, далее объявил, что со слов Петра знает предшествующие события, но острой необходимости считать их мотивами не видит. Еще порассуждал общими местами. Румянцев вдруг принялся перечить конкретикой, и кончилось тем, что многое рассказал. Увидев, что врач его хитро раскрыл, не обиделся, и продолжал, обнаружив удовольствие говорить о себе в таком ключе, жалующемся и критическом. Антон Владимирович ушел, озвучив, что случай расхожий.

Однако стронулось. Андрей видел, угар бессознательности, смирения не исчез, но отыскались новые ракурсы. Они лишали шагающих рядом людей масок и, как ни естественно, наделяли двуличностью. Если такое с применением усилия всплывало и прежде, то теперь превратилось в поток, путало, порой угнетало, но и чудесным образом обнадеживало.

Петя, тем временем, отнюдь не доспехами гремел. Он зачастил к Андрею, но вел себя неделикатно. Пенял на неце-

лесообразность, даже безнравственность его поведения. Постоянно нудил о необходимости лечь в больницу. Вдруг озарился идеей самому пуститься в тяжкие. Однажды предпринял самый решительный и дикий шаг.

Пришла Светлана. Сострадания поначалу не демонстрировала и позже, пытаясь спокойно разглядеть визит, Андрей понял, что движимая Петькиными подначками, не верила в реальность приключения. Когда уяснил идею прихода, пожелал Петю убить, но стало забавно – как ведут себя в различных ситуациях бывшие жены. Увидев, что Светлана пытается излагать какие-то заготовки, имеющие образ участия, занедужил и едва ли не грубо оттолкнул.

Петька, разумеется, на другой день объявился. И совсем чудно, Румянцев негодовать забыл, а привередничал. Ты, скотина, коли Светку впряг, хоть бы меня предупредил, а то с наскоку бабу обидел. Неловко. И много еще ныл, как капризный мальчишка перед старшим братом.

Раз съездил Петя с Андреем к Чайке. В карты уж не играл, а вино попил. Сказать кстати, не только Чайке злость не высказал, но напротив, предлагал любезность и уважение.

– Я, есть маза, от Ширяева уйду, – ободрил Петя однажды. Теперь бывшая румянцевская фирма присоединилась к нему.

– Что случилось? – подивился Андрей.

– Мы с тобой свое дело откроем.

Андрей усмехнулся:

– Есть на что?

– У меня есть идея.

Андрей построжал:

– Нет, Петя. Я тебе, понятно, благодарен за все, но это лишнее.

– Брось, Андрюха. Уж не такой я благодетель. Просто мне с тобой родней. Ширяев что-то рожу воротить начал. Власть человека портит... Собственно, у всех настроение такое. Чую, мужики скоро фирму дербанить начнут.

– Нет, Петя, я с этим завязал.

– Но что-то делать надо.

– У меня есть мысли.

Никаких мыслей у Андрея не имелось.

Точь-в-точь после этого Румянцев сказал себе: «Давай, парень!». Вряд ли решение текло из разговора. Просто выпал удобный момент, Петя уезжал в командировку.

Выходил Румянцев на «сонниках» – снотворные, многие пытаются отвести ломку на время сна. Всякое было. К концу недели увидел, основной угар спал. Пете доложил, не умея сдерживать радость, вообще, вел себя, как дитя малое. Выпили. На следующий день вывернуло так, что мать «скорую» пыталась вызвать.

Через месяц Андрей набрал обычный вид. Часто ездил к Артему. Особого внутреннего дискомфорта не ощущал. Деньги кое-какие присутствовали (Петькины – еще пару ненавязчивых попыток всучить их обратно тот отклонил),

собственно, денежная сторона будущего не заботила: полагал, что в случае нужды можно будет запустить карточный механизм. В принципе и кандидатуры виделись.

Как ни странно, самым затейливым результатом прошедшего Андрей находил благодарность не Пете, а Палычу. Представлялось, что Петя, в сущности, ничего не дал, – не отдал, во всяком случае. Он такой, иначе поступить и не мог. Должно быть, он подтолкнул исход, если не совпал с ним. Наконец, и не выход здесь важен, а как раз напротив... А вот Федор Палыч поиграл, – поиграл грешно, но столь особо, в такую целину заступить позвал, что след вытравить не хотелось.

Пообщался еще Румянцев с недавними друзьями. Чайка в больнице лежал, Федор Палыч тоже с иглы соскочил. Чувствовал себя Андрей уверенно, даже подъемно: избавление от недавней власти приподымало. Хорошо побыли вместе. Палыч оживленным выглядел – куш намедни важный отломил. Однако конец встречи дернул.

– Завтра приедешь? – спросил Федор Палыч. Прежде такой вопрос не звучал.

– Нет, надо чем-то своим заниматься.

Собеседник кивнул понимающе. Андрея вдруг пихнуло на менторский тон:

– А ты как дальше? С твоей головой, уродуешь себя. Надолго антракт?

Федор Палыч ощерился:

– Не знаю. Позвоночник надо поправить. Месяца три потерплю.

– Совсем завязать не думаешь?

– Ни под каким гарниром, – снисходительно поделился приятель.

Андрей глубоко посопел.

– Я, Андрюша, не жилец, – уронил Палыч.

Андрей вскинул глаза: «В смысле?»

– В прямом. И будет...

И возьмите, не поколебалось настроение Румянцева.

От Ширяева Петя не ушел. К Андрею стал ездить реже. Наш друг окунулся в не надоедающее одиночество. Полюбил ходить на приусадебный участок, помогать родителям... Однажды Петька увез в лес, по грибы. Продукта Андрей набрал мало, но воздухом, запахами надышался, на флору насмотрелся, звуков наслушался. Сходил другим утром и гитару купил. Сочинять взялся. Песни шли без прежней легкости, восторга, но, вроде бы, приличней, чем первые. Со вкусом мечталось о домашней студии.

Встретил девицу знакомую, купил бутылку шампанского, привел домой. Мать любопытничала, дергала. Боялся, что не получится, и не получилось. К утру с грехом пополам наскреб. Стал к девице похаживать.

Осень выпала дрянная – рядили ленивые, зябкие дожди, мгновенно опала листва, опутала землю неразрывным колту-

ном грязи. Придавленный бугристой пашней облаков, в затхлых, неиссякаемых сумерках прокисал воздух. Грязные машины злобно шипели в лужах, суетились человеки, Андрей много гулял.

Иван попал в мощную политическую команду и переезжал в Москву. Вслед за ним трогался Ширяев. На фирме началось брожение. Месяц препирались, в итоге разбежались. Петя образовался не у дел. Андрей радостно ерничал:

– Как ты мне надоел. Я тебе, Петя, даже рай уступлю.

Два-три раза в неделю на Петиной машине занимались извозом. Жизнь опять сползла в накатанную колею.

Вышел из больницы Чайка, навещался к Андрею. Как-то приехали с Палычем. Покатались. И овеяли парня студенским сквознячком.

– Разговор есть, Андрей, – ближе к расставанию выложил Чайка. – Хотим дело свое открыть.

– Ну, братцы, я рад за вас. Давно пора обманывать людей честно.

– Короче, дело уже есть, нужен генеральный директор. Свой и толковый. У тебя есть опыт.

– Иначе говоря, зиц-председатель Фунт.

– Фирма надежная. Мы ее попросту выкупили.

– Выкупили?

– Не суть важно. Меняются учредители. Новыми становлюсь я, ты и Кутепов (это было одно из известных имен темного бизнеса).

– Кутепов? – Андрей вскинул брови.

– Все узнаешь по ходу.

– А Федор Палыч?

– Ему светиться нельзя.

– Тебе можно.

– Кто мою фамилию знает! Так что?

– Чем занимаются?

Объяснил Федор Палыч. Андрей удалился домой – думать. Решение обещал дать через день-другой. С утра поехал к Петьке. Так и так.

– А я? – сразу спросил Петя.

– Дура, куда ты денешься. Разговор идет о братья-нет. Отъявленные люди Чайка с Палычем. Да еще Кутепов.

Весь день пробивали, рекомендации о фирме получили исключительно положительные. Это и казалось странным.

– Слишком неожиданно и ловко, – рядился Румянцев.

– Такова селява, Андрюха. Нынче пуст, завтра туз. Цепляй момент.

– Сидеть мне, если что.

– Я разве против, ставьте начальником меня... – бесшабашничал Петя. Напирал: – Кутепов – крыша, государства нужно бояться меньше, чем рэкета.

Вечером того же дня нашли Чайку. Андрей пыжился:

– Ответа пока не даю. И не дам, если не скажете, как помели контору... Второе – мои полномочия... Ну и, само собой, без Петьки не соглашаюсь.

– Хоть всех уволь, – талдычил Чайка, – хоть вдвоем с Петькой работайте. Нам результат нужен... Свобода? Как минимум в рамках одного голоса. Ты – учредитель.

Как прихватили фирму, конкретно не рассказали.

– Ты же знаешь наш метод, – недовольно буркнул Федор Палыч, – чего тебе жевать.

«Выиграть в карты такое дело? – усомнился Румянцев. – И при чем здесь Кутепов?»

Через день взялись за дело. Бывший директор, грузный лысый мужик, вводил в тонкости почтительно, дотошно. Подключили своего старого бухгалтера, хотели тамошнюю фитюльку, миловидную, егозливую девицу рассчитать, но не дали. Свободой и не воняло... Все было отлажено, работало гораздо эффективней, чем на своей старой фирме. Петя практически оставался не у дел, шесть человек прежнего состава – их не стали трогать – без осложнений выполняли весь объем. Андрея не покидала тревога.

Усугублялось тем, что учредительство Румянцева выглядело номинальным. К средствам, которыми владела фирма, – по-видимому, немалым, Андрей так и не мог вникнуть в механизм, объем оборота – он отношения не имел. Обозначили, что прибыль будущих операций, причитающаяся учредителям, будет делиться на троих. Но где тогда Федор Палыч, его интерес? Вопрос остался без ответа.

Андрей видел, что снова попал в шоры. Окончательно разлюбил Палыча – в глаза бросалось, что бал правит он.

Уговаривал себя подозрительного не подписывать, осознавая вполне призрачность намерения. Еще Кутепов... Палили в городе вовсю. Авторитетов его размаха валили, не снимая головных уборов. Румянцева чуток успокаивало, что участвует Кутепов не в одном десятке подобных фирм.

Вытребовал Пете компенсацию его проигрыша. Взял себе крупный аванс. Приоделся, обустроил жизнь родителям. «На худой конец», – мрачно определил мотив поступка.

Внезапно начал пристраиваться к Палычу. Прилаживался всячески: то по мелочам заботился, то переживание доказывал, то просто лебезил. Другой раз расковыривал себя перед тем до подноготной, и сам, случалось, к дяде в душу просился. Смысла особого не наблюдал, однако инстинкт ли, в подкорке либо черт – шептало.

К Артему на авто ездил, – машиной фирмы пользовался беззастенчиво. Не преминул перед Светланой в новом прикиде нарисоваться. Женщин новых не добывал, все к одной похаживал. Временами жалел ее. Шла зима.

Весной, на деньки славные выпало – облака румяные, в веселых буклях, пыжились в интимном небе, зайчик солнечный ошалело шнырял по уставшим от сумрака стенам, пахло хорошо, задорно – Федор Палыч пощупал легкими воздух и объявил:

– Есть возможность создать интересное «эспэ». Едем завтра к Куте (так он обзывал Кутепова).

«Началось», – екнуло у Андрея.

Кутепова он прежде не видел, первое общение разочаровало. На фоне окружающих молодцев и громоздких предосторожностей тот выглядел, пожалуй, комично – обрюзгшее тело, кхекающий смешок. Совместное предприятие затевалось русско-австрийско-венгерское. Суть – отправка за границу ферросплавов в обмен на комплектующие по электронике. Дома Андрей прикинул, ему дали произнести три фразы, смысл которых – отсутствие такового.

Ночь провел дурную. Тем не менее дальнейшее первый эффект рассеяло. Андрей ездил в обласполком, имел обильные встречи с уважаемыми чинушами. Держать себя легко было легко, ибо основной целью этих аудиенций являлся росчерк пера на кипах бумаги. Все представлялось законным.

Неделю в городе жили венгры: пожилая мадам и парень возраста Андрея. Мадам бойко болтала по-русски, производила впечатление свежее, приятное, парень выглядел чопорно, замкнуто, русский понимал, но говорить не утруждался. Они привезли документацию, Румянцев общался с удовольствием, мадам оказалась любопытна и восторженна.

Представители завода ферросплавов в эту сделку зубами вцепились, заинтересован был и завод, на который поступали комплектующие: он в свою очередь рассчитывался с ферросплавщиками. Государственные органы не возражали, венгры на любую фразу, имеющую приблизительное сходство с предложением, отвечали «о`кей». С австрийцами –

комплектующие поставляли они – общались по факсу, бумаги с их стороны привезли венгры, тут тоже было вась-вась.

Представлялось, приди любой с улицы, предложи такую схему, и все скажут: благодетель ты наш. Андрей не предложил ничего, с неба упало. Иначе говоря, гиблые предчувствия имели место.

Вместе с тем зажил Румянцев в ту пору насыщенно. Начал углубленно изучать английский язык, и с удовольствием – Светлана в бездельный период затеяла языки мучить, и Андрей подглядывал небезуспешно. Взаялся за изучение компьютера.

Насел на музыку. Купил дорогой синтезатор, шикарную гитару фирмы «Фендер», микшер, процессор, другие примочки. С рук взял самодельный, но вполне приличный шестиканальный магнитофон. Практически получил примитивную студию.

С записью происходило любопытно. Не сразу подошел к хозяйству, боялся. Когда осмелился, понял, что трусил зря, аранжировки покатили. Сооружал их Румянцев просто, компилировал легшие на вкус западные вещи. Основная трудность здесь была с гитарой: рифы, виртуозные партии давались трудоемко... Но главная беда заключалась в вокале. Как уже говорилось, он обладал более чем сносным голосом – в ранние годы на высоких тонах ему давались приличные тембры. Теперь что-то произошло, на коронных тонах голос переходил в фистулу. Понимал, что нужно распеваться, но

делать это нужно регулярно и усиленно. А он стеснялся не то что соседей, но и родителей. Без того вокальные партии устраивал во время родительских прогулок, что уж говорить о регуляции. Приходилось переводить аранжировки в нижние тональности, стало быть, заведомо терять определенный вкус. Бесило... Словом, существо нагрузки имело.

Некогда стало ходить к подруге. Пришла сама и осталась ночевать, но утром Андрей распорядился:

– Встречаемся раз в неделю, в субботу. Нет, лучше... ну ладно, в субботу.

Крепче остальных от происходящего ликовал Петя, он теперь состоял при деле, гонял на Серовский ферросплавный завод. «Дурак ты», – на всякий случай утихомиривал Румянцев, но сам иногда Петиными настроениями пачкался.

Все представлялось слишком неправдоподобным, чтоб длиться долго. И не заржавело. На Кутепова было совершено покушение (через полтора года в Венгрии его убьют). Вслед сообщению захотелось чихнуть, идеологически не стал, в Палыча вперился. Тот и бровью не повел:

– Ближко к сердцу принимаешь, тебе до подобного уважения далеко. И потом, когда в приличного человека собираются стрелять, его об этом предупреждают. Не наше дело, свои разборки.

На деле иначе оказалось. Чайка, друг ситный, лебедь-птица, глаза расковырял, в час докучливый Андрею высказал:

– Не знаю, чем кончится. Федор Палыч концы рвет, при

стечении обстоятельств может и нас отломить. Самое мне не по душе, ты как раз надежней держишься.

– Объясни, коли начал, – совершил вопрос Румянцев.

– А что объяснять. Ноги хочет делать за границу, тут вальнут... Ты его не знаешь, та еще рысь. Он, конечно, гений, Иванова (Чайка назвал одну из самых высоких официальных фигур области) схавал, водой не запивая.

– В смысле?!

– Сынка его разработал, тот на кукане теперь... Но как это было сделано, скажу тебе – суперэкстра... Ты что же думал, в кармане наше «эспэ» заваялось?

– Нет, безусловно.

– Иванов. Его дачка.

– А Кутепов?

– Сам не в теме, здесь и проблема. И Палыч не говорит... Такое впечатление, что Иванов пытается со своей стороны его контролировать. Компромисс.

– Я немного не разумею, что мы можем потерять? Официоз идет через нас, Палыч номинально никто.

– Дура. Он нас убрать может, мы его – нет.

– Что значит убрать? Подожди, ладно я, но ты брата ему родней!

Чайка искренне рассмеялся:

– Ох и наивный ты.

Надо признать, Румянцев не испугался. Чего бояться? Того, что Федор Палыч оторвется за границу без Андрея? Ра-

ди бога, что ему там делать... Деньги? Уже отложилось на черный день. Чайкино «убрать» имеет какой-то буквальный смысл? Но зачем? Нелепость!

Неожиданно Румянцев увидел, что попал в замысловатую, отнюдь не аховую ситуацию, – ситуацию, где некоторые узелки может держать и он. Ярко озарила мысль: если Иванов узнает, что Федор Палыч кое-кого боится, тот становится ничем. Это козырь... Кого он боится? Наверняка это знает Чайка, а он, судя по последнему разговору, союзник... Стоп! Но Чайка должен понимать, какая имеется карта. Почему не пользуется? Может, сам замаран? Хм!..

Так, теперь Кутепов. Какова его роль?.. Андрей засмеялся, сущий же детектив! Однако быстро посерьезнел. А в чем дело! Речь идет об очень серьезных вещах... И дальше уж не только отсутствие страха рассмотрел, но и прямой азарт. Кажется, он начинает въезжать в крупную игру.

Много потом Андрей размышлял. Что это – шанс? Возможность ухватить крупную удачу? Пожалуй нет, во всяком случае, не совсем то... Просто Румянцев стал другим человеком, перестал бояться жить, быть сильнее других... Цинизм? Прекрасно!.. Виноваты в этом последние три года? Несомненно. Роль Палыча сильна, но не подавляющая. Талантливей Федор Палыч, глубже? Допустим. Но и он ценит Андрея, бесспорно, видит в нем нечто. Может, здесь попросту дерзость Палыча?.. Ноздри Румянцева раздувались, зубы стиснулись. Вперед, юноша, ату ее, жизнь!

Так славно пожить не удавалось давно. Мозг работал точно, без сбоев. Прокручивалась масса вариантов, за каждым словом виделся плотный смысл. Понимал, что напряжение, несомненно, излишне, из множества проработок полезное действие выпадет на мизер, но, боясь ломать тонус, отдохновения себе не позволял.

Первым делом начал интересоваться Кутеповым. Выяснилось, что тот подобным бизнесом занимается давно, имеется сеть отлаженных связей, опыт и возможность наиболее организованно производить такие операции. Любая фирма, вникающая в эту сферу, так или иначе, попадает под влияние Кутепова. Причем это происходит практически на официальном уровне... Андрей поехал к Гайсинскому, тот картину обозначил резче. Получалось, что Кутепов мог быть фигурой, которая к тандему Иванов-Палыч интимного отношения и не имеет.

Понравился себе Румянцев, откапывая секрет Палыча. К Чайке обращаться не стал. Вспомнил Нодара, младшего брата Азиза, проходившего в истории с мыльницами, знал, что он имеет отношение к общаку. Возможно, способен узнать, от кого отмазывает себя Федор Палыч. С Нодаром Румянцев сталкивался после того приключения не раз. Впервые, года через два, в ресторане, бывший работодатель был благодушен. Цехом давно не занимался. Позже еще встречались, главным образом на дорогах, делали радушные приветствия.

Как к нему подъехать, подсказал Сергей, старый партнер

по цеху. Он, занимаясь обувью, имел знакомства с цеховиками армянами, что водили дружбу с Нодаром. На прямой вопрос, знает ли Сергей что-либо о Нодаре, тот недовольно промычал:

– Да откуда. Знаю, что ширяется на полную.

По наркоте и пробил его Румянцев. Подкатил на хитрой и каверзной инсинуации. Сначала Палычу сплел досужую байку: мол, Сергей, приятель давний интересуется – есть пакостная надобность до Нодара, сильно хочется поперчить одного товарища. Знаешь такого? Федор Палыч, оказывается, и сам немного Нодара знал, а больше о нем. Ушами не повел, поведал, как и на чем добраться.

К Нодару Андрей подпустил Сергея. Сляпал витиеватую историю уже против Палыча, добро бывшему соседу кое-какое сделал. Тот по простоте задание выполнил тщательно. Сработано было без сучка, но с задором. «Вот так, дорогой», – послал мысленный привет Палычу Андрей. Нужное имя и даже кое-какие детали заныкал до поры.

Немного не дойдя лета, Андрей совершил первый во-
яж в Венгрию. Смысл поездки был сугубо разведывательный. Ехали на автомобиле с Кутеповским человеком. Делали пробный прогон: груз планировали доставлять на камазах – железная дорога постоянно бастовала. Случилась куча едких, впечатляющих мелочей, к делу, правда, касательства не имеющих.

В июне отправили первую небольшую партию. Румян-

цев сопровождал груз, Федор Палыч находился уже в Венгрии, на него оформили документы представителя СП. Расчет был очевиден, деньги за одну из поставок ферросплавов он умыкнет и аля-улю. Вторая, довольно крупная, планировалась к отправке в августе. Чайка затеял нервничать:

– Все, с этой партией Палыч уходит.

Андрей вынужден был играть дурачка:

– У него же здесь семья. Наконец, тебе-то что, все ляжет на меня.

– Дебил! Ты нужен только государству. В худшем случае отнимут имущество. Тебя даже не посадят... Доставать будут меня. Хоть бы тот же Кутепов.

Андрей разводил руки. Через несколько дней Чайка завел решительный разговор:

– Андрюха, нужно что-то делать.

– Что именно?

– Ты едешь с грузом, можешь надавить.

– Чем, пальцем? Может, по сопате ему дать?... Поедем вместе, надавим.

– Я не могу ехать.

– Почему?

– Не могу, – твердо повторил Чайка.

– Хорошо, давай так. Ты уверен, что Палыч хочет всех кинуть? Я – нет... Пиши письмо, я со своей стороны тоже буду капать... Предлагаем: эту партию реализуем честно. Забираем прибыль и скидываем СП другим. Садим новых учреди-

телей, директора. Следующая партия – его.

– Ты что, х.. проглотил?! Это означает открыть карты, он сразу начнет делать шаги!

– Тогда не знаю. Сам же предложил давить. Как это делать, не открывая карт?

– Ты директор и учредитель. Имеешь маневр. Думай.

Надумал Андрей следующее: Чайку надо нейтрализовать, чтоб не побежал к Кутепову. Тотчас пришла и конкретная идея обустройства пакости. Собственно, она была навязчива и отчасти забавна.

Один мужчина однажды капитально обидел Чайку. Должность того гражданина называлась так: начальник подразделения милиции пос. Кольцово. В Кольцово находился аэропорт, одна из вотчин Чайки, и тот естественно имел тесные сношения с дядей. Обидел Чайку дядя следующим образом. Чайка с компанией катал, Федор Палыч не участвовал, ломанул одного товарища с нефтяных копий – всучил, меняя деревяшки на доллары, куклу. На сумму размашистую. Деньги у бедолаги были колхозные, и тот, очнувшись, пришел к нашему мужчине... Одного из компании забрали и долго упражнялись, добиваясь фискальных слов.

Кидалы, в свою очередь, послали к мужчине Чайку с творческими предложениями. Обычно такие встречи заканчивались обоюдовыгодно, но нынче товарищ от творческой суммы отказался и потребовал совсем неприличную – то ли «терпила» много пообещал, то ли товарищ нуждался. Нику-

да не денешься, пришлось давать. Мало того, мужчина начал хамить и попросил больше не попадаться, пообещав «закрыть» Чайку в противном случае за старые грехи.

Как-то раз после того обыграл Чайка одного несмышленного мальчика. Приди ему шальная идея: ты, говорит, вот что, малый, коли долг отдать не можешь, настриги-ка мне маку в одном местечке. И указал на огород того начальника: мужик содержал небольшую плантацию – пирожки, видать, шибко любил. Нарвал малец растения мало, потому что пойман случился. Вообще, мак разводить – занятие крамольное, и от того малого в заведении тщательно учили, дабы вызнать, кто подверг наущению. Малец сдюжил, не выдал. Мужчина по этому случаю нервничал очень.

Таким образом поправил мальчика по подначке Андрея Сергей, который еще с мыльниц имел зуб на Чайку. Сделал это через своего родственника, что служил в рядах как раз под началом нашего мужчины. Чайку закрыли.

«Ну что, парень, – мрачно усовестил себя Румянцев, – теперь до точки осталось Петьке нахезать». Даже дополнительную фразу соорудил: «Что, если его вместо себя директором поставить?»

Что двигало Андреем? Размышлял он по этому поводу нередко. Отчетливо видел, играет в странную игру. Мечтал о возвышенном, жадно, болезненно, чрезмерно полюбил женщину, – сделал все, чтоб уничтожить чувство. Кропотливо,

осознанно лепил из себя порядочного человека, – махом, безрассудно разрушил многолетний труд. Вроде бы нащупал жизненный стержень, музыку, – неизменно, прикасаясь к ней, отводил руки. Все являло недоделка, обрубка, человека, не умеющего идти до конца.

Планируя разговор, сделку с Палычем, предусмотрел и организовал все скрупулезно, включая санкции на случай отрицательного результата. К продумыванию действий при положительном решении не прикасался. Они, например, разумели пребывание за границей, но ни на сына наглядеться, ни родителям намекнуть на отъезд себе не позволял. Правда, любовнице однажды, теснясь с благодарным чувством, нечто смахивающее на прощание пробухтел, денег под пустым предлогом дал. Еще. Шагая как-то по набережной, месту интимному, поймал себя на том, что трогает парапет ограждения нежно.

Наряду с тем периодически возникало подозрение, что он не желает идти до конца, понимая под этим определенность самовыражения, натура исподволь заставляет ступать по границам, соваться в разные ипостаси. Сколько раз кидало в конфликты с действительностью, людьми, собой и неизменно отыскивалась удача, порой собственные силы, выводящие в условия, которые допустимо назвать движением.

Вот и нынче, когда начался разговор с Палычем, кто из властелинов вовремя заткнул рот и не дал произнести претензии совсем, заставил остановиться впритык к пределу,

где можно было изобразить ампула и друга, и самостоятельного человека? К каким веселым ходам получил допуск отсюда.

Ухмылялся двуликий Янус, сопровождая в бурлеске существования. Фарт и непруха, перемешавшись, меняя статус, сопровождали поступь, то обременяя, то окрыляя определенностью и мудростью, дерзостью и страхом. Ушлая мощь обстоятельства, пропитанная кровью потенциалов и норм, таскала по лабиринтам жизни.

Часть 2

– Я отказываюсь тебя понимать, – угрюмо объявила мама девятилетней дочери, когда та стянула у лучшей подружки ненужную ей денежку.

– Она ими хвасталась! – опротестовала создание.

Определенно о Свете в розовые годы можно было сказать, что это дурнушка, разлаженная девочка и полная противоположность цельной старшей сестре. Училась в школе, носила отметки, пятеркам радовалась, зато двойкам огорчалась – в принципе вес их был одинаков. С четырнадцати до семнадцати питала безумную страсть к борщу, его изумительно готовила мама. Часто заставляла содрогаться весь дом.

Папа испытывал к ней неприличную, порой вызывающую у остальных оскомину любовь.

– Давайте не станем подходить придиричиво, – приходилось ему часто примирять домочадцев. – Мы имеем дело не

с фактом, а явлением.

Годам к пятнадцати папина метода была основательно надсажена явной склонностью дочери к «нездоровым интересам». Окончательно поправа, когда всеведущая сестра в пылу очередной распри обличила:

– Полюбуйся, папочка, на свою любимицу. Она не девушка! – За что немедленно получила презрительное определение «гнида».

Эта оказия была, пожалуй, самой последовательной: с отрочества Светлана трепетно следила за своим телом. Отчаянные разговоры подружек доводили до иступления. Конструкции, размеры, поведение женских и мужских органов являлись вещью занимательнейшей. После второго полового акта Света с очумелым ликованием прошептала: «Я – блядь!»

Достаточно влюбилась девушка в пубертатном возрасте два раза. Первая история оборвалась стремительно и обидно. Следующий парень, Вовик, заставил страдать и доводил до отчаянья, но месяц спустя Света оклемалась и вспоминала прошедшее с интересом.

После Вовика, он станет ее вторым мужем, случались еще юноши и молодые люди, Светлане нравилось чужое тело. Но особенно – предварительный процесс, слежение за поведением самца. Непонятными судорогами отзывались пойманные от очередного предмета намеки, флюиды, проявления чувств. Корезить их напускной недоступностью или, напро-

тив, вступая в игру, усугублять нарочитой взаимностью было наслаждением. К собственным влюбленностям относилась настороженно, оттого что себе не доверяла.

– Вы какой-то не славный, – морща нос, нравилось ей одно время доводить до сведения очередному знакомцу.

– А что вас не устраивает? – щетинились подопытные.

– Понимаете, что-то с ушами неладно. Собственно, и нос сочувствия не вызывает.

Иные немедленно принимались щупать указанные принадлежности и дальше предлагали взглянуть на себя. Светлана тут же смеялась и, дружески прикасаясь к человеку, разряжала:

– Да ну, пошутила. Напротив, вы очень симпатичный, – чем мгновенно добивалась снятия естественной воздержанности.

Вообще, любила дома заготовливать схемы и проговаривать диалоги, вместе с тем и на импровизацию оказалась легка. Жила взвешенно, глубокомыслием, заботами о будущем себя не утруждала. Собственно, и настоящее не опутывала узами определения. Все было слишком нескучно, чтоб обращать на это внимание.

– Ты, Светка, стрекоза, – укоризненно говаривала сестра. – Мне страшно думать о твоём будущем.

– А чего заранее о нем думать? В будущем и подумаем, – ерничало насекомое.

В институт не пошла от обыкновенной лени.

– Светлана, в твоём роду нет людей необразованных, – безысходно порицала мама.

– Куда прикажете?

– Мы все имеем университет.

– Хочешь, я за полгода освою все, что ты знаешь?

– Не хочу!

Действительно, Светлана была начитана.

– Ты специалист по вершкам. Остальное – невосполнимая брешь, – огорчился отец.

– Я специалист-стрекулист, – баловалась дочь. Ластилась: – Ну папка, я умненькая – гены гуляют.

После школы занемогла высокими вещами: оперы, симфонии. В слух ложились прочно. Чтение: кончилось стихосложением. Незамедлительно осознала – поэт и, ну о чем вы, гениальный... Заинтересовалась живописью. Сходу, на диво ловко принялась рисовать. Хмуро отметила, обладает разно-сторонними способностями.

– Я тучка-могучка, – балуюсь с папулей, резвилась.

Тот серьезно посмотрел и отметил:

– Знаешь, а дар, кажется, присутствует. Ты будешь любима.

О Румянцеве говорили, звук произносимого имени приятно шевелил мембраны, пошла, когда поманил, отсюда. Но дальше... Товарищ оказался простым, прискорбно приятным человеком. Ласковым и хорошим. Ореол растворился.

Поэтому Светлана не удивилась, когда он предложил руку.

Вообще, замужество как жизненное колебание женщина не восприняла. Влюблена случилась в Андрея? Ну да, вроде бы... Разумеется, влюблена. Однако уж с Румянцевым затевалось серьезное, собственно, беременность состоялась, а произошел эпизод с одним мальчишкой.

Она видела, что Румянцев не чувствует ее, не понимает. Как ни странно, это устраивало. Как бы возникал зазор, пространство, где можно домысливать то несуществующее, но потребное, что склеивает двоих и, во всяком случае, поддерживает совмещение.

Обабилась, к всяким идеалистическим выкаблучиваниям охладела. Переменила вкус: Андрей классику пылко не воспринимал, скажем, музыку слушал только западную, и Светлана следом. Другое дело, на живопись смотреть Румянцева научила. К тому времени многое ведала, ибо папа, углядев интерес доченьки, иллюстративные книги прикапывал, на прикладную литературу не скупился. Впрочем, и это существовало недолго. Как Артем на свет выбрался, так и отпало.

Беременность и появление сына были, пожалуй, первым устойчиво занимательным периодом. С интересом наблюдала за телом, возникла потребность делиться с кем-либо о внутренностях. Румянцева это бесило, не умея сдержаться, Светлана вынуждена была доставать свекровь либо ездить к родным. Кстати сказать, крепко сдружилась теперь с сестрой.

В момент образования человека кричала. Не так больно было, вполне терпимо, но требовалось заглушить, уничтожить ужас разделения. Странностей нашлось немало. До грохота в ушах, до колик раздражало сюсюканье, возня Румянцева с малышом. Ни разу притом не выдала этого состояния. Собственно, и один день без этого насилия доводил до иступления. Однако совсем дикими состоялись мгновения безмерной усталости, равнодушия к сыну, Румянцеву, набрасывающиеся невесть откуда, приближающиеся постепенно, с царапающим напряжением.

Здесь Светлана начала потихоньку понимать, что она, как говаривал Румянцев, немножко вольтанутая. Исток, несомненно, тот, что вовремя не полюбила. В пору юности, когда все нормальные девочки мечтают влюбиться, Светлане на мероприятие было наплевать. Собственно, она влюбилась. В Вовика. Но совершила данное на всякий случай, без организационно-регламентных операций. Как следствие, его «отход на север» прошел безболезненно. А сейчас понадобилось, приспичило. Что называется, заскала ногами... Андрей? Ну да, да. Но он родной. Одно из двух, либо родной, либо любимый.

Отсюда Светлана совершила вот какую штуку – влюбилась в себя. Именно тогда она начала прихорашиваться, крутиться у зеркала. По этой причине запустила перед мужем позы строить: тут спинку выгнет, там ножку выпрет. Андрей уткнется в книгу, равнодушный, отдельный. Ненавиде-

ла смертельно.

– Румянцев, ты меня любишь?

– Зачем? – кривил тот улыбкой уголок рта.

Ура! Слышать согласие было бы непереносимо.

Надо отметить, убереглась от превращения в наседку-квоточку. Старательно избегала прогуливаться во весь тротуар с коляской в компании молодых мам. Сторонилась многочасовых бесед о памперсах и прочем. Выручал Румянцев, он любил гулять с сыном. Ни разу не сказала, подразумеваемая Артема, нам, – «нам три месяца, у нас такой-то вес».

Особой бабьей сноровки не наблюдалось и часто находила себя беспомощной. Крупно помогала Татьяна, жена Сергея. Она разрешилась годом раньше и забегала почти ежедневно – проконтролировать, обеспечить советом, поболтать. Разумеется, к процессу подключились мама с сестрой. Характерно, где-то здесь начала Света испытывать к маме вескую нежность, чем раньше, приходится признать, себе не досаждала.

Встретила Вовика – Артему к году подходило, жили не размашисто – в магазин с сыном направлялась. Тот сам подошел. Светлана и узнала не сразу, поплотнел, в коже, очки надел, окоротил волосы, на макушке высвечивала тонзура – возмужал. Потрепал малыша за щеку, улыбался.

– Нет, тебе малый просто к лицу, просто, Света, ты в самом выгодном свете.

– Где там, – вдруг застеснялась девушка: что-то пальтецо неказисто, неудобно на плечи надавило, прическа не так

легла.

– Я настаиваю.

Начал рассказывать про себя: ребенок, жена милая, сам семидел. Жизнь употребляется за обе щеки. Расчудесно, словом. Светлана ежилась от желания уйти. Подойдя к магазину после расставания, в витрину на себя взглянула. Сейчас же взгляд убрала. Тут Артем заскулил, пихнула в рот соску: «Замолчи».

Наверное, в эпизоде с Чайкой существовала органика. Светлане он по гамбургскому счету был неинтересен, но сам вычислил женщину мгновенно. Просто всунул в нее руку и взрыхлил дремавшее, неутоленное любопытство. Особо с ней и не рассоливал, а распорядился через Андрея:

– Реализатором Светку поставим, – произнес, например, и Румянцев без задних мыслей поинтересовался: «Пойдешь?» В Светлане вздрогнуло зябкое негодование, она согласно окунулась в швейную машинку, застрекотала.

Находясь со Светланой вдвоем, когда возил на реализацию или оттуда, Чайка молчал. От него исходила раздражающая и глубокая власть, которая сжимала женщину, заставляла ежиться, выцарапывала несвойственные, как бы экранящие потоки словоблудия:

– Я Румянцеву говорю, не закрывай на ночь форточку. А он, дурак такой: вдруг мне приспичит с женой баловаться, зачем других людей пугать.

Эта непереносимая, безвольная глупость оставляла чувство, будто под гипнозом заставляют раздеться на виду толпы. Когда увел Чайка к себе, она знала что произойдет. Это была неизбежность. Старалась ни о чем не думать, но существо зудело – так надо. Не от желания, а наоборот, чтоб избавиться, скинуть гнетущее, липкое наваждение.

Настолько было ясно как мучается Андрей, как поведет себя Чайка, что, выйдя из цеха, Светлана богу поклонилась за звонкую, мгlistую пустоту в сердце. Впрочем, в горле лежала сухая, вялая горечь. Даже позлорадствовать не сумела тому, что, подъехав на машине, Чайка не открыл дверку и не распорядился сесть, а вышел и, заметно волнуясь, попросил:

– Света... это, ну... поедем ко мне, выпьем немного. Посидим просто... Поедем, а?

А дома оказался брат Чайки. Светлана удивилась, что тот сидел до конца, не ушел, как водится в таких случаях, выпив символически. Когда, часа через два, Чайка разве не с облегчением выпроводил ее, женщина испытала досаду от нескладного, незавершенного дня.

Впрочем, симпатичным явилось избиение ее Румянцевым. Ему это столь не шло, что хорошо усилило чувство недоразумения. Несколько позже экзекуция, такая проникновенная, высветила хоть и сладкую, но как бы взятую взаимы боль.

Первое крупное расставание сильных переживаний Светлане не дало. А то и принесло некоторое наслаждение. Ее

не трогало, что Румянцев если не победил, то не проиграл, оказался достаточно стойким человеком. Наиболее язвющим состоялось, что причиной подобной разрядки явилась, безусловно, она. Не стеснялась признаться, муки Румянцева – всем существом различала их – вызывали теплоту. Не от разогретого самолюбия – просто так.

После размолвки могла бы жить и одна, но досаждали родители:

– Боюсь, в тебе живет нечто грешное, – настаивала мама. – Если мы, родители, конечно, выдержим, то там хрупкий, ранимый и, поверь мне, неплохой человек. Ему трудней.

– Не знаю, что произошло, и не напрашиваюсь знать, – в крайней степени удрученности доказывал отец, – но я не могу избавиться от чувства собственной вины.

Уместно почувствовала себя женщина в институте. Здесь в гендерной сфере царил атмосфера пикантной интриги, разговоры сочлились недомолвками, намеками, обещаниями. Нагромождения словес, которые городили записные ловеласы, не пропадали втуне – удавалось вести себя реактивно. Прижилось в ее отношении определение «милая чертовка» и Светлана без колебаний таковой себя ощутила.

Без особой нужды гражданку стали брать в командировки, и ей понравилось ловчить в обстановке интенсивных натисков. Наиболее домогающимся оказался напористый и молодой «научный светильник», по ней, «окучиватель», по

нему, который через месяц после ее появления поделится:

– Светик, я поспорил на ящик водки, что у нас с вами – произойдет... Я предлагаю вам два ящика водки, в итоге мы оба выиграем.

Света принялась сомневаться:

– Но вы отчего выиграете?

– Как же! Если не произойдет, то я просто ставлю ящик водки. Если произойдет, ставлю все тот же ящик, ибо один компенсируется выигранным, и... само происхождение.

Света подумала и отказалась.

В командировках «окучиватель» чертил план атаки:

– Итак, у нас три дня. В первый я выбираю французский метод. Цветы, шампанское, вообще галантность, вообще ресторан и прочие вообще... Далее, при вашей несокрушимости, на что я не хотел бы надеяться, нанайский метод. Отчаяние, слезы, я извиняюсь, сопли, прочая атрибутика. Я очень на это рассчитываю... Наконец – вы просто не оставляете выбора – сицилийский метод. Кинжал, раскаленный утюг, иглы для подноготных пространств. Уж вы не обессудьте!

– Уже чувствую, сицилийский мне наиболее близок, – шуточно возбуждалась Света.

– Ловлю на слове, с него и начнем.

Он таки разбередил Светлану на адюльтер, но согрешила не с ним, хоть в командировке находились вместе. Подчинилась позыву, отчасти бзiku попереचितь «окучивателю». Будучи с ним в ресторане, соглашалась на приглашения к танцу

навязчивому молодому человеку от соседнего столика. Тот завел ее в свой номер, пылко и, надо сказать, приятно овладел. Запомнилось тем, что по прибытии домой Светлана обнаружила неумемную сексуальную страсть и до неистовства ласкала Румянцева, чем вызвала у него некоторую озабоченность.

Внезапно стала ревновать мужа к Артему. Возможно, наоборот. И впрямь, мужики задружили. На удары судьбы Артем жаловался непременно Румянцеву, маму принимал, как должное. Она затеяла не в прямую, как бы ворча на долю вообще, плакаться маме, и та сразу угадала:

– Знаешь, у нас это кровное. Я на твои отношения с папой жутко нервничала.

Порошами, коротким унылым днем, узорчатой изморозью на стекле разряжались зимы; легким румяным облаком, постылой душной ночью, тяжелой докучливой истомой проскальзывало лето. Неутомимо осыпались отягощенные сутью и сутолочью листки календаря.

Поссорились с Татьяной. Дети что-то не поделили, занялись реветь. Мамы туда же. Пошли бабские разборки (мужиков рядом не было). Дети уж и забыли, а мамы – воронье – такого наворотили, что два месяца друг от друга откидывало. Румянцев с Серегой смеялись – пусть их. Потом Сергей Татьяну притащил и бутылку к ней. Рассудил так:

– Слово нехорошее скажете – одной в правый глаз, другой

– в левый. И решайте, кому какой ближе.

И вообще, наладилась Светлана одно время ссориться. То со свекровью – Румянцев сопел, но молчал – то со своей сестрой. Тут Румянцев не сдюжил, золовку он прочно привечал.

Пожелала Света английский язык освоить и не преминула. Пошла с приятельницей на курсы, дело двинулось споро. Наловчилась читать книги на исконном языке. Дошло до того, что в разговорах начинала делать мысленные переводы на английский, оттого совершенно отключалась от сути и попадала в дурацкие ситуации. «Ты жить будешь – нет?» – интересовался частенько Румянцев, беседуя с ней. Вслед за английским ударилась в немецкий.

Расположилась приставать к Румянцеву относительно его музицирования. Что песенки сочиняет, естественно, видела – тот и не прятался. Но делал их мужчина для внутреннего пользования, на посторонний слух бессвязно, целое фактически не воспринималось. Однажды попросила:

– Что ты все про себя мяучишь. Спой хоть раз натурально.

Румянцев отмахнулся, как от мухи, и Светлана обиделась, стала настырничать. Однажды он психанул и нечаянно оскорбил, оставила домогательства. Раз, впрочем, Румянцев в хороший, грустный час спел – Сергей с Татьяной еще присутствовали. И действительно, исполнил душевно, у Светланы нутро осветилось. Она вплоть до сна тихая состоялась, потрогать хотела супруга и не решилась. Словом, жила недурственно.

Нападала странная, глухая тоска. Зимой преимущественно. Однажды что-то в голову втемяшилось, уехала к родителям без Артема. Без уведомления. Вечером позвонила: «Андрюша (Андрюша!), я несколько дней у родителей поживу». Тихо, со страхом произнесла... Румянцев долго молчал. «Поживи». Теперь же защипало. Еле утра дождалась, на такси домой прилетела. Все это выглядело подозрительно, нелепо, только и стучало: ах, какая гадость! Но не пересилила себя – Румянцева хотела видеть до смерти. И точно, тот занервничал... В другой раз заныла: давай еще ребеночка соорудим. Румянцев отказал. «Ну и не надо», – мысли спокойно исчезли.

Одно время полюбили гулять вечерами по симпатичной укромной аллейке.

– Господи! – признавалась Светлана. – А звезды-то какие!

Румянцев внимательно разглядывал явление и соглашался:

– Пожалуй.

В такие часы доводилось товарищу грузно обнять женщину и ей становилось славно и бездумно. В тот же период Румянцев, никогда прежде не даривший цветов, без причины притащил домой букет.

– А? – игриво спросил. – Каков я из себя?

– Дурак такой! – забрала цветы Света. – Денег в доме нет.

Немедля пошла, купила на остатние деньги продукты («курица-табака» было ее фирменное блюдо) и бутылку су-

хого вина. Долго дурачились ночью, и Светлана чувствовала себя маленькой.

Наладилась наша мадам курить и разговаривать о интимных штукаx с Ириной Репринцевой. Та рассказывала истории, Светлана загадочно отмалчивалась и чуткая Ирина рекомендовала:

– Измени.

«Дура я», – думала Светлана и, поместив на лице скудную улыбку, отрешалась.

Невзначай немножко влюбилась. В «окучивателя». Но узнала об этом, когда тот вышел из ее жизни, как из тесной комнаты, вежливо прикрыв за собой дверь.

– Ну, ты и животное, – жестоко напившись, рассудил он на другой день после той Светланиной демонстрации.

– Вы, Анатолий, за собой следите. И попрошу вне деловых мероприятий со мной впредь не беседовать.

Он и перестал беседовать. Старательно избегал встреч, а при неизбежном общении столь искусственно напяливал безмятежную гримасу, что белели кончики ушей... Светлану обуяли мысли о нем. Через некоторое время Анатолий себя осилил и обратно научился шутить, но исчез огонек во взгляде. И Света держалась холодно, но по завершении разговора наполнялась окаянн^{ым} бременем. Вскоре тот уволился.

– Я нашему знакомству честно рад, – исповедовался на прощание. – Ящик водки, само собой, жалко, но сколько ем-

ких минут пережил... Ты, Света, женщина иная. Я прикидывал, таких вроде бы не встречал. Держи себя, не меняйся.

И затомилась девушка. Правда, недолго. «Ох и дура я», – заключила однажды, готовя на кухне и глупо улыбаясь.

Снова к Румянцеву приставать намерялась: «Скажи, любишь меня или нет?» Не сомневалась, тот слова боится и не признается. Ночью просыпалась, смотрела на тусклый силуэт мужа. Чужой по сути человек, двадцать лет где-то шарбохался с тем чтобы зацепить походя, лечь рядом. Нелепо! Отворачивалась, осуждала судьбу... В иной час лазала рукой по Андрею, такому родному, накатывало – влезть в него, в щелку какую, за бугорочек спрятаться, чтоб никто в мире не подошел и не трогал, не тревожил нехорошую душу.

Притча – сломала зуб. Передний, самый видный. Артему орех вынимала и пожалуйста.

– Тебе идет, – рассудил Румянцев.

– Идет! – огрызнулась Света.

Через месяц муж уточнил:

– Так и будешь ходить?

– Буду! – зло отбрила Света.

Более полгода ходила со сломанным зубом... Был период – перестала в зеркало глядеться. Прежде педантично шила себе новое, а нынче оденет что в руку попадет.

– Лахудра, – как-то подтрунил Румянцев.

– Не твое дело, – отрезала Света.

И вдруг разбогатели.

Чтоб очень уж любила Светлана богатеть – нет доказатель-ства. Случалось ей хорошо и в бедные времена. А разбога-тели зело: в кошелек заглянешь, деньги лежат. Подначивать насчет квартиры она начала.

– Чего тебе тут не живется? – лениво отбоаяривался Ру-мянцев.

– Может, я от тебя уйти собираюсь. Ты мне квартиру оста-вишь.

Когда справили жилье, ночами снилось, куда гвоздь вбить. Ушла с работы. Румянцев от богатства тяжелым стал, я, говорит, нуворищца, пусть баба дома сидит, суп греет. Уволил. Света за суетой и погоревать забыла.

Влезла в аэробику, по экстрасенсам прошлась. То Юлия ее потаскала – большая любительница. До церкви добрались. Время, сказать есть, употреблялось.

Румянцев гулять начал, пить. Светлана поначалу затужи-ла, а потом привыкла. Вот пировали у Репринцевых на даче. Народу много. Светлана пошла по нужде, да мимоходом Ру-мянцева с Ириной застигла. Тот женщину целует и руку ей на пресловутое место кладет, а Ирка, подруженька веселая, глаза зажмурила и той руке своей помогает. Светлана по де-лу сходила и обратно вернулась. «Видела я», – говорит на другой день. Спьяну-то тебе чего не приблизнится, отвадил Румянцев. Вот и весь разговор.

Не скучно было жить. Увеличивался в объеме сын, не слышно гудел на кухне холодильник, солнце, добросовестно

грея, протискивало трепетный луч в угодливую, согласную на все квартиру.

Надо полагать, наиболее определенное отыскание себя началось у Светланы с отношений с Ширяевым. Все что происходило до того было потоком событий, времени, – рефлексивное, инстинктивное, осмысленное, но не созданное. Не нравился ей Ширяев. Оттопыренные, вялые уши, несуразные пропорции лица, прямой, точеный, неуместный нос. Неопрятная фигура. Высокий, гиблый голос... Но он обволакивал, завораживал Румянцева. Тот настораживался и недолюбливал приятеля. Личина таинственной, подспудной власти проступала в их взаимодействии и это интриговало.

На вечеринке однажды, танцуя с Ширяевым и будучи в приятном опьянении, уловила шальной мотив. Скользнула по плечам партнера слабая рука, пальчики пошевелились. Взгляд вялый перед собой держала и – грудью невзначай коснулась.

– Лерка, ты чем своего кормишь? – звенела, пересиливая музыку, жене Ширяева. – Совсем костяной.

Присаживалась к той, беседу вязкую заводила.

Как-то зашел Женя к Румянцеву по делу.

– Проходи, Андрей скоро подойдет, – предложила Светлана. – Чаю пока выпьем.

Через полгода упражнений Евгений признался:

– Света, со мной что-то происходит.

Мадам молча перебирала в руках безделку.

– Да, влюбился я.

– И чем могу помочь?

– Не знаю.

– Так уж и не знаешь.

Ширяев тяжело заморгал.

– Подумаю, – сказала Света.

Через месяц появился:

– Ты мне прямо скажи. Нет, так нет. Чего голову морочить. – В глазах горели колючие искры.

– Ну, устраивай, – с внутренней судорогой озвучила ситуацию Светлана.

При устройстве Ширяев трусил беспощадно.

– Что-то я... того... – неловко открыв шампанское, облившись, бормотал.

Возню Ширяев начал карикатурно, ничего у него не получилось. По лицу ползали красные пятна.

– Успокойся, Женя, – пощадила наша авантюристка. – Я сама все сделаю.

На следующее свидание Света не пришла, объяснила внезапным приездом Андрея. Солгала. Равно еще раз. Ширяев принялся отворачивать взгляд при дежурном общении. Через полгода спросил:

– Зачем тебе это было нужно?

Светлана смолчала.

– Может, встретимся? – отчаянно выдавил.

– Я не против.

Сегодня он был отменно хорош, говорил, целуя ноги:

– Такого, солнце, у меня никогда не случилось.

Покоряла его конфузливость, неопытность. На фоне сексуальной раскованности мужа Ширяев смотрелся славно. С недоверием порой в моменты близости ловила ощущение чего-то родного – стершееся в отношениях с Румянцевым.

Нравились разговоры. Андрей был глубже, виртуозней. Женя – кропотлив, нуден, но понятен. Раз поймали тему, очнулись оттого что вышло время, толком и не побаловались... Евгений открывался взახлеб, безоглядно, дошло до того, что о румянцевских гулянках пытался докладывать. Светлана пресекла.

Когда Румянцев спросил про Ширяева, призналась без труда. Так тащило сделать больно, столь влекло взломать постылые дни, бабью неутоленность, все-все. Это позже металось отчаяние: «Дура! Что же я натворила!»

Не оставалось сомнений, твердый конец – только этим погашались поползновения упасть на колени, умолять простить. Терзала выпуклая ненависть к Андрею. Случалось плакать перед сном, садилась перед кроватью сына, долго всматривалась. Чисто засыпала.

Приехал Ширяев.

– Я тоже жене сказал.

– Зачем? – искренне удивилась Светлана.

– Я тебя люблю, – поставил в известность Ширяев, – буду

с тобой.

– Со мной? – Светлана чуть не рассмеялась. Осекла себя. – Нет, Женя.

– Вернуться надеешься.

– Не знаю... Нет.

Ширяев помолчал.

– Что мне делать?

– Ничего, хочу в себя прийти. Тяжело мне. Позвоню потом.

Опять молчали.

– Деньги нужны?

– Говорил Румянцев о каких-то деньгах.

– Да, но это позже, пока возьми сколько надо.

– Дай немного.

После этого встретила Светлана с Ширяевым один раз, впрочем, по телефону разговаривали часто. Евгений на свиданиях не настаивал, ждал. Уже с Вовиком начала общаться, сама позвонила, предложила увидеться. В финале сообщила:

– Мы, Женя, с тобой попрощались. И не звони, пожалуйста.

– Не дури, – не поверил дружище.

Солгала:

– Я замуж выхожу.

Ширяев напрягся.

– Перестань. Не надо так себя вести. – Схватил Светлану. – Я на все готов.

– Женя, отпусти. Иначе я тебя сильно обижу.

Все-таки Ширяев приезжал несколько раз, Светлана категорически не вышла.

Постепенно боль утихла, но думала о Румянцеве достаточно. Вообразите, прежде его не рассматривала: психовала, радовалась, о причинах и следствиях не помышляла – и на тебе... Удача для нее был Румянцев или нет? Эгоистичный, красивый, в сущности – ломкий, расплескивающий себя на пустое. Ее ли мужчина? Поразительно, насколько уверенно, объемно чувствовала она себя с Ширяевым. Впрочем, что значат эти трех-четырёхчасовые встречи.

Не употребила Румянцева любовью! Кто виноват – он не пускал, сама не просилась? Сама – какое мерзкое, колючее слово. Эти желеобразные самопровокации. Что она – пуста, приживалка? Нет, вроде бы: возьмите Ширяева... И Андрей ее любит. Любит! Не от нее бежит, от себя.

Чутко реагировал на Светлану отец. Такой дружбы, свободы она ни с кем не испытывала, он и подsunул краски. Пустилась мазюкать. Краска к бумаге не липла, корежилась под ней плоскость, однако рисунок хорошо пошел, карандаш слушался.

Ей всегда давалась линия. Когда после школы затеяла с фотографий лица срисовывать, папа научил разбивать образец на клеточки и по ним делать рисунок. Скоренько девочка от приема отеклась, рука оказалась ловкой, сходу воспроиз-

водила натуру точно. Без практики ухватывала пропорции, светотень, фактуру.

Однако карандаш не утолял, пошли мучить цветные сны. Бестолковые, хаотичные, оставляющие нехорошую пустотинку. Стала сны придумывать. Поняла, что хочется, нужно писать... Однажды гуляя по городу – занималась этим Светлана охотно – заставила себя зайти в дом художника. Экспонировались именитые художники Урала. Светлана уже была начитана, почувствовала себя раскованно. Начала посещать экспозиции, выставки... Снова взялась за акварель.

Как-то приснилось. Женщина. Невероятно красивая. Изящное лицо, печальные, нежные глаза. Изумительные формы... Ноги были обрублены.

Светлана резко проснулась, сердце kloкотало. Поняла – идея.

Утром не могла вспомнить лицо. Да и бог с ним. Лицо, собственно, не должно быть красивым. Верно – теплым, мягким... Итак, сюжет. Лужайка, на траве плед, корзина с едой. Вот и название, «Завтрак на траве» – Моне, думается, в претензии не будет. На пледе сидит девушка. Юная, смазливенькая. Короткое платьице с открытыми плечами, голова запрокинута солнцу. Плечи опираются на руки, бретельки спали... Рядом юноша копошится в корзине, расслабленно деловит. Расхожая жанровая сцена выписанная реалистично, в спокойных тонах.

Сознание ловит что-то необычное. Что?.. Ага, одна нога

девушка лежит на земле, но отчего-то не выступает за согнутой. В чем дело?.. Взгляд обнаруживает лежащий рядом протез.

Весь день думала о картинке, перебирала варианты. К ночи возникла еще одна... Закусочная. Столик. За ним стоят трое, – стоят! Два парня и девушка. Пьют кофе, курят. Все обыкновенно, небрежно. Однако что беспокоит?.. Находим. Почти не видная за стойкой столика, одна нога девушки вывернута наоборот... Еще пошли сюжеты. Светлана запоминала. Остановилась на трех. Постановила бесповоротно заняться первым.

Жизнь осветилась. Практически перестала думать о Румянцеве. Изредка разве перед сном возникал его запах, тепло, голос. Зябко куталась в одеяло, разливалась по телу невеликая, как бы и желанная горечь.

С картиной, разумеется, ничего не выходило. Особенно с лицом, здесь получался полный провал. Никак не могла представить красивое лицо. Перебирала массу журналов, всматривалась в международных красавиц. И это красота? – чушь! Жадно разглядывала прохожих, себя в зеркале.

Родитель, углядев подъем дочери, пошел суетиться. Отыскал зачуханного на вид мужичка, до негодования похожего на Карла Маркса. Представил сильно не последним художником:

– Владимир Ильич (надо же, и имя) соблаговолил давать тебе уроки.

Непоследний был угрюм и любил сопеть носом, чем приводил Светлану в трепет. Решила: то, что нужно. После нескольких занятий Владимир Ильич признал, у Светланы присутствует око («когда произойдет рука, изменим тон»). Учитель оказался не косноязычен, вопреки первому впечатлению, иное дело, свои эскапады он проделывал бурча и трудно было различить настроение. В итоге и Света наладилась высказывать мнения и, надо признать, Владимир Ильич слушал внимательно.

Выяснилось, что если с оком куда ни шло, то с рукой беда. Светлана не раздумывая ударилась в уныние, чем взбесила Владимира Ильича.

– Вы, гражданочка (в решительные минуты он непременно величал Светлану гражданочкой), уймите свою бесхарактерность или идите на панель. Вакансию, полагаю, найдете. Цвет вам не химическая формула. Он любит обходительность и уважение.

От нагоняя Светлана радостно пожухла и на обескураженности отчаянно пролепетала сокровенное: де, хотела реализовать такой-то сюжет. Художник принялся рыться в бороде и объявил сумрачно:

– Магритт.

Света окончательно увяла и огласила вердикт: «Я вторгаюсь не в свое дело», – тем самым уместив Владимир Ильича в последнюю степень изумления.

– Так вы что, драгоценная, в гении метили?

Растерявшись, Светлана начала делать ужимки и удостоилась впервые заметить в лице Владимира Ильича улыбку.

– В таком случае у вас есть прямой шанс стать им. Иными словами, милейшая, от данного натюрморта мы не отступаем ни на пядь.

Не было, не было и вдруг вернулась наведываться Ирина Репринцева. Радости Светлана не испытала и, как выяснилось, не из-за подозрения о штучках подруги с Румянцевым, а опасаясь, что внимание связано с Ширяевым. Однако последнего Ирина не поминала. А вот Андреем досаждала: и такой он, и сякой. Наша героиня не выдержала:

– У тебя же было с Румянцевым.

– Вот еще, – ничуть не раскаялась подруга, – с кем у него не было.

Далее она пустилась лупить глаза и предельно непосредственно заявила:

– Ты что, взыскиваешь что ли с меня? А сама-то с Ширяевым. Свет, жизнь такая.

В общем, обе посмеялись. Обернулось тем, что в порыве откровенности Ирина призналась:

– Видишь ли, это я Румянцеву о вас капнула. Ты уж прости.

Между тем навещать перестала. И умно, Светлана на нее сердечность поимела. Но не долгую... И получите, сама в гости отправилась. Причем с явным намерением гипотезу про-

верить, что нет на подругу зла. Подтвердилось. Теперь свободно возобновили общение.

Там и застала Светлана еще одну школьную подругу, бывшую поверенную. Радости произошло немерено. Набузгались до непотребства, Иван, придя домой и увидев шабаш, впал в оторопь и очнулся лишь после громадного штрафа.

В ходе пьянки и наклюнулась интрижка. Ленка, бывшая подруга, оказывается, с Вовиком отношения кое-какие имеет... Вовиком, тем самым? Как же, видела несколько лет тому, вальяжен, холен. А что у вас?.. Приятельство, я дама порядочная... Так вот, Елена о делах Светланы знает. Ну, и того в курс ввела. Представьте себе, винтом мужик пошел.

Похихикали, обсудили пошлое мужское племя, по рюмке разлили.

И зашаяла гражданочка. В минуту пустую, бездельную замельтешит в тумане образ Вовика. Очнется, шмыгнет носом – глядь, а уголок рта улыбкой кривится.

И вот – просто заговор – приезжают Ирина с Еленой. Хлесть бутылку на стол. Разговоры, пересуды. Только абзац о внешнем мире, а буква о Вовике. А как зачумела голова, Елена хватъ трубку и ну кнопками баловаться.

– Ты никогда не догадаешься, откуда мой голос раздается, – после околичностей доводит до сведения порядочная дама. – От Светланки Лескиной...

И междометия, междометия.

К телефону Светлану разве не на руках доставили. А

услышала взволнованную речь Вовика, вспыхнуло шалое, тон пошел вкрадчивый, ернический, повеяло сквознячком игры.

Встретились, несомненно. Предварительно, воздадим справедливости, месяц телефонными разговорами тренировались. Сценарий жутко походил на процесс с Ширяевым. Ложиться в постель сразу не стали, Вовик напорист не был и очень любил рассказывать о себе.

– У меня коммерция, – говорил вкрадчиво, заведя даму в ресторан.

– Я это люблю, – вдохновенно ставила в известность Света.

– В Испании нынче отдыхал. А тем годом по круизу ходил.

– Сильно, – сокрушалась Света.

– Массаж мне делают.

– А вот это зря. Рыхловат ты, тебе бы физкультуру какую-другую.

Гаманком перед Светланиным взором крутил, вел себя неприкаянно. Даже ширяевские черты лица в облик вплелись. «Нда», – констатировала Света.

Однако Вовик оказался отнюдь не прост и совсем не открыт, как Ширяев. К концу рандеву пошли и колкие интонации и прямое ехидство, явно просматривался стиль. Выйдя из питейного заведения, Вовик подвел даму к такси. Сунул шоферу деньги и коротко сообщил подруге:

– У меня тут еще дела. Я позвоню.

Интрижка приобретала подоплеку. Появились мысли о стратегии и, следуя ей, уступила не скоро. По предварительным соображениям хотела вводить Вовика в курс дела постепенно, но вдруг накатило и в акции продемонстрировала чуть не весь арсенал. У Вовика глаза на лоб полезли.

– У меня такого еще не было, – сказал Вовик, но в отличие от Ширяева без восхищения, и даже с некоторой насто-роженностью.

«Кто следующий», – подумала зачем-то Света.

Вовика стала величать «парень». Обращалась: «Слушай, парень». Парень не возражал и это не нравилось.

Петя притащил деньги. Этого при скромности хватало надолго. Если б не Артем и живопись, бытие утрачивало смысл.

Новый год справляла дома. Было уютно, вообще хорошо и зачем-то томно. За полночь пошли звонки. Два раза звонил Вовик. К постели еще не приступили и парень нудил напыщенными комплиментами. На второй его звонок Светлана любезничать не стала, в основательно нетрезвую речь вплелась:

– Друг мой, ты меня сильно ублажил. И спасибо на том... Домой иди, а то замерзнешь.

– В каком смысле! – куражился ухажер.

– Ты же из автомата звонишь, из дома боишься.

– В общем, да, – запнувшись, пролепетал соискатель. – Я что ли завтра звякну.

– Непременно звякни.

Вскоре после того позвал телефон. Светлана, полагая, что Вовик забыл произнести какое-либо, недовольно бросила: «Да». Аппарат молчал.

– Я слушаю.

Аппарат молчал. И опалило знойным чувством – Андрей. Светлана даже растерялась.

– Я слушаю, –дохнула упавшим голосом.

Раздались гудки. Подойдя к столу, по-мужски опрокинула рюмку коньяка... Вскоре опять грохнул звонок. Женщина судорожно подняла трубку, в соски проник приятный зуд... Это был Ширяев.

– Я недавно звонил, да не стал говорить, – признался после церемониаловки, – показалось, сестра.

Долго говорить не стала, равнодушно откликнулась на поздравление и, извинившись, отключилась.

В начале февраля, накануне дня рождения Румянцева решилась: «Свожу Артемку». Загодя настропала сына:

– Поздравишь папу, завтра приведет... Ты его, Темочка, люби.

Купила торт, коробку конфет. Смотрела на шампанское в витрине. Нет, решила, слишком навязчиво. Возле дома Румянцева увидела выходящих из такси Ширяева и Петю. Развернулась резко, повлекла мальчика прочь. Тот запричитал, заплакал. Сама сходу рыданула, молча, захлебнувшись слезами, тащила упирающегося малыша.

Рисование тем временем начало занимать Светлану все плотней. Отчетливо различила, она попросту неумеха. Мастеровитость Владимира Ильича отчетливо демонстрировала, ей не добраться до подобного обладания движением, понимания краски (надо оговорить, присутствие вдвоем оба переносили приятно, даже атмосфера дружбы возникала), – когда маэстро умудрялся из, казалось, нелепых мазков добыть колорит, нападало уныние. При этом малейших помыслов прекратить занятия не наблюдалось.

Бесспорно, Владимир Ильич повел себя со Светланой грамотно. Он, вероятно, видел ее умеренную жажду занятиями живописью, чувствовал, тут скорей необходимость употребиться во что-либо. Стало быть, старался давать немало общего, видя сметливый и пристальный ум женщины. У Светы изменилось зрение, подход, по-новому, с углубленным интересом начала читать. Отношения их, верно будет сказать, увеличивались. Приезжала теперь к наставнику не только в заданные часы, а и по капризу. Семьи у Владимира Ильича не нашлось, неудобства это лишало. У дяди была куча приятелей, все художники, таким образом осваивала среду. Время чудесно таяло.

Обожала, когда Владимир Ильич заводил многозначительные наставления, с обилием доморощенных или заимствованных афоризмов. Часто, впрочем, повторялся и многое Светлана знала на память. «Нужно, чтоб цвет сидел, чтоб

ему было удобно, для этого его важно понимать, необходимо знать его запах... Художник должен уметь видеть время между глазом и предметом... Рисуешь лоб, смотри на пятку... Индус, созерцающий лотос, не видит перед собой крокодила... Зритель ловит кванты света, художник зрит седалищный нерв... В сущности, об искусстве можно говорить любую нелепость, но даже она должна строиться по законам... Самая важная составляющая идеи – сравнение. Идея не должна быть голой, она должна цепляться или отталкиваться от чего-либо».

Страшно любил слово гений. «Для того чтоб понять, что гениев нет, а есть удачники, нужно иметь хотя бы талант». К шопенгауэровскому «талант попадает в цель, куда обычный человек попасть не может, гений попадает в цель, которую обычный человек не видит» добавлял: гений попадает в цель, не зная, чего хочет.

Постепенно Света осмелела и пошла разговаривать с приятелями Владимира Ильича. Особенно понравилась перепалка с одним юношей. Тот, отчаянный авангардист, оставил несколько набросков у наставника. Встретив его, Светлана пристала:

– И что этот рисунок означает?

Тот буркнул:

– Я так вижу.

Света неожиданно разозлилась:

– Ты мне Ваньку не валяй. Гением тут прикидывается.

Отвечай, какого лешего изобразить затеял... Эпатировать граждан нравится? И правильно, так их. Я наглых и дурных люблю.

Парень растерялся и замечательно потолковали.

На одной выставке увлеклась интересной полемикой. Вернисаж, выставлялись любители. Присутствовали профессионалы. Некогого молодого человека, намалевавшего последнее непотребство, донимали особенно. Тот ерепенился горячо и нагло. Было очевидно, безысходность. На одном из пунктов изложения «концепции» искусствовед, стилизованная дама неопределенных лет, не выдержала:

– О чем вы говорите...

Сделала пару точных замечаний, молодой человек взбесился. Пошли в ход «свобода творчества», имена и прочая атрибутика. Дама упирала на вкус.

– Идите вы с вашим дебильным вкусом. Лопайте лютики-цветочки, – он махнул в сторону пейзажей.

Дама с презрением и негодованием высказалась:

– Вот именно, хамство и есть ваша концепция.

– Послушайте, – сделал картинную позу молодой человек, – по-моему, я вам нравлюсь.

– Какой кошмар, – простонала дама.

– Нет, я вам определенно нравлюсь, – верещал тот.

Дама ретировалась.

Молодой человек Светлане жутко не понравился, а дама вызвала любопытство. Владимир Ильич их познакомил. На-

ше чудо зачем-то высказалась, что в картине возмутителя спокойствия находит нечто: уж начала подмечать, ее тянет противоречить. И что вы думаете, искусствовед поколебалась и двинулась оправдываться.

Настроились отношения с Вовиком. Оба на серьезные чувства не претендовали, и это представлялось удобным. Относилась к нему Светлана сугубо откровенно:

– Какой-то ты, парень, комолый, недостает в тебе чего-то, – говаривала она.

Однако именно нечто в Вовике присутствовало. На фоне его некоторой аморфности, несколько карикатурной претенциозности впечатляюще выглядывала сила духа, меткость, самообладание. Следующие слова Вовика, сказанные к концу зимы, Светлана даже как шутку не восприняла, проехали мимо ушей:

– Жениться что ли на тебе. Жена мне последнее время не годится. Вульгарная. А из тебя подходящий образец можно сделать.

Месяцем позже вполне определенное предложение Светлану удивило до крайности. Первым словом отреагировала так:

– У вас что, с супругой напряженность?

– Отнюдь.

– Так в чем дело? Про любовь от тебя я что-то не слышала.

Изъяснись для соразмерности вещей.

– Брось ты, – поморщился Вовик. – Ты, естественно, мне нравишься. Разумеется, и чувства присутствуют. Но любовь, это слишком драгоценная штука.

Черт, съежилась Светлана, это слова Румянцева.

– Так в чем дело? – спросила вслух.

– Я же говорил, ты мне по многим параметрам подходишь.

С тобой, Света, в свет можно выйти.

Светлана не обиделась ни на йоту. Действительно, Вовик признавал за ней, как минимум, породу. Собственно, все кроме Румянцева признавали. Но слишком все было просто, механично, в сущности, удачно. Выяснилось, тем не менее, предложение девушку задело.

Бабе нужен мужик – какая емкая, глубокая, отвратительная формула. «Бабе нужен мужик», – талдычили подружки и прочие доброхоты. «Мужик нужен бабе», настоятельно просматривалось в глазах окружающих.

Однажды, глядя в окно, увидела сценку. Пацаненок упрямо расстегивал пальто и выбивал шарф, мамаша силком впихивала обратно. Тот уворачивался, извивался. Наконец, маман опустила руки и безвольно потащилась за усеменившимся мальчуганом. «Ну что, параметр, вперед!» – отчаянно произнеслось, и Светлана тронулась звонить Вовику. На правах будущей супруги.

Дав согласие, вдруг забоялась, что Вовик передумает. Отыскала в себе заискивающие нотки, пыталась угодить, исчезла колкость. Обнаружилось, что перспектива замужества

опутала полностью, писать окончательно перестала. Вовик как бы приоткрылся, находила в нем значительность, даже мудрость. Пустилась совать ему под локоток руку на прогулках, в чем никогда прежде замечена не была. Кинулась чувствовать себя незащищенной, наотмашь заработало естество. Как-то при встрече спросила:

– Ну что, сообщил жене?

Вовик замельтешил:

– Э-э... м-м... в общих чертах.

Немедленно занедужила спросить, что означает «общие черты». И ни в какие ворота не шло – спросила.

Нападали минуты и Светлана видела, здесь что-то не то – психоз, вывих натуры. Вовик становился не мил, покрывался язвами минусов. Исчезала мысль, сумбур странных физических состояний, голода, нытья костей, ломоты в висках, корежил. Вдруг представляла себя корнями дерева, шевелящимися в хляби, жадно сосущими мерзкие, но живительные соки. (Кстати, уже обратила внимание, время от времени воображает себя деревом, пейзажем или аляповатым соцветием красок.) Но примечательно, когда выпадало на присутствие Вовика, прибегал сторожевой человек, давил, мял – не пускал малейшего отзвука.

Сильно сдружилась с Еленой. Та, как всегда, была в курсе – вводил Вовик. А вот Ирина мягко оттолкнулась, чем-то ее трасса судьбы Светланы не устраивала. Переживать по этому поводу наша героиня забыла, тем более что наперсница

горячо в том поддержала, не упуская капнуть мутной водичкой на общую подругу.

Дело между тем устраивалось, Вовик жене уж и детали изложил. Вскоре и повидались. Особа была и на вид, и на слух настолько отталкивающей, что вызвала приступ острой неприязни к Вовику... Тот начал приходить к невесте домой. Родители отнеслись бесстрастно, сестра не приняла (в Румянцева она была влюблена), Артем немного покочевряжился и прислонился – держал себя с ним Вовик умно. Свадьбу сделали небольшую.

Потекла пристойная жизнь, вошла в новую среду, что само по себе было интересно. На фоне прежней жены Света выглядела разительно. Впрочем, круг от прежнего практически не отличался, те же разговоры, намеки, флюиды.

Обратно принялась писать. Обнаружила, что потускнела идея. Совершенно исчез азарт, окончательно обнажилась искусственность сюжетов. Однажды начала перебирать наработанное, ничто не нравилось. Перла в глаза незавершенность, палитра несла мотив какофонии, не унималось чувство безнадежности. И стоит признать, убавил его Вовик... Он весьма уважительно к Светланиному чудачеству относился. Характерно, что с ним женщина откровенничала о живописи напропалую. Когда карандашом набросала его портрет, Вовик шутливо ударился в стон, чмоканье, дерганье головой. Светлана запустила делать портрет маслом и не без удовольствия помучилась.

Среди друзей Вовик устроил гражданке беспощадную рекламу. Вообще, его игривое и вместе настоящее восхищение грело. Именно он в итоге укрепил в направлении, Светлана в который раз углядела способность мужа так или иначе выйти на положительный результат.

Произошло следующее. Между новыми знакомыми Светлана прослыла лицом компетентным, с художественным вкусом. Жёны нуворишей сплошь страдали обустройством жилища – неизбежное веяние. Супруга делового партнера Вовика, женщина небезосновательно претенциозная, расположилась одалживаться консультациями Светланы. Комнаты ее были с выкрутасами, дорогой мебелью. Теперь Галина затеяла облагородить внутренность живописью. Пейзажи, что висели в художественных салонах, и на которые жадно и немощно смотрела мадам сюда не шли.

И Светлана решилась. Давно заграничные фильмы притягивали ее внимание в том числе интерьерами, картинами. Журналы. После очередной поездки с новоявленной приятельницей в салон Светлана не могла унять волнение. В конце концов встала за мольберт, набросала пару сюрреалистических эскизов. Затем сделала несколько абстрактных этюдов. Предложила Галине посмотреть, – выбранное-де Светлана исполнит в натуральном виде. Галина пустилась страдать, ей хотелось все. Светлана сама поставила акцент, Галина недоверчиво – ей так и не верилось, что это возможно – кивнула головой.

Как ни старалась приятельница всучить деньги, Светлана не взяла. Занимательно, что на демонстрации все стремились держать себя манерно. Кстати, по случаю умудрила Галина фуршет, впервые, тем зародила традицию. Нечего и говорить, что Светлана оказалась персоной. Вовик разжился фанаберией и затаенным попечительством к жене... Предложения посыпались как из худого мешка. Самым решительным образом замаячила перспектива деятельности. Муж шел, что пробка из бутылки шампанского:

– Ты представь, какие знакомства можно заполучить.

Светлана сопротивлялась. На некоторые просьбы, правда, откликнулась, но деньги категорически не принимала. Вовик журил: «Это не дело, пойми, перестанут просить». Пошла на компромисс – подарки.

Отчего-то побаивалась доложить о выходках Владимиру Ильичу. Решилась. Не ошиблась, поощрения не случилось: обозвал занятие ремесленничеством, удобрением для метастазов пошлости. Консервативен, что там, был мужик. Однако потребовал наглядный отчет. Притащила эскизы. То что она сделала для Галины, не одобрил. К другим работам был снисходительнее. Завершилось забавно, Владимир Ильич засуетился и вытащил из загашника несколько своих пейзажей. Запальчиво объявил:

– Если на то пошло, например это выглядело бы органично.

– Ну, давайте предложу, – несмело выронила подопечная.

– Вообще-то, уважаемая, эти вещи не для украшения закровов, – проворчал Владимир Ильич и добавил: – Собственно, предложи, если ты так настаиваешь.

И сбыла девушка три пейзажа, и как лихо. Во-первых, цена. Сколько она мастера предварительно не пыталась, тот не сдался: «Да что там, в пятницу рубль, пожалуй. Это зарисовки, эфемерии. Здесь я и писал-то гнилью. На приправу, и довольно». Светлана же устроила аукцион. На одной пирушке улучила емкий момент, провозгласила:

– Ребятюшки, одолжите вниманием! У меня есть нечто на ваш суд!

Ребятюшки одолжили и Светлану понесло. «Это один местный, очень приличный художник...» И такого напластала, что сама себе дивилась. Впихнула три картины по цене против номинала очень достаточной... Когда деньги Владимиру Ильичу отдала, у того брови вспорхнули. Поблагодарил, впрочем, сдержанно, стал комиссионные всучивать.

– Я себе уже отмерила, – сбрехнула Светлана.

Владимир Ильич упылил на кухню и притащил бутылку дремучего портвейна.

– Давай что ли оботрем гешефт. – Просто пятнадцать лет было дяденьке. Света наслаждения такого давно не получала.

Вовик настаивал на открытии фирмы по художественной консультации. Так и назовем, «современный интерьер».

– Ты пойми, – пилил, – деньги в быт сейчас вкладывают

бешеные. Щеки наесть можно широкие. Давно известно, одну дорогую вещь продать выгодней, чем десять дешевых.

– Что ты все с выгодой. Не по душе мне это. И потом, теперь все, кто мебель продают, консультации делают.

– Э-э, знаю я. Ну, покажут проспекты. Там и объемы, и архитектура иные. Чтоб в наши апартаменты зарубежную мебель поместить, воображение и нужно. Уж не говорю о прибайбасах... А про душу – я на что. – Скалился Вовик.

Отвернув голову, Светлана закатывала глаза... Вовик наседавал:

– Нет, ты послушай насчет души. Подвижничество иногда и делает людей великими, но не счастливыми. Для убедительности – не мной сказано. Надеюсь, ты к величию в очереди не стоишь?

Светлана покорно усмехалась.

– Прикладные вещи тоже профессионализм нарабатывают. Наконец – ты уж прости за собственное мнение – правильно выбранная цель это реализация не идеи, а дара. А твой дар – вкус и способность его обосновать. То, как ты можешь говорить, возможно, в тебе главное.

Окончательно наладились жить. Мутным, порочным теплом навалилась весна, загулял хлорофилл, все глубже отступала ночь. Обескураженная, всю жизнь шельмовавшая над Светланой мятежность обветшала, утратила контуры.

Впрочем изредка товарищ ловила в зеркале облик незнакомой женщины. Красивой, сделанной, с продуманным ма-

кияжем, чуть заметными морщинками подле глаз, дающими и без того прохладному взору отточенность. Стервы... Вздыхала. Шла в кухню мыть посуду или гладила по голове Артема. Либо бессмысленно упирала взгляд в раскиданные в ее «рабочем углу» картины.

Купили новое жилье. Светлана внесла лепту, но о самодостаточности не призналась, свалила на родителей. Когда пришел Петя и начал говорить про «болезнь» Румянцева, сразу зажгло интересом, но показать этого не пустила:

– Причем здесь я? Мужняя жена.

Петя мычал, переступал с ноги на ногу.

– Не чужой, отец ребенка все-таки... – Помрачнел. – Ведь он по-божески расстался.

Светлану всколыхнуло, выдавила нехорошо:

– Во-от как!.. – Тут же взяла себя в руки. – Действительно, не отрицаю. Но не понимаю, что могу сделать.

Вслед уходу Пети обнаружила мстительное ликование, но заставила себя устыдиться. Усердно думала, постановила: «Пойду». Много слов внутри произнесла и, понятно, ничего при встрече не сказала. Совершенно не готова была к облику Румянцева. Мертвое, костяное лицо, молочные, безжизненные губы. Впалые глаза, матовый взгляд. Чужой напрочь человек.

Мямлили. Никак не могла вспомнить позже, о чем. Единственное желание было впредь не видеть этого человека.

К осени таки сляпали фирму – докучлив был Вовик. Он все и организовал. Выкроил в одном быткомбинате комнатешку, приволок мебель. Рекламу дал. Владимир Ильич сообразил Светлане помощницу, хоть функции ей так и не очертили. Дело не пошло сразу. Но опять Вовик прав вышел, в иную жилу попало.

Прежде всего отлынивать от занятий Светлана перестала. А дальше в самом деле знакомства начались. Только не в бизнес-среде, как планировалось, а в художественной. Произошло враз, Светлана и рукава закатать не успела, а по локти в богеме. Очень пустился похаживать к Светлане рисующий люд, потому как одной из статей производства придумали торговлю произведениями искусства. На фирму начали таскать изделия молодые, неприкаянные художники. Филалки Монпарнаса, обзывала их за глаза Света, ибо некоторые до синевы обретались на городской площади, пытаясь сбыть продукцию. Приносил картины и Владимир Ильич, пусть считал фирму профанацией. Бурчал:

– Поганое время. Неучи, дилетанты прут. По идеологической целине пошлятину волокут. Не про тебя говорю, ты неуч, но с глазом. Впрочем...

Любопытно – когда на паперти терлась, барьер перехода к посвященным виделся непреодолимо высоким. На деле не заметила, как порог переступила. Уж маститые, бородатые Светочкой зовут, ручку целуют, бросают небрежно:

– Брусилковский в Нью-Йорке выставку дает.

Гульнула с одним живописцем. Экземпляр бороду не носил и напросился писать портрет, но цель была слишком очевидна. Собственно, особо не лукавил. Потешила одноразово и отошла. Правда, тот и не домогался. Взгляды между тем преисполненные посыпались, что и требовалось.

Вовик часто сиживал у Светланы. Комната ее соседствовала с косметическим кабинетом и там он стал душа. Завидев в окно его автомобиль, косметика возбуждалась: ожидалась новый анекдот, история, любезный разговорец, а то и вещички. Если Светлана знала лишь начальствующий элемент, впрочем, частично, то супруг разоблачил персонал досконально. Анекдотом, скажем, обносил всю хабазину и вообще с учреждением складывались деловые отношения.

Снова начал похаживать к Артему Румянцев. Показывался и Светлане на глаза. Обновился, налился смуглостью, стал старше. Не исчез совсем испугавший в последнюю встречу омут в зрачках, однако ясно было, от недуга ушел... Привлекательным, пожалуй, стал мужчина. Странно, в отношении к нему Светлана различила хорошее спокойствие, даже теплоту, ей богу, возникало желание поболтать о пустяках. В конце лета Румянцев оные несуразности поколебал.

Однажды увидела бывшего, почтительно остановившегося в дверях ее «кабинета» (Светлана никак не могла принять слово офис). Понравился всплеск удивления.

– Не предполагал, – признался мужчина. – Темка говорил, что балуешься, но так серьезно... Которое здесь твое?

Светлана смутилась. Тут были ее вещи, но самое добротное держала дома.

– Ничего путного нет. Дома. В другой раз.

– Да, в другой раз, – выговорил Румянцев тихо. Потупил взгляд, рукой подбородок тронул. – Об этом и речь... – Не глядя, сказал жестко: – Уезжаю я. Как сложится дальше, не знаю. Нужно, чтоб ты была в курсе. Если будешь подавать на алименты, делай это скорей.

– Какие алименты, о чем ты, – сразу откликнулась Светлана. – Что означает «уезжаю»?

– За границу.

– Совсем что ли? – взбодрила брови.

Румянцев качнул головой, вздохнул.

– Не знаю, возможно.

– Как это не знаю?

Андрей говорил туго, смотреть избегал:

– Ситуация сложная, неясная... Словом, коли от алиментов отказываешься, нужна бумага. В общем так, я связи с вами... – помешкал, – с Темкой терять, понятно, не стану. Уведомлять о себе периодически буду. Если понадобятся деньги, вышлю.

Ушел и женщина поняла, растеряна. Ну, уезжает человек, оно и спокойней, определенной. Но именно покоя и не наблюдалось... И уяснила вскоре. Румянцев первый, вопреки желанному, необходимому мнению о нем, делает сильный, размашистый шаг, бросает организм в иное дыхание,

пространство. Совершает то, что подспудно взращивалось в Светлане, подавлялось хламом бытия и всегда томило гнетом присутствия.

Артему было обрисовано о папиных демаршах расплывчато, через три месяца пришло письмо. Ничего конкретного не содержалось, кроме вопроса о размерах сына и обещания появиться после Нового года с подарками.

Вышла замуж Лариса, сестра, озаботила Светлану сверх меры. Мужичонка попался ветхий и пустой, белозуб разве. Другое дело, и Лариска в первом десятке не стояла, да и лет имела число укоризненное, однако кровное потешилось. Жить намерялись у родителей и тягу ездить к родным у Светланы немного окоротили.

– Родная свояченица пожаловали, – с пошлой галантностью шаркал ногой змей. – Уж как рады и печатными буквами не нарисуешь.

Светлану крутило. Странно, угождал матушке. Лорка экстерном очутилась на сносях, жутко подурнела и сестра принялась ездить к ней, выгуливать, испытывать жалость и материнское чувство. Лора постоянно дребезжала о сосках, пеленках, бытовых мелочах, чего Света за собой не помнила, и сперва жалела сестру пуще, но увидела, что выслушивает без досады и едва не с завистью. Окончательно подивилась, когда так начала поговаривать:

– Глупая я, прошалила юность, не доверилась маме. Научилась бы делу, натуральной жизнью жила.

Лора совестила:

– Тебе ли жаловаться? Семья, квартира шикарная, фирма, за рулем собственного автомобиля сидишь.

– В общем да, – виляя ладошкой пыталась остановить узорчатую, пуховую снежинку, – везде жизнь коверканная, не своим люди занимаются. Мне ли привередничать. – Теснилась к сестре, обнимала бережно. – А возьму и рожу тоже. Если б пообещали пятерню, тут бы, не сходя с места, опросталась.

Хрупал, умирал под ногами юный, искристый снежок, шалил в легких пряный морозец. Светлана подхватывала с земли кусок снежной ваты, сжимала до слякоти, смотрела на красную, мокрую ладонь. Трунила:

– Гульнуть на стороне, пожалуй.

Прыскали обе, нежно стучались висками.

В новогоднюю ночь безотчетно приставала к одному дяде. Вела себя пьяно, безобразно. Муж устроил сцену. Светлана сначала извивалась, потом озлилась и развернулась перечить. Дальше вспомнила прежние новогодние праздники, опала, загрустила. Кончилось тем, что обратно с Вовиком нарезались и хорошо помирились.

В марте за день до именин Артема образовался Румянцев с ворохом подарков. Выглядел импозантно и был улыбчив. Вовик предложил посидеть: «Справлять день рождения парню будем завтра, но я полагаю, и сегодня не грех раздавить бутылочку».

По рюмке выпили, и Светлана не удержалась:

– Ну, расскажи, что, почему?

– Яркого нет, – нехотя отчитывался Андрей. – Жизнь сосредоточенная, размеренная, сугубо деловая.

– А общение? Ты же языка не знаешь. Как вообще среди чужих?

– Мне языка хватает. А насчет чужих – достаточно русских. Сверх меры даже (личное блеснуло). Можно, словом, жить. Там хорошо, где нам хорошо.

Посидели недолго и сносно. Мужчины нашли темы. Румянцев был спокоен, даже вял, Вовик радушно пылал. После ухода Андрея, однако, подергался, отголоски в Светлане принялся выискивать. Потешилась – да, дескать, таковые имеем. Ночью приставал и она не ответила. На другой день, когда Румянцев привел сына, Светлана даже поздороваться не вышла.

В перевалку, монотонно шагали деньки. Никакие силы не моли сдвинуть лежащее сутками над головой небо. Либо деятельность, либо некая дурная молекула сотворили с нашей подругой историю. Утром и в иные часы подвергалась моциону – задрав голову, рассматривала забавы красок и форм. Многое вокруг стало техническим и неизменно провоцировало прием. Этот блик можно достать белилами, подмешав стронциановой желтой. Здесь фактуру рыхлой земли недурственно воспроизвести мастихином, смешивая марс коричневый с кадмием оранжевым. Погань, что и в жизнь это

время шивалось, она представлялась заведомой, употребляемой, разворачивающейся в чередование событий и фактов.

Взрыхлила малость текучку Юля с требованием соорудить ей роман. «Николай, подлый, как он может, пустился в тяжкие, возомнил о себе, при всей моей самоотверженности».

Ну так Петя! Для него сказка наверняка не кончилась, участвует Светлана. Юля вытягивает губки, упирает ручку в бок. Петя? Он что теперь?.. Фирма? В полете? Хм... Что-нибудь еще есть? Впрочем, почему не Петя.

Светлана душевно занимается устройством. Ширяев уехал, теперь с Петром общаться можно. Справедливости для, перед отъездом тот просил о встрече, Светлана отказала. При общении с Петей роняет ненавязчиво – сын интересуется – что там слышно о Румянцеве? Он приходил сам, хотел поведать, но, надо думать, Вовиком смутился... Петя бормочет что-то невнятное, кажется, тяжелое – знать, дело нечистое.

Уж сама по сторонам зыркает – чтой-то вы, девушка, закостенели. Улыбочка блудливая к собеседнику стремится, глазенки поволокой мутятся, пальчик нет-нет волосы тронет. А куда денешься, такова се ля ва.

Ехала в машине, за рулем сидела – другой раз Светлана по надобности и без забирала авто, Вовик с напарником ездил – и мелькнуло на пешеходе знакомое лицо. Ба-а, это же Толя «окучиватель», что сердчишко у гражданки потревожил.

Притормозила, к бордюру авто прислонила. Да через полминуты мотором буркнула. Сокрушалась: дьявол, если б нечаянно встретиться, очень даже можно было побеседовать.

Гуляет ветер, листает страницы.

В интимный час однажды Вовик предложил забеременеть. Враз почувствовала отпор.

Ан и весна сызнава пожаловали, озеленили натуральность. Вот и лето потопталось да прошагнуло, только и делов, что в Сочи погрелись, румянцем обзавелись. Справила, скажем, Светлана небольшую пакость с безусым местным альфонсом. Нагло, чуть не на глазах мужа. Бабьего не потешила, а так, озорства из, от волглого, настырного, пахнущего адреналином воздуха. Для жирности в перечне... Брала с собой и мольберт, однако в бауле пролежал. Там же в теннис один дядя одолжился поучить. И смотрите, пошло. Когда с Румянцевым существовали, полюбила Светлана в телевизор вслед за ним болеть, хроником сделалась. А тут телом коснулась и мышца обрадовалась.

Осенью в группу обучающихся проникла. Следом Вовик поволокся, однако рохля из него так и выступал, кондового бизнесмена не получалось. Светлана брезгливое лицо строила – «не позорься». Отвык. Выправила лицо – оно лучше, когда меньше.

К Новому году еще происшествие. Стояла однажды Светлана в офисе. Минута выдалась бездельная, возила пальцем по стонущему стеклу. К входу в контору – на первом этаже

располагалась фирма – подъехало такси. Выдвинулся из него безукоризненно и непривычно одетый мужчина. У Светланы палец остановился и брови шевельнулись. Когда же увидела, что это Румянцев, аж в лодыжке кольнуло. Встретила сидя за столом, взглядом прочным и суровым отчасти.

– Цветешь, прямо скажем, – поставила в известность.

– Как всякий одинокий мужчина, поглядываю на себя, – улыбнулся близко знакомый. Хотел, похоже, ответную любовь сказать и... воздержался. – Тут вот что (Румянцев потер подбородок, так нравился Светлане прежде этот жест), надо бы поговорить.

– Я вся внимание. – Жест Румянцева разогрел в Светлане несколько игривый тон.

– Давай где-нибудь посидим, разговор может сложиться непростым.

– Это я понимаю, это по-западному. В ресторан, да?

– Да.

За столиком Румянцев разговорился, докладывал о бытии. Не натужно, признаки рекламы отсутствовали. Обычное откровение, желание поболтать – ни на что иное это не смахивало, оттого переход к делу был неожидан.

– Приезжайте жить в Венгрию, – Румянцев улыбнулся, только этим и обозначил нелепость рекомендации.

Светлана опешила. Попросился было смешок, но осекся. Столь разнообразно здесь можно было реагировать, что множество и обернулось ничем. Смотрела на Румянцева. Глаза,

уши, нос – все находилось на месте. Заставила себя улыбнуться.

– Жить?

– Да, там живут.

Светлана опустила глаза:

– А почему в Венгрию?

– Мне нужен Артем.

– Мило.

Румянцев заерзал на стуле, подышал.

– Тут такое дело. Мне страшно одиноко. Собственно, и не одиноко... Словом, я скучаю без Темыча.

– Возвращайся, что тут сложного?

– Нет, лучше вам туда приехать.

– Кому лучше?

– Вам, я же говорю. Лучше, поверь... Ну, и мне.

– Ты в курсе, что я замужем?

– Ехать нужно, разумеется, всей семьей.

– Даже так!

– Однозначно.

– Андрей, памятуя о твоей политической неприкосновенности, мне бы не хотелось характеризовать твоё заявление.

– Выслушай, прошу. Понятно, что это выглядит довольно странно.

– Да, для эпитетов здесь есть простор.

– Подожди, ты, надеюсь, не считаешь меня идиотом. Ничего странного нет, обычное деловое предложение. Итак, от-

носителем тебя. Я, естественно, интересовался. Впечатление такое, что фирма твоя надуманная. Рисовать ты сможешь и там. Муж. Нам нужен толковый парень. Я справлялся, Владимир подходит.

– Нда, тебе не позавидуешь. Такое громоздкое приложение к сыну.

– Напротив, очень удобное. Это тебе в пику. Ты все-таки дай мне поболтать. В принципе после нашего расставания мы говорим впервые. Попробуй посмотреть с этой точки зрения. Случается, что так проясняется хотя бы пережитое... Итак, речь идет о вашем переезде в Венгрию на срок, который выберете сами. Манки: деньги, впечатления, знакомство с западом в перспективном, активном плане. Препятствия. На мой взгляд, главным обычно является инерция психики, уклада. Об этом и намерен сейчас сказать.

Выпили, Румянцев закурил. Светлана жадно разглядывала его.

– Я размышлял как повести разговор и надумал поведать, что произошло со мной. Знаешь, замечательно помню вечную борьбу с собой – глупую, бессмысленную. Скажем, был безудержным вралем. Решил с этим сражаться, но не из принципиальных соображений, а из зависти. Изжил в себе лживость, наблюдая за одним сверстником. Он пользовался всесторонним уважением, был честен, и я решил, что берет этим. Словом, подсматривая за ровесниками, алкая дружбы и прочего, выращивал в себе чужие манеры, даже чер-

ты характера. Но кумиры, условия уходили. Менялись диоптрии. Помниться соорудил формулу порядочным быть выгодно. Уравнение на редкость скоро не выдержало испытания. Удовольствия помещал в фундамент – мимо. Решил, что музыка, призвание. Проехало. Семья, работа – ты знаешь. Взору представало нечто бесформенное. Так что же я с собой сделал? А вот что – приучился к власти обстоятельства. Все, что происходило на твоих глазах, было проявлением этого... Итог? Элементарный душевный кризис. Но речь не обо мне. Вернее, обо мне потому, что я из него вышел... Итак, о чем бишь я? Все о тех же обстоятельствах. Мы зачастую живем в условиях, которые созданы чуть не подглядыванием за соседом. Сооружаем штампы, подчиняемся контексту. Возможно, стоит что-то ломать? – Говорил, конечно, продуманно, но, видно, отсюда и лежало в тоне ненастоящее. Однако следующую фразу сказал голосом живым: – Ждешь чего-то, мечтаешь, ковыряешься, а прошло и очнешься – неужели этого?

– Красиво, – подождав, согласилась Светлана. – Я благодарна, раньше ты со мной так не говорил. Но напрашивается вопрос, ты что же, ищешь... э-э... прости, смысл жизни?

Румянцев усмехнулся.

– Смысл – степень способности интеллекта к обобщению. Жизнь – поступок, причем чужой, как говорил Петя, поэтому из нее выхода не имеешь. Я бы говорил о комфорте, и повторяю, речь не обо мне.

– Отчего ты думаешь, что я живу в дисконформе?

Румянцев улыбнулся лукаво и развел руки:

– Я просто рассказал о себе.

Светлану всколыхнуло:

– Нет, ты не о себе рассказал, ты говорил проникновенные, но спорные весьма слова. И предложил вывод. Однако как он относится к тебе? Скажем, упомянул музыку. Было очевидно, это твое, однако ты совсем ушел от нее. А взамен что?

Румянцев хмыкнул. Помолчал. Полез в карман, достал дискету:

– Послушай на досуге. Запись домашняя, примитивная, но уже с инструментовкой.

Взяла, положила в сумочку. Некоторое время молчали, женщина хмурилась. Подняла голову, спросила:

– Где ты ее сделал?

– В Венгрии.

– Вез запись мне?

Румянцев замялся.

– Ну... в общем, да.

– Ты все еще любишь меня.

Это было из другой постановки. Из любительской, пошлой... Румянцев строго смотрел.

– Нет... А насчет того, что я сказал – зря сомневаешься. Я действительно стал другим.

«Тварь, гадина!» – орала на себя дома Света, остро, оглу-

шительно вспоминая конец разговора. «Ты все еще любишь меня». Не спросила, утвердила. «Нет». Как спокойно, прочно. «Тварь, тварь!»

Вспомнила о дискете, поставила. Прослушала три песни и выключила: не шло, не до того было... Отчего-то задерживался Вовик. И прекрасно. Дотошно воспроизводила весь разговор, интонации, что-то в них содержалось тревожное. О Венгрии даже не задумалась, это, безусловно, чушь.

Когда заявился муж, долго смотрела в него и... ни слова не произнесла.

Румянцев появился еще раз, привел Артема, тот всю неделю жил у него, – о предложении не заикнулся. Отсюда, нет ли, но Светлане стало что называется не по себе. Будто находилась в сумрачной комнате, окно которой занавешено. За окном ясный, теплый полдень, но зажал механизм, не может девушка отворить жалюзи.

Снять напасть решила просто, поведала Вовику о предложении.

– Я знаю, – не смутился товарищ.

Светлана распахнула глаза:

– Не поняла!

– Румянцев сказал.

– Когда?

– В тот же день. После разговора с тобой, он ко мне приезжал.

– Не может быть! – вырвалось у Светланы.

– Что значит не может быть?

– Отчего же ты молчал? – Негодованию не нашлось предела.

– Тебя слушал, – с напором сказал мужчина.

Светлана умолкла, приходила в себя. Спросила:

– И что ты думаешь?

– О тебе? Разное.

– О Венгрии! – Раздражения не умеряла.

– С тобой хоть на край темноты.

Светлана отвернулась, щупала взглядом окно. Неподвижная маска лежала на лице. Не выдержала:

– Я серьезно.

– Это я – серьезно. Предложение заманчивое.

Света вперилась в мужа.

– Ты ненормальный?

Вовик сыграл желваками.

– А я сейчас и проверю. Отчего ты молчала столь долго?

Света обмякла.

– Не знаю. – Ожила. – Неужели непонятно? Я не собираюсь никуда ехать.

– Да? Выходит, не только ненормальный, но и дурак. Не сообразил спросить, можно ли ехать одному.

На другой день выяснилось, супруг отнюдь не гримасничал. Разговор возобновился, и он вполне серьезно объявил о готовности согласиться. Светлана осерчала и решительно отказалась обсуждать вопрос впредь.

– Собственно, почему? – проявил любопытство Вовик.

– По кочану, – разъяснила позицию Светлана.

Прошло месяца четыре. Устав от зимы, захирел, полинял снег. Ветер, обуянный анархией межсезонья, рвал бесноватые облака, все настойчивее врывалось в эту склоку солнце. На восьмое марта Вовик подарил Светлане ракетку «Пантера» («Вы у нас тигрица, бесспорно, но тут промашка, иностранцы не доработали») и к концу месяца на день рождения получил новый кожан. «Однако». Там и грач крякнул.

Светлана хорошо порисовала. Давно чаяла попробовать новую технику и, во всяком случае, поняла, ничего страшного здесь нет. Села осваивать входящий в жизнь все стремительней компьютерный дизайн. Сильно захворал Артем, воспаление легких. Положили в какую-то дерганную больницу (врачи, персонал – отдельные; лица у них каменные – понервничать Светлане позволили). С неделю попеременно с Юлией дежурили, кризис погасили. Надо отметить, Вовик волновался мощно, всяческое тепло Светлане устраивал. «Чужой, положено», – думала гражданка. Но было приятно.

Вообще, после эпизода с Румянцевым Светлана обнаружила на супруге свой взгляд. «Любопытный мужчина, право. С атрибутикой!» В них было что-то общее, оба не могли находиться в сидячей позе. Но если первого влекла неосознанная идея, то у Вовика именно неугомонность составляла натуру. Румянцев был с позвоночником, Вовик легче, пружи-

нист, не так самолюбив и тем крут. Не раз наблюдала Светлана, как просто входит он в происшествие.

Что она для Вовика, случай? Поражало, что не солгал, сразу обусловил характер взаимности. Светлана сперва не верила, думала играет. Ошиблась. Вот и теперь не виляет, подлец. Впрочем, как раз играет, но в игру, к которой женщина не привыкла.

– Почему жизнь? – спрашивала наша радость.

– Поневоле в раздолье, в закутке с размахом, – отвечал.

Однажды Вовик привел в одну семью. Там принято было музицировать на фортепьяно. Получилось в настроение, звуки ложились точно, впопад, один к одному. Хорошо. На мужа глянула, удивилась – тот музыку чувствовал... Еще парень любил зубные щетки, халаты, принадлежности. Его привлекала наклейка, бытовая изощренность, внешняя сторона. Светлане это нравилось.

Елена съездила в Москву по делам. Светлана поспешила принимать отчет.

– Ирка вся из себя. Кухня заморская, стол мраморный. Там приобрели. Остальное отсюда везли. В Лужниках живут... Квартира, скажу я, не хоромы, тут шире была. Но... Москва.

– Что Иван?

– Рукой не потрогать. Три минуты из приличия посидел, к рюмочке не прикоснулся. Правда, на машине покатал. Ты таких не видела, корабль космический, вся лампочками ми-

гает.

– А Ирка?

– Тоже фифа. Все долларами разговаривает. Я говорю – рубль, она – кто такой, не знакома.

То, се. Светлана, глядишь, рыбачить пустилась:

– Ширяев?

– При Иване.

– Ну – ну же?

– Не видела. Ирка говорит, неважно живут, гулять начал... – вскинула на подругу глаза. – Помнит тебя.

– Откуда сведения? – всполошилась Светлана.

– Знаю.

– Может, и мне в Москву съездить? – хихикнула дама.

Подруга совместной смешок и слово:

– А чего нет. – Тут же взгляд подозрительный. – Как у вас с Вовиком?

– Нормально.

И вправду Ширяев мерещиться пошел. Понятно, что без умысла, но факт не отменишь.

Такая вещь, выиграла Светлана толику денежную. Шла мимо будки, та лотереями всякими обнесена. «Ну врут же», – подумала и билет купила. И на. Куш невелик, но хозяйка деньги выдавать не стала, езжай, говорит, туда и туда. Светлана не поехала, чтоб окончательно не поверить, но про любовь в связи с удачей вспомнила.

Весна исходила грязью и докучливым сырым ветром.

Расчехлился народ, поновел, забеспокоился. Трава съедала ржавчину, наполняла глаз. Вновь тронулись ковырять вечную яму против подъезда мужики в заскорузлых робах. На заборах соскребли отрепья старых объявлений. Повеселели дома.

Лариска совершила аборт. Неудачно, с кровью, долгим лежанием в больнице. Светлана по опущенным маминым ресницам, по папе, молчаливому и недоброму, поняла, дело не пустое. Змей мельтешил, вздыхал.

– Что-то у них не ладится, – откликнулась на допросе мама.

– Не могу от него, ненавижу, – объяснила, оклемавшись, сестра.

Светлана физиономию скорчила.

– Изменил, – призналась Лора.

– Этот пенек? – обомлела Светлана.

И отпрянула оплеснутая диким взглядом самки.

Но вот психика, представилось Светлане, что рожает. От недоразумения даже посмеялась. Только смеялась недолго...

Ленка давно копала: «Рожать собираетесь?» Случалось на пьянках слышать от приятелей Вовика тосты в тему. В начале лета почувствовала себя беременной. Здесь приключения и пошли, задерживаться с сообщением не стала.

– И? – поднял голову полную взгляда Вовик.

– Я о том же.

Вовик захихикал и, подчеркивая шутку, приобнял жену:

– Обычно принято спрашивать, чей ребенок.

– Я обычно отвечаю – ваш.

– И то вперед.

Жена вызывающе смотрела на мужа.

– Ну, рожать что ли? – В тоне Вовика брезжило отторжение. Светлана наполнилась задором.

Поутру Вовик встал вместе с ней (обычно поднимался позже, Светлана обустроивала сына, завтрак, себя). Невпопад толкался в ванной, бормотал, шатаясь по комнатам – «носки, носки... нда, носочки». Завтракал вместе с Артемом, глядел в него задумчиво.

– А день будет, – говорил.

– Ты со мной? – осведомился как обычно. Светлана часто ездила одна, трамваем, ей нравилось разглядывать прохожих.

– Я пошел? – спросил через пять минут.

Светлана беззвучно смеялась.

Вечером за ужином – Артем, быстро закончив, убежал смотреть мультик – Вовик тронул:

– Ты хоть помнишь, мы трезвые были?

Светлана подперла рукой голову, внимание изобразила:

– Ну, продолжай.

Супруг посопел.

– Не время.

Было жутко любопытно смотреть на него. Вовик начал ныть о делах.

– Ситуация не ахти. Я ищу, но пока с авантажем плохо.

– Я забыла, мы о чем вообще беседуем? – сбила наконец

Светлана.

– Ты видишь, сколь я не сосредоточен? Представь, ты пой-
дешь рожать, полная неразбериха.

– От меня-то какой прок? Вспомни, прошлым летом я по-
чти ничего домой не несла.

Товарищ горячился:

– Ты не понимаешь. На твоём реноме я уже кое-что сде-
лал.

Препирались еще и загадочно получилось. Ужин закон-
чился и доходил разговор не за столом: Светлана посуду мы-
ла, Вовик по кухне слонялся. С последними фразами зажи-
галкой чиркнул, сигаретой пыхнул и пошел в ванную. Свет-
лана стояла у окна, глядела во двор. Вдруг сзади раздался
голос мужа – он не мог выкурить сигарету так быстро.

– Насчет Венгрии предложение огромное. Перспектива
страшная.

Светлана развернулась.

– Только через твой труп!

Дальше вовсе невразумительное пошло, Вовик в катего-
рию ударился: «Не будешь рожать». Ноздри Светланы вспух-
ли... Хорошо пожилы: парень перебирал методы, наша пре-
лесть всякого его посмотрела. Воздадим справедливости,
случался красив. За собой не наблюдала. И зря, что-то вы-
перло. Но обнаружилось это поздно.

Так было дело. Супругу гражданин уговорил, розы принес чудовищной красоты, шампанское: «Позиция номер сто двадцать восемь».

– Тут я пас, – развела Светлана руки. – Не то что рожать не стану, из детдома никого не возьму.

Ночью поглаживала руку мужа:

– А ты мразь, земноводное. Уползаешь всякий раз.

– Это ли мразь, – сокрушался Вовик. – Но не в тюрьму же теперь идти.

Больше разговоров не заводили, собралась Светлана на чистку.

В день пресечения пришел домой Вовик в обычное время, но с губой обвислой, виноватой. Взгляды, тон, все как положено. В руке нес сверток.

– Вот, красного вина припер. Вроде после потери крови хорошо.

– Убийство обмыть, – поправила женщина.

Вовик выдохнул, сделал отчаянное лицо. Светлана напористо забрала бутылку.

– К месту принес. Будущего малыша обмоем.

Вскинулся пружинистый взгляд.

– Ты о чем?

Светлана задиристо, почти зло кинула:

– Чего тут непонятного.

С час Вовик изображал страдание. За ужином все-таки бутылку выдули. В тишине. Нарочитой. Через неделю он вел

себя так, будто не было разговоров последнего месяца. В середине июля выпал сумасшедший град и решили в августе сгонять на море.

Прошное посещение моря получилось тусклым, незаметным, теперь совсем иначе. Артем открывшейся воде чуть из иллюминатора не вылез, Светлана пыталась уговорить, сама видом увлеклась и заболела игривостью. Ладно прилипла жара, ядерное небо хорошо устроилось в мироздании.

Приехали в Геленджик, его знал Вовик, поместились у бабы Вари, ветхой на вид, но живой на деле старушенции. Притулила в летнюю постройку, призрачную, зато отдельную. «Бери, что хочешь, делай, что душе идет. Вижу, люди верные».

На другой же день угодили в пирушку – баба Варя родилась. Пришли два сына с невестками. Пожилые. Один рыбак, другой таксист. Оба умеренно вульгарноватые, оба заигрывающие, простые. Посидели хорошо. Потчевали сокровенными яствами... Почувствовала себя уверенно, хозяйски, странное дело, будущее дитя обременило Светлану надежностью. Муж стал необыкновенно ласков – и прежде умел быть рядом, но теперь его тащило.

Эпизод занимательный. Заехали приятели Вовика, трое парней, что курсировали по побережью на пышной машине. Двое суток угарно пили (Артем с бабой Варей обходился, взаимность у них). Один пригожий Свету поволновал. Взгляды, пятое-десятое. На вторую ночь после ресторана ку-

паться полезли. Две девицы еще местные – гам, шум. В воде пригожий прикасаться начал – Вовик на берегу, своя жизнь – в губы целует, лазают рукой. Светлана не обижала, пушай трогает. И такой дикий от вина, воздуха, воды позыв набежал, так мужика захотелось, что едва не согрешила. Только дело уж приблизилось, увидела в себе Вовинога ребенка. Омерзительной, чужой себя почувствовала, возненавидела плоть, похоть – парня оттолкнула, до крови поцарапав.

Уцепилась на берегу за мужа, повела домой, успокоиться не могла. А когда отошли, иной ракурс – в пространства ударилась смотреть. Хорошо безобразно: кляксы деревьев, бриз по лицу бродит, небо далекое и пустое, звезды растерянные, иглами отороченные – столь высокий натурализм, что тело лишнее и нота в душе играет.

Или вот. На пляже Светлана разденется и смотрит. Мал живот – обидно.

Снег осенью лег рано, сухой выпал и мелкий. Народ его топтал усердно – дворник оплошал, за лето обленившись – и шар земной оледенил. На трамвае Светлана ездить перестала.

Начали с мужем препираться. Светлана к свежему воздуху привыкла, Вовик открытой форточки боялся.

– Я в положении, – доказывала Светлана.

– Именно, а там вирус.

И ведь гнул свое. При этом ласточка, говорил, киса, про-

чая фауна. Стебельком обзывал, ерничал.

К зиме подъехал Румянцев. Открыл Артем, прибежал в заднюю комнату. «Папа!» Светлану покорило. Очень захотелось не показать живот, через миг – напротив. Вышла демонстративно, даже прическу не поправила.

Артема Румянцев должен был привезти в воскресенье, и Вовик весь день ходил нахохлившись. Когда пришли, супруг душевно пригласил Андрея пройти. Сидели дольше первого раза, гость разоткровенничался. Пошли разговоры Светлане непонятные, Вовик слюной истекал. Румянцев:

– Крупные взятки давать можно, но нельзя. Потому что власть почувствуют. Мелкая взятка – условие работы.

Говорил вещи тревожные:

– Европейский рынок цивилизный и русскую мафию любит. Она надежней. Мафия к порядку стремится, государство к проценту...

Проходила беременность против первой очень нормально. Родилась девочка, Лиза. Сперва Вовик терпел, а затем пустился Лизу обожать. Только и занимался, что ковырялся в дитятке да пеленал. Пошла обычная кутерьма, бабушки, хлопоты. Не дожив полгода, Лиза скончалась – зарылась неудачно в одеяло во сне и задохнулась.

Вовик горевал сильнее и дольше Светланы. У нее основная боль уж через несколько дней унялась, почти перестала рыдать. В одиночестве, впрочем, поплетутся слезы, но без умысла. Однажды в зеркало на себя глянула – постарела.

Плакать прекратила... Непонятно, снились добрые, длинные сны. А вот просыпаться оказалось гадко, страх первым поступал в оживающее сознание. Но уходил быстро.

Вообще, те дни скоро забылись, будто из жизни выпали. Лишь одно воспоминание подчас тревожило женщину. На девятый день ночью Светлана с Вовиком окунулись друг в друга и до изнеможения занимались сексом. В какой-то момент – Светлана находилась что называется в позе собаки – Вовик зарыдал протяжно, от души (жгли спину женщины кипящие слезы), но занятия не прекращал. Возникла у него сильнейшая эрекция и Светлана вошла в буквально конвульсии. Аналогичного оргазма вроде бы не испытывала.

Помимо, похорошела. Правда, нажила складочки от носа, но они вполне шли. Еще лоб стал морщиться резче при гримасах... Через полгода произнесла мужу такую фразу (не к месту вовсе, вдруг изо рта вывалилось):

– Ты не хотел ребенка и... произошло.

Он сжался, опустил голову, видно было сколь лютая ненависть наполнила. Сразу стало жаль. «Прости», – сказала, охватила руками мужа и вжалась головой куда-то в живот.

Уныло топталась осень. Вовик переменялся, стал печальным, открылось нечто окончательно мужское и добротное. И раньше ему доводилось ездить в командировки, а тут принялась Светлана без него скучать... Периодически навещала Владимира Ильича. Раз накушалась у него до непотребства, до блевотины.

Замыслила Светлана побаловаться ремонтом. Муж ныл: «Давно ли грязь разводили, и без того все лоснится», – но девушка встала колом. И когда ремонт сделали, пошли события, Вовик крупно влип.

Встретил как-то Вован на улице старого знакомого. По непринужденности натуры разговорились, треснули под погоду, и встрял парень в оказию. Знакомец, назовем Слава, имел в близком заграничье дядю, директора мясокомбината. Шлепал дядя тушенку по неприхотливым ценам, и племянник по родственности руки теплил. От широты души и наваристости предприятия и Вовика подхарчить пообещал – давай наличность. Пообщался Вовик с напарником, этого величали Игорь, и рискнули они на многие деньги. Через месяц принес Слава сто процентов прибыли – время было двадцатипроцентной инфляции, прибыль месячная в пятьдесят процентов там и сям произносилась – Вовик заболел. «Какую сумму теперь возьмешь?» – спрашивал. «Хоть эту», – отвечал Слава.

Ухнули ребята все обратно и снова прибыль. Словом, много об этом историй говорено, да потому и много, что сидит в человеке черт.

Происходило так.

– Еще раз делаем, – говорит напарник Игорь, – потом половину вынимаем. Остальное дальше крутим.

– Нет, – возражает Вовик, – хочу своими очами на Клон-

дайк взглянуть.

Едет человек со Славой обозреть предприятие. Обратное с квадратными глазами вернулся. «Дело верное, золотое дно». И вбухивают все что можно и нельзя. Сейчас и выписывается мерзкая рожа российской действительности. Банк, через который оформляла Славина фирма все операции, лопает по причине стяжательства коварной банкирши. Вячеслав уходит на сумму зеленую. Другой банк, обеспечивающий кредит, забирает у него в счет долга квартиру и машину крутой марки. Жена с дитем от Славы уходит по причине женственности. Товарищ наглухо запивает, оставляя нашим бедолагам расписку на мощную сумму и гиблые перспективы. Кручина. А сатана рядом.

– Что делать? – задает напарник сакраментальный российский вопрос.

– Шаги, – отвечает Вовик, и они едут к тушеночному дяде показать расписку.

Пожалуйста, говорит дядя, занимайтесь. Чем могу, помогу.

Нужны деньги. Туда, сюда, ноу ит из нот. Продали машины. Мало. «Закладываем квартиру», – говорит Игорь, шире очков выпучив глаза... И вот весело. «Чью», – с вопросительной интонацией произносит Вовик. «Давай монетку ки-нем», – на последнем раже отвечает напарник... Помнится, в небе находилось солнце, шальной протуберанец, оторвавшись от мамы, прибежал и опалил Вову задором и беспя-

мятством. В обиженную форточку гудел воробей. «Давай», – разлепил губы Вовик.

Не сразу узнала Света, что живет в заложенной квартире. («Еще ремонт, дура, сделала») А пока мальчики едут в Эльдorado. Но премьер-министр не дремлет. Как только соколы переступают границу и закупают партию, он срочно вводит нечеловеческий акциз. Денег на него нет. Игорь бежит в Россию за подспорьем. А счетчик щелкает.

Другими словами, не только навар не получили, но в дефицит еще больший вошли. Было предпринято несколько акций, которые только усугубили положение. В конце концов приехали молодчики, один сунул Вове в мурло совершенно непрезентабельное дуло пистолета, другой шабаркнул грязным кулаком в ухо. После дебатов Вовик отдал расписку Славы, сумма в которой прилично превышала долг кредиторам. Счетчик, во всяком случае, остановили.

Вячеслава кредиторы попросили больше не пить и манали полтора месяца. В результате страдалец исчез. Молодчики возвратились, протянули ладошку и пояснили жест: «Квартиру». И Света обратно вернулась в повествование.

Надо сказать, Светлана не удивилась. Были, естественно, слезы, слова.

– Почему ты такой дурак! – стенала она. – Отчего Игорь ни за что не отвечает, как случилось, что он свою квартиру не заложил!

– Игорь – подонок, – жалко требовал соболезнования Во-

вик.

Он в те дни много ополз, превращался в кисель или, напротив, гордо вздергивал голову, – тяжело вздыхал, изогнувшись в крючок на диване. Прожили несколько свирепых дней. Артем раз бесхитростно докучал, и Светлана долбанула его кулаком по затылку.

– Не смей, – вскинул подбородок Вовик.

Светлана безразлично бросила:

– Заткнись, будет тут всякий...

Вообще говоря, и облака коростой загромождали небо, цвет имели непотребный, в натуральном спектре такого не наблюдалось. Иначе сказать, вознамерилась Светлана ехать обнажать загашник, но появился Румянцев.

Он стал объявляться в России чаще, заезжая за Артемом, без околичностей проходил в квартиру. При нынешнем появлении все произошло лихо, строго говоря, просто и оттого тревожно. Приходит Андрей забирать сына, спрашивает:

– У вас неприятности?

– Да, – говорит Светлана, – ты откуда знаешь?

Румянцев берет Вовика под руку и уводит на кухню. Через некоторое время он и Артем исчезают.

– Что он сказал? – спрашивает Светлана.

Вовик пожимает плечами:

– Попробует разругать.

И разрулил, Вячеслава нашли и заставили работать на кредиторов. А впереди ждали натюрморты, и ждали недолго.

Участие Румянцев не прекратил. Благорасположенное, но узнала о том Светлана много позже Вовика. Шумела:

– Опять за моей спиной авантюришь, опять в недоумки влезаешь!

– Бога постесняйся, – порол глаза Вовик, – что утаивать, если для твоей комплекции все делается. Я теперь тобой с головой арендован, раб и ничто.

Ввел таки Румянцев Вовика в дело. И здесь необходимо Андрея капитально потревожить, секреты его пощупать.

Компания, где Румянцев имел, между прочим, не последний голос, все более приобретала многопрофильный характер. Дело в том, что лафа с ферросплавами кончилась. Конверсия, перепрофилирование предприятий в Екатеринбурге и другие причины повлекли за собой ограничение производства порошковых ингредиентов, на которых наши деятели грели руки. Производство в Венгрии, рассчитанное на продолжительное время и вобравшее в себя приличные первоначальные прибыли, встало у кромки. Похерить его вообще нельзя было по причинам австро-венгерско-российского характера. Добывать сырье пришлось в иных местах. Этим и занимался в основном Румянцев. Упомянем, пособил ему в этом все тот же Иван. Румянцев отыскал его в Москве. Он вывел Андрея на Украину. Там ломали цену, дивиденд отощали, но реноме фирмы держалось. Контора за счет этого могла ввязываться в крупные операции, это и была компен-

сация вышеупомянутой неудачи.

Затевали кое-что с Икарусами. Проводили через Австрию операцию с мерседесовскими бэушными двигателями – Икарус по двигателю считался никудышным авто. Иванов готовил крупный контракт с российской стороны. Решили поискать новые мелкие пажити. Занимались винами. Австрияки давали мебель, Румянцев начал возить ее в Россию. Первые поставки осуществили в Тюмень, Нефтьюганск, Сургут – на нефтяных деньгах лицо шире наедалось – однако Екатеринбург проскочить никак не получалось.

Все это Вовик позже разведал, а пока Румянцев хлопнул его по плечу: «Региональным представителем будешь». Вовик от удара столбняком покрылся. Размышлял мужик не долго, взялся за гуж. Выхлопотал в Арамили, пригороде, по подсказке работодателя дешевое помещение на первую пору. Побежал рекламу мастерить. Потекло.

Полежал снег, облучил мир звонким, морозным светом. А там и весна плюнула гнусным, томящим выхлопом. Человек одел шляпу, коты вытягивали головы, сверкая черными вертикалями глаз. Снова застрекотала яма перед подъездом.

Вовик нахохлился, наряду с тем появился блеск в глазах. Светлана пару раз ездила с мужем в «выставочный зал». Поначалу в глазах рябило от нулей в ценниках, и она окутывалась недоверием, но вскоре от этого отказалась, увидев, какое количество людей запросто разговаривает на этом языке. Артем обзавелся школой.

Без того Вовик был приятелями не обделен, тут появилась пропасть новых знакомых на иномарках, в пиджаках с лишними пуговицами, гражданин раздался вширь. Приезжал поздно, Светлана скучала без него. Случалось звонить по мнимым поводам. Обижалась на суровость откликов. По вечерам жалась к товарищу, ладошку прислоняла. Уведомим, о потере ребенка без уговору не было произнесено ни слова, то же самое о повторной попытке.

Вновь объявился Игорь. Светлана пеняла:

– Мало тебе. Сними сразу голову, да подай.

– Ты не понимаешь, – отклонял супруг. – Я с ним в третьем классе учился, знаю человека наизусть.

Артем сделал объявление:

– Я летом с папой в Австрию еду.

Светлана создала официальное лицо и рассудила:

– Это мы еще посмотрим.

Против она, само собой, не была, но категоричность заявки не уважила. И впрямь, мужики приобрели вольность, Вовик, например, ноты в голосе приобрел:

– Ты, подруга, что живот-то не снимешь. Я тебя для чего держу... Убрать.

Верно, после первой беременности на второй месяц живота не стало, а тут забыла. Светлана отворчалась, а затем измерения произвела и ногами пошла дрыгать. Там и Юлию на физкультуру подломила, теперь шейпингом называлось. Обратно на теннис подалась.

Снова подружки появились: Юлия, Ленка. В час лихой за-
терялись – время демократическое, чувствительный народ –
а теперь здесь.

Обратно об Австрии. Ехали однажды мимо строения, Ар-
тем говорит:

- У папы такой же дом.
- Ты откуда знаешь?
- У бабушки фотографий ящик.
- Принеси-ка, – советует Светлана.

Дом, скажем, совсем не похож, но фрау на фото мелькала.
Элегантности сумасшедшей, однако на рожу и есть фрау.

Вновь разговор о поездке Артем заводит, Вовик вопрос:

- Вы когда, в июле, кажется, едете?
- Тебе тоже известно? – удивляется Светлана.
- Румянцев давно сообщил.

Живопись. Та претенциозная Галина, будучи вхожей во
все что можно и, главное, нельзя, следуя пиетету к Светла-
не порекомендовала ее солидному банкиру для оформления
кабинета. Состоялась встреча. Наша особа прихватила фо-
тографии работ – волновалась, между прочим, умеренно –
но, похоже, собой заинтересовала богача больше. Испытала
подъем – возможно, не единственно практическая сторона
дела составила мотив, пусть дядя и не являлся образцом чи-
сто мужских достоинств, там и годы присутствовали. Под-
ключила Владимира Ильича – речь шла о мозаике, работа
трудоемкая и требующая особого опыта – тот беззастенчи-

во заинтересовался (собственно, контракт включал шибкую финансовую составляющую).

Словом, имела место безоговорочно светлая полоса.

Летом, перед отъездом Артема и Румянцева попали Касьяновы (Светлана взяла фамилию Вовика) на пикник. Пикник получился нате вам.

Человек двадцать сошлось. От города увезли порядочно – на берегу пруда расположилась небольшая база отдыха. Пустая, работы у людей, видать, летом много. Коттеджи деревянной выделки, баня, физкультура и моционны разные, две лошадки для выездки. Все чин-чинарем. Увидела за многие годы Чайку, постарел страшно, морщины изрыли лицо. От былой красоты и соринки не осталось.

– Ломаны пути господни, – приветствовал Чайка и поздравил: – Однако ты стала...

Солнце не досаждало, бережно шушукалась с песком вода, недокучливый ветерок переставлял литые, ядреные облака. Вовик оголтело деятельничал, во взгляд попадал редко, Светлана попросила поручения у пожилого, невзрачного на вид, но с живым глазом мужчины.

– Я понял, нас отдыхать сюда привезли, – доверительно сказал дядя и посочувствовал: – В то же время предлагаю изладить одну вещь.

Федор Палыч, так он представился, повлек Свету помогать ему ставить морды.

– Мы с вами этих архаровцев умоем, – забавно жестикулируя пальцами, излагал он. – Они, видите ли, вознамерились потчевать нас завтра ухой, полагая встать зарей и заняться рыбой. Однако вестимо, через пару часов их мотивы приобретут необратимые направления и рыба опять будет бездельничать. А вот мы, пока еще присутствует координация сообщения, сделаем чреватый ход и утрем фанфаронам нос.

Светлана мгновенно увлеклась идеей и неотвязно улыбалась. Забрели на небольшой мысок – обтрепанные березки, употребленная трава, лишь валуны тускнели доверчиво. Федор Палыч начал раздеваться. Обнажил дряблое, использованное тело, непереносимо ежился, страдальчески оглядывался на женщину, не решаясь вступить в воду.

– А, может, к лешему, пусть ее плавает?

Светлана смеялась:

– И мечтать перестаньте. Ну что вы, ей богу, не погоните же даму в омут!

По грудь Палыч погрузился быстро, затем шел долго, смешно вытянув перед собой руки. Взвизгнул и ушел под воду. Выбравшись, очаровательно фыркнул, Светлана хорошо растерла полотенцем его спину. Когда вернулись, в просторном павильоне стоял накрытый обильно стол. Первое слово взял он:

– Ну что, предвижу утилизированные тосты, стало быть, хочу сказать за сокровенное. А что сие? Да именно эта речка, разумеется, воздух, конечно же улыбка, что там Джоконда,

наших женщин.

– Кто это? – спросила Светлана у мужа.

– Я понял, и есть голова всей кухни. Крутизна чрезвычайная.

Светлана посмотрела на голову.

Далее имели место аттракционы, шатания. Мужики неводержанно дурачились, женщины хохотали. Устроили состязания – скачки на лошадях. Охотников нашлось мало, однако рьян оказался пожилой, как Федор Палыч, дядя. Страстно утверждал, что получил босоное детство и вырос на лошади. Позже Вовик восторженно дохнет Светлане в ухо: «Иванов». Отыскался еще обладатель воспоминаний. Некая девица рассудила, что без флажков стартовать и финишировать незаконно. Сооружали флажки.

Действительно, босоное детство у Иванова присутствовало, выиграл. Ободренный тем, что недавно победил всех в настольный теннис, выпер Чайка, дескать, доводилось бывать в деревне. Однако лошадь под ним пошла трусцой и Чайку, увезя недалеко, свалила. На этом соревнования закончились. Дальше катали женщин, что тоже было забавно.

Вовик беспощадно вмешивался в очередное мероприятие, при этом толку никакого не вносил. Светлана различила шутовство, но выяснилось, гражданин уместен. Короче говоря, чувствовала себя одиноко. Пыталась приспособиться к трем степенно-суетливым дамам ее возраста, однако они любили клановость. Имелись еще девицы, да явно веселого

содержания.

Подсобил Чайка. Когда он брякнулся с лошади, получилось так, что Светлана первая подросла. Она им и занималась, заклеила пару царапин. Поговорили, вспомнили былое – надо сказать, с удовольствием. О себе порассказал. Подошла его жена, она происшествие с мужем пропустила, кухней заведовала. Женщина невзрачная, явно старше Чайки, и простая. Сходу, узнав о приключении, пошла материться, и Светлана почувствовала расположение. Про Чайку Марина вскоре забыла и хорошо общались («Я тебя знаю, и мой, и Андрей упоминали»).

Поспела баня, народ с глаз исчез. Светлана с Мариной как раз возились на кухне.

– Не желаешь? – спросила наша, указав на баню.

– Там сейчас толкотня, молодежь, позже разве.

– Ты здесь была?

– Сколько раз.

Вдалеке что-то мелькнуло. Светлана подняла голову, из бани – на отшибе стояла – выскочила совсем нагая девица, забежала обратно.

– Они там голые что ли?

– Всякие.

Девушка невольно повела глазами, забеспокоилась:

– Твой там?

– Нет, он на эти прелести пустой.

Светлана вскинула глаза, убрала теперь же.

Вышла из кухни, по сторонам огляделась, нет Вовика. Вернулась. В другой раз обнаружила: аккуратно за домиком стол, Иванов и Палыч за шахматами сидят, рядом болельщики и благоверный здесь. Он и в баню потом с шахматистами гулял. Подходящий мужчина.

Уж длинное плоское облако, подпаленное зарей, отчаянно шаяло над лесом, остановилась река, застонал комар. Ударились в чревоугодие. Народ, разогретый градусом, сокровенностью вязких, тяжелых сумерек, общностью, окончательно распоясался. Стоял гвалт и хохот. Вовик попытался изладить тост, запутался, но Светлана удачно перехватила, закруглила. Тело уплотнилось, обросло беспокойными мышцами, в голове шныряли слова.

Когда слиплась последняя мгла, сместились на танцплощадку – вместительный деревянный квадрат, обнесенный скамейками, прикрытый кубом ровного неразличимого света. Полыхнула музыка, девицы, не мешкая, забились в танце, за ними дернулся мужик. Вован, а как же, очутился в центре, отрывал от себя конечности. Светлана и не в курсе состоялась, что так умеет. Ее тоже втянули в круг. Кровь била в виски, гуляла по телу.

Ночь ходила ходуном, то танцы, то веранда с чоканьем и тостами за скабрезное, дружбу и владение миром. Компания расчленялась на группки, затем те перетасовывались или вваливались в общий шалман. Много за полночь Марина предложила:

– Пойдем, тех стручков поворошим.

Указала на укромную скамейку. Едва смазанные и без того хилым светом, неприметно сидели Федор Палыч с Ивановым. Марина подскочила к Палычу, весело причитала:

– Ты что такой замороченный, ну-ка тряхни костями!

Светлана, изобразив непонятно что, пригласила Иванова. Мужчины улыбались, от скамьи оттолкнулись вяло.

Вскоре вчетвером, прихватив шампанского, отправились на пирс-купалку. Там уже пылали женские возгласы и плеск воды, должно быть, кого-то окунали, Федор Палыч предложил:

– Идемте, покажу явление.

Направились по берегу, шли долго, хоть и недалеко – пробирались по цепким, казалось, дремучим зарослям, то и дело взвизгивали, попадая в мякоть, скользя по влажной траве. Очутилась Света рядом с Палычем, ухватилась за его крепкую, угодливую руку. Вышли на твердую почву, кустарник спрятался.

– Где-то здесь было, – неуверенно промямлил Федор Палыч, – погодите.

Прошел немного дальше, силуэт не потерялся, сохраненный нежным мерцанием реки.

– Вот. Смотрите на реку и идите ко мне.

Светлана, Марина, Иванов стеснились, медленно двинулись.

На чугунной площадке реки лежала луна, от нее бежала

длинная, выверенная струя холодного огня. Шарик тронулся вместе с людьми, отмечая передвижение медленно пересекавшими дорожку плевками пены. Вдруг пятно заволновалось, наконец разорвалось: луна падала в небольшой водоворот. Тот неумолимо месил огненный шар, увлекал в воронку, луна отчаянно сопротивлялась, карабкалась на поверхность. Зрелище было эффектным, все замерли, очарованные.

Вскоре, выпив шампанское, тронулись обратно. Настроение переменилось, уж кустарник показался родным, теперь он доверчиво прикасался к благонамеренному телу. Светлана подняла голову, на нее опять, как однажды на море, обрушились звезды. Впрочем, без угара, лирика, положим, пела, но и постороннее не исчезло совсем. Она снова держалась за Палыча, не очень хотелось говорить и сказала:

– Как верно вы озвучили первый тост. О реке, воздухе.

– Знаете, здесь собой доволен, с детства умею видеть природу. Для меня нет ничего мощней естества.

– Что, есть чем недовольны?

Поговорили. Марина с Ивановым запропастились куда-то, наши долго бродили по берегу. Федор Палыч накинул на женщину свою спортивную куртку и рассказывал о молодости. В другой раз нелепыми могли показаться смахивающие на исповедь откровения зрелого незнакомого человека, но теперь оказалось впопад. Спать проводил, когда затеплился рассвет. Войдя в отведенную комнату, обнаружила пьяный сап Вовика.

– Я тебя вчера всю ночь искал, – ерепенился с утра, – отчет мне быстро.

После выволочки и противодействия Светлана окунулась в раздражение. Погода сопутствовала, небо укуталось облаками. Все вылезли с неважными лицами, девицы потускнели. Федор Палыч казался истрепанным, отдельным, вчерашнее не аукалось. К полудню, однако, слегка разогрелись. Скажем прямо, отлично погуляли.

Появлялись мысли сгонять на море, но как Вовик, так и Светлана втянулись в работу. Да и не сказать, чтоб уж очень ресурс позволял. Сделку Светлана заполучила, но народу пришлось задействовать достаточно, потом расчет оговорили сделать после завершения, а кропотливости и времени контракт немало забирал. Потом руководил фактически Владимир Ильич.

Вовик суммы переставлял хорошие, но личного здесь было отмерено – много шло на развитие. Кроме того умудрил Вова вещь.

Недаром мужик по дому быта, где располагалась контора Светланы, анекдоты разносил. Сам он в Арамили, пригороде располагался, но надумал в настоящий город передвинуться. Где-то Иванов похлопотал, еще люди, сам покрутился... Комбинат был набит разным кустарным промыслом: пошив одежды, обуви, химчистка и так далее. От наскока западного ширпотреба кустари быстро исхудали, налог и аренд-

ную плату ненавидели всей душой. Однако если налог душил, то с арендой повезло. Несколько лет шла чехарда с собственностью. Хабазину перепихивали с баланса так называемого ПЖРТ на баланс местного завода, потом некоего швейно-замороженного объединения. От этих перетасовок большой строгости к выплате арендной платы не наблюдалось. Скажем прямо, обитатели ее не сдавали вообще. За три года вырос вкусный долг. От подобной домокловости, громадного не поощрения нашими государями производства работный люд комбината ходил на очень вялых ногах. Симпатично складывалась ситуация со швейным объединением, последним хозяином дома. Руководитель его по политическим убеждениям переезжал в Москву и выяснилось, что без его авторитета объединение являет собой пшик и содержит массу юридических недоразумений. Между прочим, это разведал Игорь.

Иными словами, ушлый Вовик в течении двух месяцев имел самый загадочный вид. В город Екатеринбург приехали несколько Икарусов, и хоромина технично перетекла на баланс компании Румянцева.

Жизнь даже очень поплотнела. Комбинат перекраивали. Из старых обитателей оставили косметику, химчистку, еще малость (безусловно, Светланину кухню) – они имели свойство, как услуги, переводить всю богадельню в разряд более низких платежей. Первый этаж и подвал пустили под мастерские, связанные с мебелью: перетяжка, починка, мелкое из-

готовление и склады. Второй – выставочный зал, третий – офисы, бухгалтерия, магазин бытовой техники, столовая.

Вовик целыми днями толкался на работе (Светлана в комбинате практически не появлялась, поглощала работа по мозаике). По идее, он и до того дома находился редко, но сейчас изменилась напряженность, при этом знак не сдвинулся безоговорочно в положительную область. Вовик разжился внутренним протестом и небезосновательно.

Дело в том, что его, скажем так, щелкнули по носу. Идею присовокупления дворца подал он и во многих перипетиях непосредственно участвовал. Тем временем он так и остался начальником магазина, то есть хозяином части второго этажа. По бумагам и совсем неудобоваримо произносилось – заведующий выставочным залом. Признаться, от идеи до воплощения ой какие люди руку приложили и, право, Вовино участие блеклую форму имело, но, к примеру, начальником всего дома встал молодой парень, который вообще нарисовался из миража. А вспомните румянцевское «региональным представителем будешь» – да еще по плечу, гад, хлопал. Начал Вовик сетовать супруге:

– Гонщик твой Румянцев, метет метлой.

Светлана поминала, что живут в квартире благодаря Румянцеву, и вообще, деньги какие-то водятся, но в душе соглашалась.

Относительно денег. История эта увеличение прибыли Вовика разумела, ибо планировались стабильные, доброт-

ные поставки, но пока этого не наблюдалось. Ездили Касьяновы на зачуханой довольно машине, а, скажем, молодой начальствующий парень дверкой последнего БМВ хлопал.

Впрочем, выпадали и штучки. Допустим, осуществляет Иванов по определенному случаю питейное мероприятие, круг не широкий. Сам звонит: тогда-то и тогда-то с супругой милости просим. Между тем парня на БМВ не видать. Кстати, и Румянцева не обнаружилось, в Австрии обретался. Федор Палыч присутствовал (в приветствии за плечо Вовика трепал, зубами блестел, Светлану в руку чмокнул) и по ходу вечера слова ронял:

– В принципе, самому не грех на месте товар смотреть (это об Австрии). С головой у тебя хорошо, уже отмечено. Кому как не тебе товар отбирать.

Светлана фразу нашла – она, сказать есть, смирением относительно Палыча не надсаживалась:

– Вы моего мужа особенно не обольщайте. Я соблазны подозреваю.

– Тут вы сами барыня, – отступал Федор Палыч, – дело всем отыщется.

К месту вставить, если в первой встрече Палыч выглядел удобным, то теперь витийствовал, занимая Светлану:

– Человека объяснить затруднительно не потому что необъятен, а как раз оттого что слишком незамысловат. Здесь найти пристойную формулу не просто, непременно наворотим лишнего и уведем от портрета.

Или:

– Ощущения красоты, гармонии работают в сфере априорных представлений, связанных с моделями, обуславливающими мораль, норму, ритм. Красота то, чему доверяешь. До веры... Можно сказать, что это условия задачи, но не решение ее. В этом смысле гармонию обязывают незавершенностью.

Напросился смотреть Светланины работы, но так и не удостоился – вскоре уехал в Венгрию, и в России Светлана увидит его еще только раз.

Перед сном Вовик ходил важный, живот трепал:

– Действительно, если вдуматься, почему не мне товар отмерять.

Добавим, Артем из Австрии лютый приехал. Там его папа на какие-то аттракционы водил и воспламенил парня предельно.

– Тетю с фотографий видел? – не преминула Светлана.

– По-русски не тянет болтать, и все на тренажере сидит.

Зима под хорошим снегом пролежала, и Австрию Вовик миновал. Другое дело, путевое авто справили, дубленку ему. Свою часть работы Светлана закончила, теперь шел набор мозаики, но одинаково терлась возле Владимира Ильича, в своей конторе почти и не появлялась. Работали молодые художники, с ними бывало интересно. А по весне пришло.

Заболел отец Светланы, аденома предстательной железы.

Сделали операцию, подержали в больнице, отвезли домой. Дня три хорохорился и ту же занемог. Мама, Лариска занялись слезы ронять. Светлана достала румянцевские деньги, повезла отца в хорошую больницу. Человека подлатали и дали группу. Почки хандрили, в квартире стоял неистребимый запах мочи, но еще в больницу лечь наотрез отказался.

Светлана часто ездила к родным, недурно рисовала, Вовика видела относительно редко. Однако в понимании дел он ее держал.

– Ну, если и теперь меня обойдут, тогда не знаю... – затеял встрепано поговаривать еще в зачатке зимы.

С того интенсивного пикника Вовик начал вникать в дела компании. Венгерская отрасль захлебывалась, ферросплавы окончательно становились нерентабельными. Центр тяжести смещался в Австрию, австрияки пристально поглядывали на природные богатства Урала. Упоминались изумруды, но в контексте унылом, там шла буза. Однажды Вовик услышал разговор о мраморе, и слово в памяти отложилось.

Соученик Вовика (он заканчивал Горный институт) и бывший тесный приятель служил главным инженером мраморного карьера. Мрамор рудник копал особый. Ситуация на предприятии сложилась тяжелая. Когда началась приватизация, областное управление в качестве фондов изловчилось подсунуть руднику гнилое оборудование. Через год механизмы пошли из строя, пришлось арендовать новые. Прибыль, соответственно, сократилась. Помимо, некоторые

крупные заказчики обнищали, стали обходиться обычным мрамором, более дешевым. Карьер приходил в упадок.

Рудник в свое время выпустил солидное количество акций, которые постепенно разошлись по причастным к предприятию людям в обмен на ваучеры, в качестве зарплаты и так далее. Акции рудника почти никто не покупал – перспектив не наблюдалось.

Для областного объединения рудников предприятие являлось балластом. При наличии удобных обстоятельств юридического и транспортного характера наблюдался вариант выгодного вложения компанией средств. Словом, Вовик посуетился, командование покумекало, было решено купить контрольный пакет акций. Впрямую компания тогда это делать не могла, поскольку имела ярко выраженный иностранный оттенок. Требовалось подставное лицо, и черты его четко обозначились в Вовике.

Вот что знала Светлана, но это было не все.

Окончательную операцию по скупке акций планировалось провести весной, этот срок назначили в результате шуры-муры с управлением объединения и прочими знающими людьми. От попыток убивать цену акций слухами и действиями, или скупать акции постепенно компанию отговорили. Попытки такие уже имели место, ни к чему кроме вздутия цены и затормаживания продажи это не привело: на номинале по долларовому эквиваленту народ стоял насмерть. По весне ожидалось некоторые пертурбации в объединении и

еще мероприятия, что цену сбить не могло, но возможность массового сброса акций обеспечивало. Тут и намеревались сделать разовый хапок.

Кажется, все просто, Вове загодя была оговорена пачка акций в собственность за хлопоты – сиди, жди. Но встрепнулся бес, силуэт его мелькнул за спиной соученика приятеля. Тот тронул однажды Вовика под локоть и рассказал следующее. С год назад одна фирма все-таки скупила небольшую часть акций, теперь она нуждалась. «Можно выкупить их долю по цене ниже номинала», – сказал приятель. Вовик задумался. Оказия состояла в том, что наш деятель мог распоряжаться неплохими мебельными деньгами. Контроль осуществлялся раз в квартал, следующая ревизия выпадала после планируемой операции с контрольным пакетом. Короче говоря, акции фирмы были куплены, некоторое количество их, полученное за счет разницы в ценах, поделено равно между Вовиком и приятелем. По существу, нужно было относить остальное начальству, поскольку акции купили на деньги компании, и говорить: «Вот какой я молодец». Но Вовик этого не сделал. Почему? Потому что когда приятель ушел, бес остался.

Итак, Вовик несколько ночей кряду не спал. В изголовьях его постели сновал нечистый и шептал: «Это унижительное положение заведующего, это лебезение перед фраерами на БМВ, перед... да бог знает перед кем еще. В сущности, достаточно одного имени – Румянцев! А если бы... Господи,

сам себе сам».

Как показал опыт, возможно было действовать в обход компании, цену акций все-таки снизить – если бы это удалось в широком масштабе с присвоением разницы, Вовик стал бы независимым хозяином. Родилась идея. Она выглядела не только чрезвычайно рискованной, но отчасти изящной.

Карьер примыкал к небольшому районному центру, все работники, бывшие и настоящие, значит, держатели акций, проживали там. Психология обывателя небольших поселений известна: треба жить не хуже соседа. Идея была проста, необходимо обменять на акции хотя бы небольшой части работников какие-либо бытовые принадлежности. Четко оговоренный бартер, акция – такая-то вещь. Счастливые обладатели ширпотреба несомненно тут же распространят весть, и стать счастливыми захотят все. Здесь и нужно действовать быстро и неблагородно. Под ажиотаж можно втоухать второсортный товар по цене первосортного, ибо, во-первых, периферийный житель еще не унял очарования перед красивой наклейкой, в которой ни черта не смыслит (чтоб обман не вскрылся сразу, необходимо обусловить, что обмен возможен до некоторого срока), во-вторых, даже расчухавшие пролетевшие не станут лишать соседа возможности быть обманутым.

Это изящная часть. Рискованная, – приходилось, как и в случае с акциями нуждающейся фирмы, исключить присут-

ствие компании. Иными словами, необходимо было найти крупную партию второсортного товара, что называется, под реализацию, а не за расчет. Далее приносишь акции в компанию, получаешь деньги, рассчитываешься с поставщиком товара, и, скажем так, гнилую разницу забираешь себе. Здесь и состоял основной риск. Как отнесется к выходке Вовика компания, когда надувательство вскроется, было совершенно непредсказуемо – притом, что недовольство бывших акционеров, которые рано или поздно узнают об обмане, ляжет на нее.

Но... Демократия. Вовик крутился в коммерческих сферах и отчетливо видел, как делаются крупные состояния. Кроме того, почитывал Карнеги и прочих, и разглядел многое между строк. Собственно, в отношении стерильности самой компании кое-что ведал. Наконец, маячила пристрастная к Касьяновым фигура Румянцева.

По существу, окончательно добило то, что Вован посвятил в зыбкую идею Игоря – о, злополучный Игорь! – и дружище через несколько дней после разговора прилетел весь растрепанный с фразой: «Я нашел фуфло под реализацию». Словом, Вовик решился.

Именно весна происходила во Вселенной. Таки легко дышалось, пылающая кровь распоряжалась телом Вовика и биение сердца отмеряло ритм жизни. День не походил на предыдущий, и грядущий, еще не наступив, уже пахал на питье шампанского. Вовик редко пребывал дома, и пребы-

вал-то плотью разве. Он, случилось, вставал ночью и гремел на кухне посудой – физиология разместила бурный аппетит. Порой пристально глядел на Светлану, и ей было на удивление понятно, что она отсутствует.

Подходил срок. Уж отпущено было штабу спроворенной Игорем фирмы необходимое количество улыбок, шуток, прочее сопутствующее и подписаны бумаги. Наконец, отправлено и получено ограниченной кучкой акционеров количество товара, будирующего бартерный ажиотаж. Собственно, увертюра кончилась, собственно, срок наступил.

В определенный час приехали на рудник, ожидался основной товар – народ шелестел акциями. Совсем не скоро томительное и нервное ожидание было прервано появлением человека с фирмы. Он имел удрученный вид. Вот достаточно полный пересказ его речи:

– Мужики, получилась ерунда. Мы ведь посредники, но с вескими полномочиями. Согласно этому имели право отдавать товар под реализацию. А тут бах, приезжает главный поставщик. Кричит, под реализацию нельзя... Мы шуметь. Дескать, уже бумаги есть. Нет – уперся как бык, только за расчет.

Это был крах, ибо окрыленный бартерными галлюцинациями и теперь обиженный мужик, возможно, вообще в дальнейшем акции не отдаст. Наконец, компания узнает, что Вова – кроил.

Впрочем, выход был...

Ну да, весна не совсем спалила снег, он уныло горбился в вольных лесных закоулках, да, еще торжествующе чавкала грязь, да, зимний сквознячок пока шлялся в тяжелом от влаги пространстве. Иес ит из. Вовик поднял голову, его левое веко дрогнуло, уголки глаз треснули легкими морщинками. Вован смотрел.

Итак, мужчина вместе с фирмачем и Игорем сел в автомобиль и уехал из поселка районного масштаба, в котором жили акционеры. В пару последующих дней индивидуў искренне полагал, что ничего более блистательного в своей жизни не совершал. И почему нет, мы вправе доверятся собственным чувствам.

...Как легко, естествен, как хорош блеф! И чушь, что люди доверчивы, оттого что совестливы и честны по естеству. (Кто честен перед самим собой?) Люди улыбаются блефу оттого, что ложь красива, а правда – слаба (собственно, ложью и обусловлена – без лжи правды нет), ибо поверхностна, очевидна...

План был достаточно прост. Вовик сначала предоставляет компании фиктивные акции. Полученные по ним деньги отдаются фирме, обеспечивающей товар. Дальше все идет по старой схеме. Позже он приносит Румянцеву настоящие акции. Так, мол, и так. Се ля ви. В конце концов, Румянцев почти родственник. Вообще говоря, иного выхода просто не существует.

Итак, нужно было нашлепать фальшивки. В получении по

ним денег и состоял основной риск, но Вова пошел на него, зная, как будет происходить покупка акций. Бабки повезут на рудник он (вспомните, парень является официальным лицом, осуществляющим сделку) и главный бухгалтер екатеринбургского филиала компании с кучей, само собой, телохранителей. Присутствовать с той стороны будут соученик, он на удачу как раз замещал директора, и бухгалтер рудника. И здесь...

Вовик не раз был свидетелем передачи крупных сумм. Главным бухгалтером компании служила дама бальзаковского возраста с выраженной претенциозностью. У нее, надо думать, имелся профессионализм, но не было той ревнительности, что проявляется часто у уличных торговцев при пересчете денег. Вовику доводилось стать очевидцем, когда для ускорения процесса доверяла она пересчитывать часть сумм присутствующим.

Помните? – определенное количество настоящих акций у Вовика уже было... Акции соученика. Дали задание наковырять займы, где можно. Эту часть и задумали подсунуть для пересчета бухгалтерше. Остальное тиснули на ксероксе. Эти акции будут пересчитывать Вовик и бухгалтерша рудника – она в курсе.

Не те чернила, чтоб описывать самочувствие Вовика. Минута приближалась.

И вот он – апофеоз... Недавно выкарабкалось утро. Сердце лупило о ребра, деревенели пальцы. Дергалась дура-мо-

лодуха – бухгалтерша рудника. Все прошло без сучка и с задором. В конце акции бальзаковская дама сдержанно улыбнулась. Стало даже немного обидно.

Вовик рванул на фирму-поставщик.

– Оформляем товар на меня, я привез деньги, – ретиво распорядился он.

– Слушай, только послезавтра, технические накладки, – подобострастно ответили фирмачи.

Ночью Вовик плохо спал. Днем позвонил на фирму. «Ну, завтра, абсолютно точно», – отвечали ему.

На следующий день поутру отправился к поставщикам. Дверь подъезда, когда выходил из дома, зацепила пальто, – отпустив, неблагозвучно крякнула. В напряженные глаза пополз немощный свет, плесень околевающего снега источала грязные запахи, в окраину глаза попался сосредоточенный велосипедист.

– Слушай, – виновато проговорили ему, – ничего не выходит. Начальник запретил товар продавать.

Вовик шумел. Фирмачи разводили руки.

Позвонил на рудник из дома – народ ждал, надо было что-то предпринимать. Трубку взял соученик, Вовик жадно произнес:

– Ты знаешь, товара не будет. Поговори с народом, может, деньгами возьмут.

После небольшой заминки трубка ответила:

– Я не понимаю. Товар вчера пришел.

У Вовика перехватило горло.

– Как это? – спросил, наконец, чужим голосом.

– Приехали мужики с твоими бумагами, начали обмен.

Пискнул:

– А где акции?

– Тебе повезли, – медленно произнес соученик.

Идея Вовика оказалась верной, за день фирма пихнула все.

Наш родной ринулся к поставщикам, селезенка безбожно гудела. Разговор закончился минуты в две.

– Мужики, гоните акции. – Отчего-то жал левый ботинок, вне всякого сомнения, дрожало веко.

– О чем ты? – сказали Вовику холодно.

– Как о чем, – голос рвался, – вы же за товар получили акции.

– Получили, – сказали ему совсем мрачно, – но причем здесь ты? Где документ, что это твои акции?

– Мужики, что происходит! – завопил Вовик.

– Гуляй, родной, некогда нам.

Именно в те дни сошел последний снег...

Самым ярким участником этой истории оказался Вячеслав, что фигурировал в тушеночном деле. Именно он соорудил любезность.

Когда, два года назад, произошел провал с тушенкой, Румянцев, узнав о Вовиной беде, вычислил претендентов на квартиру Касьяновых и авторитетно посоветовал оставить в

покое Вовика, те попросили найти Славу, который находился в бегах. Он согласился, но люди Румянцева перестарались. Для получения координат они начали напрягать семью Вячеслава: сестру, маму, папу. Папа от этих дел полез в петлю. Из петли его вынули живым, но вредимым, веревка успела перекрыть кислород и человек малость тронулся головой. Слава начал работать, но мечтать о мести.

Ни Вовик, ни Игорь об этих ужасах не знали. Вячеслав тем временем не только выбрался из долга, но и вертел на прибыль. Оставшись не у дел, Игорь хватался за первое попавшееся и часто общался со Славой. Об идее Вовика относительно бартера и шепнул, не подозревая, что тушеночный бедолага может иметь зло. И тут – сами понимаете. Именно Вячеслав свел Игоря с товарной фирмой, будучи якобы человеком посторонним, в действительности автором дерзкого плана (Слава знал, что фирма обладает крутой крышей и не избегает самых решительных авантюр).

Через два дня Вовик зашел к парню на БМВ и все рассказал. Тот схватил голову руками. «Какой ты debil», – мелькнуло в длинной череде мата. На другой день – Вовик сидел в своем кабинете – БМВ, приоткрыв дверь, бросил хмуро:

– Сиди дома, скоро Федор Палыч подъедет.

Через два дня за Вовиком заехали и привезли к Палычу. Он дотошно выпрашивал. Шалун то горячо, то поникнув, докладывал, вернул деньги.

– Отвезите его, – сказал Федор Палыч.

– Что мне будет? – сказал Вовик.

– Посмотрим, – сказал Федор Палыч.

В машине сопровождающие не проронили и слова. Вовик попросил сигарету – имелись свои – молча угостили. Вечером открылся Светлане. Долго сидела на стуле, широко, не по-женски расставив ноги, трогала волосы, ключицы. Вовик слонялся по квартире, резко убегал в ванную, хрюкал. Светлана всячески утешала, бодренько произнесла:

– Вообще, ты даже доход принес. Я правильно поняла, что настоящие акции у компании появились? Пусть немного.

Вовик оживился. Действительно, получалось, что акции его соученика и взятые займы у знакомых (свои акции были куплены на деньги же компании), которые предъявляли бухгалтерше, достались компании. Не могло быть и речи о просьбе вернуть их владельцам (так и получится, компания акции не вернет, неприятности с бывшими хозяевами бумаг начнутся позже). И точно, Вовика подлечило. Впрочем, сама Светлана ближе к ночи, несомненно невзначай, прошептала: «Что же будет».

Мужчина по-прежнему ходил на работу, но возвращался мрачный. Ездил к Игорю, Светлана с ним. Открыл сын: «Папа уехал на долгую командировку». Однажды Вовик вернулся порозовевший:

– Похоже, пронесло, забрали акции у тех скотов.

Несмотря на то, что холод вокруг стоял, действий против субъекта не предпринималось. Постепенно кровью в ли-

це разжился, ступил говорить прежними интонациями. «Не иначе, Румянцев опять спас», – сказал как-то... И прибежало.

Приехала Елена, глаза на полметра впереди. В квартиру прошла молча, как увидела Вовика, руками всплеснула:

– Ну, вы меня своими шуточками кончите.

Объяснила, кофточку оправив:

– Звонит Ирка из Москвы. То-се. Спрашивает – и голос-то звенит – Светлану давно видела? Есть время, отвечаю. Она: слух прошел, что Вовика убили, накосячил крупно.

Вовик опустил на диван... Испугались по-настоящему. Вечером, Елена уже ушла, у товарища случился припадок. Было решено бежать. Куда? К родителям, больше не нашли места. Однако пару дней Вовик провалялся дома. Дни стояли невыносимые, то хныкал, откровенно скулил, нарочито вел себя мерзко, то взрывался ненавистью:

– Ты, ты виновата! Своего Румянцева, заступника, подсунула – региональным представителем будешь!

Когда все-таки собрался уезжать, уже к выходу подошел, Светлана спросила:

– Ты адрес Палыча знаешь?

Вовик развернулся резко, спокойно и ненавидяще проговорил:

– А-а, подставляя побежишь. Случай подходящий. Ночь тогда не даром... – Осекся, осунулся. Прошел обратно в комнату, сел за стол, безжизненно глядел вперед, подперев под-

бородок руками. Встал, быстро пошел к двери и бросил тихо: «Не знаю, этот козел из комбината наверное знает».

Когда уехал, стало много легче, Светлана начала действовать. Пришла к родителям Румянцева. Те дали номер: «Он теперь на Украине». Набрала, но сообщили, что Румянцев в Москве и будет через месяц. Заявилась в комбинат, фразер разговаривать не соизволил. Зашла в косметику. Поначалу женщины зажались, говорили с опаской, но понемногу разгладились. Ужас-то какой! Светлана от подобных разговоров разогревалась, активностью обзаводилась.

Вспомнила о Чайке, поехала. Он и дал адрес Палыча. Правда, нехорошее вставил:

– Козел твой Вова. Справляй панихиду.

– Я вас всех пересажу, – злобно выкрикнула Светлана.

Чайка усмехнулся. Посетительница с маху горько зарыдала, уткнулась в ладони. Бывший приятель брезгливо выдохнул:

– Ладно, ладно. Иди к Палычу пока он здесь, разводи нюни. Мне что за дело.

Федор Палыч существовал гладко, швейцар в подъезде. В квартире встретил парень, оглядел, казалось, ощупывать будет. Нет. Провел в гостиную. Просторная, светлая, почти без мебели, много светильников и картин на европейский фасон. Неуместный огромный ковер на полу. Хозяин был в тапочках и спортивных брюках, выглядел окончательно нелепо. Бессловесно кивнул в качестве приветствия. Светлана

настойчиво выплеснула:

– Что нам делать?

Гражданин пожал плечами:

– Моральный урон, его компенсировать трудно.

– У меня есть деньги, – Светлана назвала оставшуюся от всех передраг сумму, – квартира.

– Перестаньте смешить.

– Если что-то случится, я заявлю на вас.

Федор Палыч неприязненно посмотрел:

– Мы о чем сейчас разговариваем?

Светлана сникла, помолчала. Глядя в пол, буркнула:

– Я на все согласна.

Федор Палыч засмеялся:

– Вы умная женщина, а слова странные. Это не по адресу.

– Скажите мне, где Румянцев.

– Не знаю. Когда появится, предложу посетить вас. Уж простите, но разговаривать нам не стоит. Я вас провожу.

У выхода тронул за локоть:

– Вы красивая женщина и достаточно у вас впереди. Я, поверьте, сочувствую, что так случилось.

Вовика не навещала, перезванивались. О посещении не сказала. Собралась в Москву. Хотела ехать не уведомив, но что-то держало. Все-таки поехала к мужу, уже после поняла, что ей нужен был скандал. Он вел себя пусто, равнодушно, Светлана нервничала.

– На что поедешь? – спросил.

Светлана примолкла, смотрела неумолимо, выпалила:

– У меня есть деньги!

– Откуда? – Вовик поднял усталые глаза.

– Румянцев оставил, – Светлана назвала сумму.

Не проникся, просто опустил взгляд и больше им не действовал.

Столица стояла грязная, шумная. В самолете блуждала устойчивая безысходность, здесь поубавилась. Препиралась в аэропорту с пожилым, речистым таксистом, добиралась в центр автобусом. Набрала номер Ширяева – у Елены выхлопотала, та чуть не с ней подбивалась ехать – ответил голосом забытым, сомнительным. Потребовал ожидать, сейчас подъедет. Вышел из шикарной машины, дверцу ей открыл. Элегантным не выглядел, но похудел.

– Ты знаешь, зачем я приехала? – Отчего-то улыбка легла на лицо.

– В общих чертах.

– Мне нужна помощь.

– Какая? О деньгах речь не идет, а вмешиваться в дела такого характера мы не можем.

– Дело вот в чем. Ирина звонила Ленке. Слух, говорит, идет, что Вову убили. Мне нужно знать, как он возник.

– Ирина переврала, слышала звон...

– Откуда звон, что вы знаете о деле?

– От Румянцева, он сам все рассказал.

Светлана круто повернулась:

- Ты его видел?
- Конечно, он здесь.
- Знаешь где?
- Естественно.

Светлана обмякла, вжалась в сиденье. Голос выбрался низкий, усталый:

– Отвези к нему. Умоляю. Он не узнает, что ты меня привез.

– Да отчего не узнает? Ради бога! Разумеется, отвезу.

Румянцева нашли в офисе какой-то фирмы. Светлана затеяла пристально смотреть в его глаза. Андрей появлению не удивился, но явно не обрадовался.

Ширяев уехал, сели в автомобиль Румянцева. Спросил:

– Надолго?

– Не знаю.

– Недалеко есть приличная и недорогая гостиница. Если хочешь...

– Да, конечно.

Разговор начался в номере. Светлана говорила без волнения, ровно:

– Ты, несомненно, знаешь, зачем я приехала.

– Не знаю, – упруго возразил Румянцев.

– Пощадите Володю, – по лицу Светланы рассыпались пятна.

– Я ничего не могу сделать. И не хочу.

– Ты можешь, я знаю.

– Ничего ты не знаешь.

Светлана замолчала, подошла к окну. Румянцев, не раздеваясь, сел на стул, негромко шлепал ключом от автомобиля по столу. За окном шумел город, первая листва перемигивалась на деревьях, лотошница в белом халате гонялась за апельсином. Светлана жестко, почти не открывая рта, выдавила:

– Если с ним что-то случится, Артем обо всем узнает.

Румянцев без лишних интонаций произнес:

– Артем – мой сын. И уясни, жизнь ему открою я, ты мне не помешаешь... Можешь говорить что угодно.

Пришла холодная тишина. Светлана пробовала заплакать, не получилось. Лотошница поймала апельсин, добросовестно рассматривала его, крутя в руках, с негодованием бросила в гнилой, стоящий в сторонке ящик. На стекле мерцало старое, высохшее русло дождевого ручья.

– Не убивайте его, Андрей. Всем святым прошу.

Румянцев рассмеялся:

– Какого ты лестного мнения о нас... – Унял смех. – Мы обыкновенные толкачи, маклачье.

Светлана повела рукой по стеклу. Запело.

– Ты хочешь убрать его, потому что любишь меня! – припечатала, сама пугаясь.

Заскрипел стул, звякнули ключи, вздохнул под ногами ковер. Дверь засипела и замерла. Образовались слова:

– Ты вот что. Если будешь мешать с Артемом, я тебя...

переведу. – И Румянцев вышел.

Вечером того же дня Светлана сидела у Репринцевых. Иван пришел поздно. До этого прилежно выпили. Ирина качала головой:

– Ой, какой идиот.

Толком она ничего не знала. Когда пришел Иван, вышла из комнаты – «Поговорите». Иван говорил медленно, страшно неохотно:

– Там стрелки развели, но в отношении твоего мужа ничего не меняется. Это синие, они подобного не имеют права простить.

– Он может скрыться?

– Не знаю. Попробуйте... Думаю, тебя напрягать не станут. Попробуйте.

На другой день Светлана снова поехала в офис Румянцева, но там отрезали, из Москвы уехал. Светлана хотела позвонить Ширяеву, однако передумала, улетела вечером домой. Неделю сидела дома, потом поехала к мужу.

– Ну что?

– Ничего хорошего, тебя накажут. Хотя дело закончилось благополучно.

– Как накажут?

– Не знаю, побьют, наверное. Так мне сказали.

Вовик длинно высморкался... Домой, впрочем, сразу не поехал, вернулся через три дня. Заметно ожил, взъерошился. Через пару недель снова увял, нервничал.

Чудо! Зарыли вековую яму перед подъездом. Набросали грязи, во взгляд из окна просилась хмурая, корявая плешь. В подъезд поволокся бурый след. Некий старикан, не иначе впавший в крайность, на глазах у честного народа угораздил всаживать в бывшую яму два юных деревца. Его сверстница, обстоятельная бабуля, долго корила проказника за наивность либо неосмотрительность. Старичка, правда, не обескуражила. Одно деревце так и не прижилось – славно мужики поработали, убили землю – а другое скоро занялось.

Весна шла тягучая, длинная. Вовик от безделья стал нуден. Светлана переносила его плохо, но от себя не отпускала. Возила часто в сад к родителям, на окраину города – ковырялись молча в земле. Фирму свою прикрыла, рисовать тоже прекратила.

Ленка, разведчица, дюжила, дюжила и призналась Светлане: Вовик, пока ты в Москву ездила, жену прежнюю усердно навещал (Елена с той связью держала). Света, надо отметить, знание попридержала.

К началу лета возникла легкая напряженность. Появился Игорь, Вовик мгновенно разговелся, вновь занялся идеями и начал подруливать к жене. Нужны, мол, деньги, есть верняки. В сложившейся психологии Светлана выкрутиться не смогла и деньги отдала. Правда, не все – придумала, что уже родителям пожертвовала (отец больной, решили купить капитальную дачу подальше от города).

А что-либо в июле появился Румянцев и был лаконичен:

– Поедете в Венгрию, будешь обрабатывать.

В Венгрию приехали поздней осенью.

Под скарб подрулил громадный, западного образца трейлер, но брали с собой немного: одежду, самое необходимое из бытового, все детское. В квартиру въезжали Лариса с семьей, все оставляли на их пользование. Был подписан контракт на три года.

Всю дорогу Артем ликовал, Вовик до границы несносно нервничал и Светлане пришлось вынуть его из-за руля своей легковушки. После нервотрепки на таможне, напротив, приосмирела, напряглась – ландшафт, флора резко изменились, дохнуло чужой страной – а муж расслабился. Артем спал, границу проехали в пять утра.

К полудню все испытывали подъем. Светлана не могла наполнить глаза – ядреная, бугристая осень сочилась красками, запахом прели и прелести, окружающее жило новыми формами, смыслами.

В Будапеште их встречал Румянцев. Трейлер привел машину Светланы к офису, который расположился на набережной Дуная, и ей пришлось укорачивать вспыхнувшее вновь – за сутки пребывания в Венгрии впечатления устоялись – очарование, когда открылась с длинного, высокого моста панорама набережной, просто вынутая с открыток с видами Парижа.

В офисе Румянцев познакомил с шикарным – безукориз-

ненная седина в угольных волосах – забавно говорившим по-русски венгром: «Сердэшно прывеч, товарищ мадам и товарища господин, потому что компания на возраст». Вскоре появился и Федор Палыч. Он вместе с Румянцевым поехал показывать Касьяновым жильё.

Двухкомнатная квартира внушительной площади располагалась в бывшем военном городке, километрах в тридцати от Будапешта. После ухода советских частей из Венгрии многие русские умудрились найти здесь контракты и заключили договора на аренду старого жилища. К слову, половина населения городка (гарнизон, так называли по старинке) работала на небольшом заводике, изготавливающим детали из ферросплавов, владельцем которого и являлась компания. Выгодно, русским меньше платили, да и управлять было проще. Сам завод располагался километрах в двадцати от городка.

Федор Палыч снимал трехкомнатную квартиру в Будапеште. Андрей большую часть времени проводил в Австрии, жил у подруги. В Венгрию наезжал часто и останавливался у Палыча.

Практически вся необходимая мебель в квартире уже стояла. Федор Палыч и Румянцев вели себя просто, помогли выгрузить вещи. Оба были говорливы и светлы. Любопытно, что двое дюжих парней, ехавших с Палычем и Румянцевым – телохранители, надо понимать – к вещам не притронулись. На вечер назначили сбор, полагалось отметить приезд.

Собралось на вечеринку человек пятнадцать: Румянцев, Федор Палыч, шофера, что ехали в трейлере из России, еще двое мужчин, венгры, сотрудники компании и две пары, соседи. За исключением шоферов, все – управление.

Первое слово взял, по обыкновению, Федор Палыч. И дальше какое-то направление выдерживал. Довольно скоро вечеринка очутилась обычной русской пирушкой, с хохотом и гвалтом, добрую долю сюда внесла жена одного из присутствовавших, веселая бабенка, как водится, полноватая, румяная, звонкая. Она и руководила Светланой первое время. На другой день Румянцев повез родственников в Будапешт, показать город. Ничего толком, конечно, не увидели, хоть впечатление получили. К вечеру устали. Приехали домой, обратно покушали вина. Андрей набрался до того, что ночевать остался в городке.

Поутру Вовика увезли в офис. Нина, веселая соседка, отвела Светлану с Артемом в импровизированную школу, большую квартиру о шести комнатах (парнишка попал в класс из семи человек, учителя были квалифицированные, на них не жалели, это еще в России оговорили) и повела показывать местечко, рядом с которым находился городок, сиречь магазины. Собственно, заграничная жизнь началась.

По дороге Нина безудержно щебетала: «Сюда в магазины ходят только за самым необходимым: хлеб, то, сё. Главным образом ездят в супермаркет, километров двенадцать, у всех машины. Дешевле мало, но так завелось... Отношения с вен-

грамми неплохие. Штука странная – прежде, когда войска стояли, наших откровенно не любили – как ушли, презирали... Теперь ничего. Однако мужики по мадьяркам ударяют на полную. Вот Коля и Ян, шофера, что вас из России везли (Ян был поляк, историю его Света еще в пути узнала), почитай вторыми семьями здесь обзавелись... Ну, и между своими происходят истории. К примеру, Михаил, в очках роговых, на вечеринке был... во-от, жена в Россию укатила. Роман у него с одной нашей. Та пока вроде при муже, но так, для виду. Контора пишет. А что ты хочешь, скучно... Ты вот тоже, ну да я не лезу. Хотя, конечно, экстравагантно. Ты красивая. Правда, у Андрея австрийка, пожалуй, похлеще. Шикарная. Я один раз видела. В общем, любопытно, ты уж прости, жизнь скушная».

После экскурсии пришли к Нине. Светлане хотелось домой, так и не добралась до дел, да попечительница настояла пообедать. За полдень домой все-таки попала, однако владела нега. Мягкий, вкрадчивый хмель (оприходовали, разумеется, по парочке) потянул погулять по окрестности – еще давеча приглянулась.

Городок лежал в ложине, вокруг расположились неровные, изящные холмы, покрытые приземистым и частым лесом. Вершину ближнего и пошла Света осваивать. Сперва шла осторожно и бездумно, опасаясь обидеть дождевых червей – их недавно выдавил дождь. Забралось в голову – эти животные не имут национальности. Дальше и выше дорож-

ка подсохла и мысли вместе. В прежний день не достигла, а нынче утром почувствовала, местность наделена особым воздухом, спокойной, доставшейся от зимы прохладой, терпким ароматом коры, прели, уместным шепотом непокоренного пространства. Теперь за полуднем воздух обмяк, разленился. Тонкий прозрачный лес, непривычный из-за отсутствия кустарника, выглядел подозрительным. Краски давали неожиданные контрасты. Аляповатый, небогатый цветом ковер земляных плешин, жухловатой редкой травы и сброшенных листьев упрямо не шел нездоровому, лиловому оттенку стволов (позже узнала, козни кислотных дождей), впрочем, не нарушал общей гармонии, которую довершала рябая листва и усталая блеклость неба. Хотелось шагать. Что и делала, передвигая под собой прочную, старательно изготовленную дорожку, неся отличное чувство изолированности.

«Одна в чужой стране», – так, верно, называлось происходящее сейчас. Здесь умещались и первое очарование пейзажа, и непривычная простота дыхания, и таинство нового. Примечательно, что цепко держалось ощущение безбоязненности, присутствия старых стен.

Выяснилось, дорожка ведет вовсе не к вершине, а пейзаж однообразный, однако просто переступить ногами и дышать крайне приятно. Встретились два мадьяра зрелого возраста с инструментарием. Светлана пронесла мимо непроницаемый облик и безучастный взор, но исподтишка, конечно, исследовала. Мужики беззастенчиво припаялись к предмету

и, лишь миновали, заёкали, горячо обсуждая событие.

На обратном пути лирику опрокинула ошеломляющая мысль, что Артем давно закончил учебу, и один дома чувствует себя, наверняка, отрицательно. Малый действительно сделал нагоняй, чем успокоил маму и вернул парение.

Вечером, по возвращении Вовика долго не терпела, приставала:

– Ну, рассказывай.

– А ничего, скажу тебе, хитрого нет. Практически то же самое, что у нас.

Выпили за первый рабочий день, и Светлана с удовольствием ластилась к мужу.

Через месяц выяснилось, хитрости наличествуют. Федор Палыч в Венгрии все еще возился с Икарусами – он почти постоянно жил здесь. Попутно перепрофилировали заводик. Интенсивно налегали на вино, сюда и совали Вовика.

Вином заниматься считалось делом легким. Могучее лигачевско-горбачевское оздоровление нации было для венгров с их вечнобеременными виноградниками, нацеленными на растление русских, ударом ниже пупка. В отличие от наших возделывателей мадьяры лозу гневить не стали – при виде мало-мальски алчущего они вытягивались в струнку и отыскивали достаточное количество русских слов.

Главная трудность начиналась на многочисленных границах, где страшной колючей проволоки торчали слова таможня, акциз и прочие. Здесь и начиналась работа Вовика, ос-

новным хитростям его научили. Это было чревато долгим отсутствием, чего, особенно сперва, парочке не хотелось, но, понятно, было не до роптания. Любопытно, что Вовану предлагали выбор и согласны были поставить на стезю, связанную с поездками только по Венгрии, однако требовалось знание языка. Мужик, разумеется, вгрызся в науку, но пока пришлось заниматься святым напитком. К месту упомянуть, языком начали заниматься еще дома, Румянцев специально видеокурсы передал.

Уже через неделю после прибытия Вовик уехал и отсутствовал больше декады. Светлана обзавелась стойкой скукой, но не по мужу. Сызнова начала штудировать немецкий, актуальный здесь, мордовала венгерский, гибельно читала (у «роговых очков», участника романа, была приличная библиотека). Изрядное время проводила с Ниной. Та строго поутру переступала порог и одолевала идеей. Главной же задачей, очевидно, являлось беззастенчивое домогательство до сокровенного. Выспрашивала о Румянцеве – он был фигурой популярной. Тот, заметим, появлялся редко.

Вскоре Светлана начала бегать от Нины. Пожалуй, это заставило заняться живописью. Брала мольберт и с утра уходила «в горы». Первое время Нина доставала и здесь, но Светлана начинала нервничать и подруга остыла. Через три дня наша мадам уже тосковала без нее, «скушная жизнь» прочно вошла в бытие.

В первый же приезд Вовика из командировки произошел

некий разговор. Появлению мужа Светлана обрадовалась, тот просто торжествовал. На пафосе и заметил:

– Но какие мы, Светка, дураки. Ведь это Клондайк! Все, оказывается, запросто делается. Надо было сразу соглашаться на Венгрию.

Светлана подняла глаза и рот сжался. Вовик постарался погасить:

– Однако какую я хитрую штуку сляпал...

У Светланы даже руки опустились. Супруг засмеялся и объяснил.

Суть оказалась в следующем. Два трейлера с вином Вовик сопровождал в Тюмень, это считалось наиболее рентабельным. На обратном пути заскочил в Екатеринбург и сумел по своим каналам найти потребителей на тех же условиях. Кроме того, как раз резко подскочили цены на бензин, и жэдэ-транспорт становился выгоднее. Мужчина собрался убедить начальство в другой схеме действий. То есть сокращалось время отсутствия и увеличивалось его участие в иных сделках, стало быть, и маржа.

– На первый взгляд безопасно, но ты бы все-таки умерил творчество, – кисло усомнилась Светлана.

Через пару-тройку месяцев жизнь окончательно устоялась, исчезла тоска. Все так же много общалась с Ниной, подружилась с Михаилом, «роговыми очками». Оказалось занимательным. Инженер на заводе, крупный специалист, в жизни выдался сентиментальным дядей и, если это сой-

дет, идеалистическим мазохистом. Он владел неукротимым свойством видеть в посторонних суперспособности и страдать по поводу собственного ничтожества. Действительно, скорей от скуки жена одного рабочего плюхнула несведущего сорокалетнего мужика в роман, тот до пяток захворал, собственная жена истязания не выдержала и укатила во свояси. Баловница, отделавшись получением от мужа телесных недугов, вернулась на привычную тропинку, наш персонаж носил романтическое отчаяние... Пользуясь библиотекой и обсуждая с Михаилом чтиво и другие жизненные происшествия, Светлана с удовольствием окунулась в несколько нереальное, порой тонкое, даже изысканное мировоззрение.

Важно отметить, Федор Палыч относился к Михаилу лубезно. Не однажды навевался в гости, пару раз на посиделки попадала и чета Касьяновых, Светлана становилась свидетельницей глубоких и красивых бесед, что подтверждало естественный интерес к Палычу. Интерес укрепился и отношением к нему Вовика – восторженному. Все это, однако, были мелочи в сравнении с обнаруженным в себе Светланой сдвигом.

Первое проявление произошло во время очередной командировки Вовика. Автомобиль на этот раз он оставил дома, и Светлана с удовольствием этим пользовалась. Садилась с утра за руль и, когда с Ниной, когда одна, до полудня катила в окружные города, преимущественно, естественно, в Будапешт. Город разглядела... Добавим, отец приучил Светлану

путешествия предварять ознакомлением по книгам. Впервые вкусив этой науки в Одессе и получив из, прямо скажем, простецкого города сказочное впечатление, неукоснительно следовала заповеди. Так же поступила на сей раз и эффект имела. Нину, например, потрясла.

Однажды завершала вояж в знакомом местечке, где кормили фирменно и вкусно. Угодила за стол к элегантной паре, мужчине выгодного возраста и молодушке явно венгерских кровей. И дернул же черт, услышала английскую речь и вставила слово. От прелести вникания в язык, плетения собственных конфигураций забылись предрассудки, вольно разговор зашагал. Уж и переводчица – спутница оказалась ей, обслуживала путешествующего англичанина – без ревности занялась желудком. И надо же, вслед нанесению Светланой радужных узоров на хилое впечатление, полученное англичанином от действительно жалких руин Аквинкума, когда поведала кое-какие страсти о дворце Габсбургов, мистер немедленно пожелал прикоснуться к артефактам основательно и попросил Свету поруководить.

– В этом амплуа я себя еще не наблюдала, но посмотреть любопытно. Часа три уступить могу, – соболезнавала она.

Штатного экскурсовода, тем самым, на время освободили, та обрадовалась и исчезла. Англичанин вел себя галантно, ненавязчиво, и на предложение продолжить знакомство Света согласилась бы, не препятствуй тому как раз ожидаемый приезд Вовика. Самое замечательное в общении были

естественность, раскрепощение и в том духе.

Но пик случился месяца три спустя, когда Светлана подцепила пожилую мадьярскую пару. Это произошло в Секешфехерваре, небольшом городке, который Светлана намылилась посещать, дабы стяжать в одном магазинчике хорошие альбомы иллюстраций живописи и прочие доступности, дешевые здесь и богатого выбора. Должно упомянуть, именно тут тронулась она складывать подборки венгерских художников, движимая не оформившейся идеей.

Поковырившись в ассортименте и кое-что выбрав, время далее употребила на прогулку по аккуратному скверику. Сиял свежий, лирический снежок, окружающее лоснилось, было осязаемым, напористым, воздух студено, хорошо лазал в теле. Его вкусно отражал сигаретный дым.

Проказы для, видно, Высокий всунул в скверик забавную парочку. Женщина неприятного возраста, равнодушная и целеустремленная, и отягощенный сумкой гражданин противоположного поведения. Антипод возмущался, причем на немецком языке – должно быть, так наиболее точно передавалась степень недоразумения.

– Курица, бесхвостый павлин, обезьяна, бездомная кошка, – излагал он, как раз поравнявшись со Светланой. Стало ясно, что перечисленные виды не являются украшением фауны и, может статься, земного шара.

Что вы думаете! Светлана делает строгий взгляд и на немецком же начинает сомневаться в правомерности упоми-

нения этих животных, как отрицательном аналоге. Гражданин, опешив, останавливается. Однако не те ребята, придя в себя, потерпевший начинает добросовестно излагать, что человек, который захотел приготовить гуляш и вместо чабреца пытается использовать имбирь, никаким иным именем кроме курицы пользоваться не может.

– Секундочку, – вразумляет Света, – кто вам сказал, что имбирь плохое растение? Я вас научу из одного имбиря делать такое блюдо, что вы забудете названия всех животных на свете.

Светлана с дядей славно разговорились. Жена блюстителя буквы – равнодушная дама впереди – тоже остановилась, внимала молча, и, кажется, ничьей стороны не держалась. Самое уморительное, нашу прелесть пригласили показать волшебный рецепт. Как вам понравится, она приглашение приняла. Приготовление блюда Светлана сопровождала фундаментальной лекцией – это была сплошная импровизация. Девка вошла в раж и врала столь вдохновенно, что оба дегустатора состояли в полном восторге и радушии. (Впоследствии Светлана не единожды навещала чудесных знакомых.)

Когда возвращалась домой и увидела приключение со стороны, напала смеховая истерика, пришлось остановить автомобиль. Рассказ Вовику предварила так:

– Слушай, надо что-то делать. У меня, похоже, происходят приступы безумия.

А дальше выяснилось, что эти два случая имели суще-

ственные последствия.

Упоминалось, с живописью у Светланы происходили нелады. Не возникало томительных, волнующих сюжетов. То, что заставляла себя завершить, за третьим, пятым взглядом ломалось, крошилось. «Очень прилично», – говорил Вовик. Светлана молча убирала взгляд и думала: «Ну и ладно».

Рассмотрела в себе тоску по Владимиру Ильичу, хоть перед отъездом общались нечасто. Именно после происшествия в Секешфехерваре Светлана поймала ощущение, будто провела время с ним. Дошло, элементарно тоскует по словесным похождениям, по импровизации: англичанин и мадьярская парочка были из этого жанра. Сдается, это чувство – не грех сюда приспособить и вялость в рисовании – постепенно и сотворило затею.

Вообще, началось с желания высказать одно соображение. Разглядывая обильные сборники иллюстраций и каталоги выставок современных венгерских художников, Светлана ясно уловила тенденцию. Это четко оттенило одно старое соображение. Дело состояло в давнем споре с Владимиром Ильичом относительно уральской молодежи. Несгибаемый ревнитель профессионализма, мужик довольно трудно принимал выплеснувшуюся свободно, понятия не имеющую о канонах и зачастую беспомощную живопись. Главные претензии предъявлялись даже не к сюжетам.

– Шут с ними, – тряс он бородой, – ты хоть бога пиши. Только с натуры... Но! Это же писано, если не какано, че-

репом. А рисовать надо существом. Воображение, матушка, инструмент, но не самая натура. Употребляют им, а не его.

Светлане как раз нравилась в современной живописи смелость фантазии, с пылом затевала спорить, благо аргументов отыскивалось множество. Однако Владимир Ильич технично охлаждал, чем обнажал ее ущерб знания, вкуса.

Со временем мадам стала пристальнее, научилась огибать доводы Владимира Ильича и увидела интерес к истокам. Рецепция, физиологические аспекты, уловила территорию, кровь времени, этнос. Мыслишки всколыхнулись, получив дополнительный пих. Захотелось поговорить.

Села писать письмо Владимиру Ильичу. Кропала текст около двух месяцев. Практически каждый день по четыре-пять часов. С упорством. С отчаяньем: бессилие брезжущей мысли – невозможность где-то подтвердить ее. С ликованием от удачно составленной фразы. С ненавистью к озарившей идее, что в прах раздирала так трудно добытую предыдущую. С сознанием безнадежности предприятия, с вдруг из ничего свалившимся вдохновением, азартом. Со счастьем!

Получилось порядочно намарано, и Светлана по завершению долго думала, как подать. Послала результат, подчеркнув непритязательность таким названием: «Соображения скучающей дамы». Сведения о своей жизни сопроводила отдельным местом. Приложила три пейзажа и шикарный шарф – он это любил.

Эти месяцы были, черт возьми, замечательными. И нашелся еще эффект. Труд оказался не единственно средоточием идей, но периодом концентрации определенного тона, который в другие дни как бы консервировался, но не исчезал. На очередной попойке, что затеяли Михаил и Палыч, традиционно уже пригласив Касьяновых, раскрылась, поперла говорить. Резвились мысли, фразы, вымуштрованные недавними стараниями бумаги, соблюдали стройность. Мужики были покорены. В свою очередь индуцированный Федор Палыч оседлал лошадь.

– Теперь прошу покорно в наш апартамент, – расставаясь, возмущался мужчина.

– Покорность обязательна? – кокетничала Света. – Толикой свободы обзавестись позволите?

Вечеринка у Палыча, недели две спустя, не удалась. Присутствовали венгры, служащие компании со своими подругами, вычурная девица Юдит – она будет приставать к Светлане, ибо училась живописи и нашла впечатление от картин, висевших (по настоянию, между прочим, Румянцева) в офисе компании. Атмосфера произошла узкая, товарищ не пила (предстояло ехать обратно за рулем), тонус дремал.

– Я, Света, к вам вот зачем напрашиваюсь, – Федор Палыч всем женщинам выкал, что-то здесь было неудобное. – Хочу подговорить портрет мой соорудить. Домой мечтаю, в семью послать. Вот-де какой я приличный – близкие меня толком не воспринимают.

Тут же сам отвернул разговор:

– Отчего семья не здесь? Я и говорю, сомневаются. Доводилось, знаете, в карты играть. Случалось продувать, а карты и бизнес одно и то же.

Отмечалось уже, он умел щекотать любопытство. Притом лучил нечто тревожное, окутывал холодом. Вовик так обличал:

– Релятивист. Он все сведет к категориям, где жизнь человеческая – понюшка табаку.

О портрете тогда не сговорились, забылось за другим разговором. Света сама и сбила:

– Вы азартный человек.

– Азартный? Я бы так не сказал. Привычка. К прискорбию, сейчас это слово выглядит точней.

Женщина шевельнула бровями:

– Привычка? Человек меняет страну, деятельность, уезжает от семьи.

– Ну, можно и к переменам привыкнуть. Я имел в виду другое. Мотив, тональность. Азарт суть нечто лихое. На деле все спокойней, пустей.

– Тогда мудрость. Отчего же прискорбно? Ее уважают.

– Заблуждение. Мудрость не более чем старость. Уважать старость нелепо, к ней снисходят. Мудрость одним хороша – начинаешь понимать, что жизнь стандартна... – Пытаясь унять серьезный тон, с улыбкой подлтал: – Впрочем, я никогда молодым не был. Говорят, молодость, когда хотят спать

сами или с кем-то, я этим не страдал.

Через месяц после отправки письма Светлану позвали к телефону, звонил Владимир Ильич.

– Светоч (с именем Владимир Ильич варьировал, систематически отмечал козни провидения: художница должна носить исключительно такое имя), я всегда имел в виду, что тебе не удастся улизнуть насовсем, чему рад необыкновенно... Шарфом, конечно, ты меня сразила, чего не стану говорить о пейзажах. Девочка, ты опять корпусом рисовала. Где линия, перспектива, где воздух, наконец? Я требую, чтоб ты три часа простояла в углу...

Голос был удивительно четок и естествен, у Светланы к горлу подступило.

– Но я тебе даже шарф прощаю. Ты умница, ты просто настоящий мужик. Этот письмец от скучающе-чаящей – произведение. Словом, так, я показал измышления народу. Народ заинтересовался. Сейчас ты поговоришь с человеком. Светочка, я тебя безумно люблю, но денежный ресурс на разговор исчерпал и лобызаю на прощанье. А ты мне обязательно пиши, иначе приеду и убью.

Светлана тут же возмутилась:

– Как же так, вы даже голоса моего услышать не хотите, это несправедливо.

– Родная моя, какой голос, что может передать эта бездарная пластмасса, потом я просто боюсь зарыдать. Наконец, имеет место деловой разговор и проклятая формула «время

– деньги». Представляю тебе Иволгина Игоря Николаевича, очень чтимого человека.

В трубке раздался чтимый, хрипловатый голос:

– Да... Володя меня представил, о вас я немало наслышан и даже видел, и пока этим ограничимся. Вот какое дело. То, о чем вы размышляете, пожалуй, имеет ценность, и, я полагаю, может быть предложено широкому вниманию. Но... в общем, Владимир Ильич посоветовал быть откровенным. (Игорь Николаевич кашлянул, не исключено, выразил смехок.) Это я ответственность с себя снимаю. Да... словом, в размышлениях ваших много, извините, банального и даже неверного. Это нормально, нет опыта. Вкратце говоря, чтоб получить нечто, нужно поработать. Вы как отнесетесь к тому, чтоб довести дело до статьи? У меня есть связи в центральных изданиях.

– О чем может быть речь!

– Понимаете, в записках есть добротный материал, но трудно поручиться, что вы готовы довести дело до ума. Э-э... в общем, предлагаю взять меня в соавторы. Буду откровенен, наибольший интерес представляет анализ венгерских дел. Журналы любят заглядывать в чужие закрома, но для статьи не только обзорного, но и аналитического характера ваших наблюдений недостаточно.

– Возникает вопрос, – не польстилась Светлана, – зачем это вам, и зачем мне?

– Ну, во-первых, я должен признать, что вы мне давно

нравитесь. В общем... э-э... в общем, одолен идеей подружиться. Скажете, здесь и надо действовать бескорыстно?! Проблема в том, что технически невозможно просто руководить, придется основное делать самому, и будет несколько неловко... м-м... ну, вы понимаете... Теперь практическое. Выясняется, что ваша фигура некоторым образом совпадает с моей темой и может даже обрести питательные свойства. Но я настаиваю, ваши интересы плотней. Э-э... понимаете, издательства благоволят к эмиссарам. М-м... если вы, разумеется, намерены продолжать занятия подобного рода. Итак?

Сразу после разговора стоял звон, клетки терлись друг о друга. Масштаб удачи Света осознала позже, а пока вновь испытала вкус к живописи. Стала больше рисовать и даже обнаружила в себе кропотливость. Учинила ревизию всему, что наспособила здесь, принялась дорабатывать. Много старалась осмыслить. Правда, самой живописи это мешало порой, но думать нравилось. Явно не хватало собеседника. Начала записывать.

Заметил и Вовик ее воодушевление:

– Ты что-то, мать, помолодела. Похоже, в меня влюбилась?

Человек не удержалась, выдала секрет. Парень поскреб подбородок и резюмировал:

– Уважаю.

Вовик в Венгрии стал внимателен к Светлане необычно-

венно. Он так явно скучал без нее и был по приезде из командировок столь интенсивен, что порой раздражал. Впрочем, и у Светланы возобновились приступы теплоты.

Следует отметить, что отношения к людям у Светланы упростились. Не значит, что были постоянными, но определенными на данный момент. К Вовику – от теплоты до раздражения, к Палычу – от любопытства до негодования. Забавно, самое прочное состоялось к Румянцеву, нечто близкое к надежности.

Стоит, возможно, упомянуть эпизод. Румянцев стал появляться регулярно, забирал Артема, проводил с ним день, два, на рождественские каникулы увез в Австрию. Однажды пировали у Михаила, присутствовал набор, Румянцев в числе, Вовик состоял в отъезде.

Светлана, посидев, ушла спать, сын уже законно дрых. Без сна, но хорошо, надежно лежала. Вдруг обнаружила, ждет стука в дверь. Показалось, что Румянцев должен прийти: ему хочется поговорить, в продолжение вечера интонации мелькнули. Черт возьми, она и сама не прочь, даже юркнуло желание, чтоб мужик повел себя интенсивно... Но зачем? Да чтоб оттолкнуть. Ей богу, ни малейшей тяги к Андрею не наблюдалось... Румянцев не постучал, девушка мирно уснула.

Посмотрела однажды на его подругу. Приключилось на дне рождения у Палыча. Собралось прилично народу и народу приличного – по-совокупности обмывали коммерческую операцию. Прием удался. Поначалу чувствовала себя неуют-

но, шипала Михаила (из гарнизонных Касьяновы и он присутствовали) и претендовала шепотом: «Говори, что делать».

– Пожрать и выпить в первую голову. Народ ушлый и объедят в секунду, – успокаивал тот.

Когда атмосфера набрякла разговорами и начались хождения, Вовик по обыкновению приставал к нужным, а к Светлане подвел плохо причесанного гражданина Федор Палыч.

– Наши кадры, Олег Иванович. Выдающаяся русская художница. Какие люди за нами идут!

Это был депутат госдумы. Подруга Румянцева подошла сама. Светлана ее уже заметила, стройная, породистая, ни малейшего сходства с фото. Руку подала жестом свободным и точным до микрона.

– Мне хотелось вас увидеть. Очаровательный сын, они так хороши с Андреем вдвоем.

Говорили по-немецки. Прежде Светлана не задумывалась, а сейчас стало любопытно, как Румянцев ее подцепил.

– Я видела ваши картины. Это отличается от того, к чему мы привыкли.

Бесспорно Светлана произвела эффект, явно женщин равных ей и подруге Румянцева не нашлось. Ну-да, общность скользкая. Если бы Андрей, как выяснилось, не исчез со спутницей, вечер мог быть испорчен. Дома Вовик сетовал:

– А ты смотрелась. Многие глаз на тебя положили.

– И моя задача?

– Положить на них.

Жизнь тем временем окончательно отторглась от пустоты: письмо, весна. Минуты набухли содержанием.

Ничего не вышло с Юдит. Та настойчиво звонила и соблазнила на встречу, перед которой наше чудо ощутила себя таким резидентом, предвкушала азарт тонкого плетения кружев шпионажа. Юдит в паре с неопрятным, высокомерным юнцом притащила гражданку в забегаловку, якобы эпицентр молодой художественной жизни столицы, где несколько затрапезных чудиков, за купленное Светланой пиво, нагло и неумно, испуганно, похоже, над ней издевались. Разведчица бегло ретировалась, кляня врагов и себя: «Пижонство! Оборзели до потери пульса... Мата Харя!»

Появились новые друзья. К Михаилу воротилась жена с дочерью, она оказалась сердечной и чувствительной. Света вмиг ее полюбила, а к Михаилу прониклась участливым возмущением.

Сошлась с Маргит, подругой одного из шоферов. Коля однажды привел деятельницу к той (Маргит жила у родителей и специализировалась по гарнизонным русским, Коля, кажется, был у нее третий кавалер), – Светлана сама донимала его, хотелось практики в венгерском и общения с местными. Как только переступили порог, мать Маргит, неспособно сидевшая посреди комнаты, начала квели улыбаться, а папа, чистенький дядя в безрукавке, незамедлительно достал ем-

кую колбу со светлым вином и принялся угощать, уставляя Светлане в рот.

За столом новые знакомые снисходительно улыбались, папа затеял политические разговоры, и наша мадам покусилась учить их жить. Начала с гастрономии, далее присовокупила иные области. В довершение хозяйски походила по небольшому дворику, пощупала лозу, критически оглядела коз, свиней, отметила архитектурные изъяны жилища – венгры даже в деревнях, на достаточных пространствах, объемные, двухэтажные в основном дома ставят тесно. Выясняли корни конфуза и унялись замечанием мамыши: «Бог велел в тесноте жить». К интерьеру инспектор кардинальных замечаний не нашла.

Сразу после интервенции сдружились. Не враз Светлана поняла интерес к ней Маргит, хотя все оказалось просто: та случилась неисправимой болтушкой, наша же с вниманием позволяла пользоваться страсть, ибо все было интересно.

Семья Дьердь состояла в местечке на особом положении. Дьердь Лайош (венгры ставят фамилию вперед) располагал популярным на всю округу ремеслом, изготовлением каминных изразцов, и пользовался уважением. Как и положено, был католиком, а вот жена, хорватка, и дочь православными. Церкви посещали разные и кое-какие обряды справляли по-своему. Сказать по-совести, именно экстравагантность Маргит – пристрастие к русским, прыток оказался славянский ген – вызывала определенные взгляды аборигенов.

Из православных соображений Маргит часто ездила в одно обширное селение, там располагалась соответствующая церковь. Посещения только религией не регламентировались, в селении жило много знакомых и, главное, находился боулинг, в котором играть Маргит оказалась большая любительница и мастерица. Приучила наезжать в дислокацию и Светлану с вездесущей Ниной. Одна такая поездка и одалживает наше внимание.

Для полноты конструкции требуется вставить, что Маргит являлась весьма габаритным созданием, – не толстушкой, как Нина, но женщиной, коротко сказать, имеющей формы и плоть. Пришлось на момент, когда Света с Ниной находились в захватывающей фазе сражения в боулинге, а Маргит курила на природе, спокойно разговаривая со знакомым и не подозревая о грядущих коллизиях.

Итак, в окрестности оказался козел, замурзанное бородастое существо без признаков определенных занятий (впоследствии так и не выяснили принадлежность животного). Товарищ долго стоял в сторонке и пристально вглядывался в силуэт Маргит, которая очутилась к твари ровно спиной. Что разглядело животное в подобной позе женщины, навсегда останется во мраке, только вдруг оно не без форса фыркнуло и взяло старт. Через мгновение острые рога вонзились в дивные окорока нашей приятельницы. Маргит, звонко взвизгнув, прыгнула на мужчину, который, отдадим должное, устоял и даже поместил тело в объятия. Самое по-

разительное, что пока Маргит освобождалась от рук мужчины и разворачивалась в ужасе, козел спокойнехонько отступил на несколько шагов, затем воззрился в объект, видно, оценивая работу, и, сделав оборот, величественно потрусил прочь.

Света ничего этого не видела, ибо существовала в спортивном раже. От шара ее заставил оторваться перепуганный возглас Нины:

– Мама, убили!

Светлана резко оглянулась и увидела следующее. В дверях, в хлопьях лишнего источника света стояла Маргит. Она приподняла одной рукой юбку, присогнула колени и демонстрировала совершенно голый зад. Второй рукой прижала к левой ягодице какие-то тряпки и не давала тем самым распространиться обильно вытекающей из раны крови. Нечего и говорить, что все обитатели заведения, где-то человек семь, сгрудились подле экспоната. При этом потерпевшая имела чрезвычайно гордый вид, нарушаемый изредка искривлением губ.

Естественно, посыпались советы хирургического свойства и предложения пособничества в укрощении неудобств: один мужчина вызвался подержать в задранном состоянии юбку, ибо самой Маргит это делать было несподручно, другой содрал футболку и заменил набрякшие кровью колготки. Света послала Нину за аптечкой в автомобиль.

Надо признать, кровь остановили безволоконно. Разуме-

ется, к этому времени еще и соседний бар переместился сюда и плотным кольцом окружал тело. Мужчина, который придерживал юбку, всем естественным образом давал понять, что порвет горло любому за посягательство на заботу. Светлана возилась с раной. Остальным, собственно, делать было нечего.

Искали доктора, его не оказалось дома. Маргит стояла – сидеть, понятно, ее не пускали – и демонстрировала всем обликом несправедливость жизни. Она стоически переносила удар жребия, поминутно согревая ход событий возгласом: «Нет, вы только подумайте». Впрочем, от остальных присутствовал поток советов, резолюций.

– Без шрама не обойтись.

– На такой роскоши за прыщик сойдет.

– Лишь бы седалищный нерв не потратить.

– Не гневи господ, откуда здесь седалищный нерв?

– Не скажи, у женщин это место очень нервное.

Дружно осудили фауну. Некто признал у козла вкус (напомним, Маргит располагала конфигурацией). Живой всплеск вызвала реплика, будто зверь доводился совсем не козлом, а козой. Возмущение Маргит приняло степень исчезновения дара речи. Кто-то пощадил пострадавшую, пообещав, что все-таки случился козел («рога выдают, у мужика внушительней»), компетентно сообщил сердобольный – козу, согласитесь, освоить не каждому по силам. Снова попеняли на бесхозность, послышалось замечание о насущности смены руководства колхоза. Мелькнули сюрреалистиче-

ские заявки:

– Хорошо бы для следствия снимки сделать.

Раздалось предложение опустить юбку, но его без колебаний отклонили – рану тревожить нельзя ни под каким укропом. Кроме того, народ еще подходил. Как бы то ни было, появился доктор, Маргит увезли штопать рану. У населения трюк нашел самый горячий отклик.

Артемка на лето отправился на родину, Светлана изнывала от безделья и неведения, готовую статью обещали переслать с оказией и таковой не наблюдалось. Все настойчивей свербело желание позвонить Игорю Николаевичу самой, нужен был предлог. Предлогом явилась полная невозможность придумать таковой – с этим, конечно, нужно было что-то делать. Набрала номер.

– Господи, вот подарок, – обрадовался тот. – Когда вас ждать?

– К середине лета.

– Прекрасно. В июне статья выходит, как раз к вашему приезду.

Света пустилась было мямлить заготовки, но Иволгин пресек:

– Поговорим, разумеется! Я теперь вас не выпущу... Журнал заинтересовался. Жду вас с мыслями, заметками, жду кровно... – И от живописи разговор отворотил.

Света стала ждать июля. К поездке отупела. Лень было во-

рошить набравшееся, вообще заниматься чем-либо. Правда, сопутствовало и лето: выпало ражим, злым. Солнце подолгу застревало в зените, валилась с небес горькая жара. Пахло горячей землей. Дни и ночи стояли ровные, по ГОСТу. Иногда в ногах занимался зуд, хотелось ими сучить, как привязанному человеку. Словом, манило в Россию.

Родина благодетельствовала. На второй день после приезда понесло к Владимиру Ильичу. Тот осыпал междометиями, подверг объятиям. Стонал от презента, отложил подарочные картины Светы – «с этим потом повожусь» – зашаркал в другую комнату.

– Вот, – протянул журнал, – ты становишься путёвым человеком.

Она кинулась шелестеть страницами, но Владимир Ильич издание отнял.

– Это после, с оттягом пожуешь.

Минутой позже объявил:

– А что мы здесь делаем? Погоди-ка... – Исчез, хлопнув дверью.

Обратно вернулся с такими словами:

– Нас ждут.

– Игорь Николаевич?

– Я никогда не сомневался в твоей проницательности.

Оказалось, Иволгин Светлане знаком. Видный товарищок на пятом десятке внушительной фактуры. Ерзало впечатление о лихом, но потрепанном потенциале – несомненный

знаток женщин. Смотрелись глаза, переполненные лукавым, если не ядовитым взглядом, которые сильно оживляли вяловатое, потрескавшееся лицо. Совсем симпатичной была привычка трогать языком угол рта.

– Мы инцидент-то обмоем, – возликовал низкой октавой, раскачиваясь на каблуках и носках и щурясь от дыма. Ринулся наделять двух дам и мужчину, уже присутствующих, поручениями. Совершенно к месту залоснились на стене медные пятна от наклонившегося солнца, и тонкая занавеска шафранно засветилась.

Посиделка понравилась – много спорили, как следует дожимали. Прямо говорили: «Статья цепкая, бумагу не портит». Домой Светлана добралась поздно и сразу взялась за журнал. Обмерла. Практически ничего собственного в статье не осталось. Она тут же кинулась к телефону.

– Что происходит, Игорь Николаевич! – возмущению не хватало объема.

Иволгин обрадовался: «И прекрасно, и чудно, что вы сами позвонили. Мы ж забыли условиться. Как раз завтра... так, так, так... скажем, в полдень я вас жду у себя».

– Вы вот что, голубушка, – сразу убил при встрече, – готовьтесь ехать в Москву. Возражений я слышать не собираюсь, вот берушки в ушах.

– Предпочитаю Гондурас! – осердилась Светлана. – Перестаньте так со мной себя держать, я не матрешка. Говорите покуда целы со мной вразумительно.

– А вот они лапки – наверху, – смеялся Иволгин. – Славная моя, все делается по... фэ-э... законам нужности. Вам глянулась статья?

– Да, но причем здесь я?

– Притом, что если б не вы, статьи вообще не было. Притом, что нам заказан цикл статей, и теперь, душа моя, вся работа практически ляжет на вас.

– Цикл статей? – пролепетала Светлана.

– Именно цикл. Самый что ни есть натуральный, – Игорь Николаевич поднял палец вверх. – Я бы даже сказал, отъявленный цикл.

Света тронулась рядиться: она теперь видит, ее хватит от силы на абзац, о цикле, даже самом отъявленном, надо забыть.

– Милая, – соболезновал Игорь Николаевич, – то, что вы уже нарыли, хватит на полтора цикла.

– Вы же сами говорили, из моих измышлений даже статью нельзя сделать.

– Говорил, каюсь, – Иволгин виновато и смешно сморщился. – Ах, Светочка, сколько мы в жизни слов тратим попусту, какие чувства убиваем. Между тем на гробовой доске истины высечено: «Слово сказанное есть ложь!» – Улыбнулся. – Впрочем, это тоже ложь.

Светлана смеялась:

– Серьезно, что я могу сказать в Москве.

– В столице, воля ваша, вы будете слушать.

В престольную гражданка попала через месяц после отдыха на Черном. Дурным хохотом смеялась, вспоминая пращину: впихивала в себя книжную муру, тужилась – ради чего. Между тем какие женщины-несоперницы округ терзали овалами, какие оведали субтропические дуновения. Что уж говорить про этих – что лапали взглядами.

В редакции взъерошенный человек деловито поздоровался с Иволгиным и долго не мог въехать, о чем стоит речь. Внезапно ожил:

– А-а! Без сомнения, надо продолжать. – Радостно хлопал по лежащим на столе кипам. – Вот – бронь.

– Это она и есть, наша надежда, – указывал ладонями на Светлану попечитель.

– Прекрасно, прекрасно, – бормотал редактор.

Леденило. Однако в коридоре встретили мужчину, который после рекомендации Иволгина отнесся сердечно. При расставании возникла такая фраза:

– Ну так что, до вечера, у Наума?

Вечером у Наума Антоновича – убоговолосый, преклонного возраста тщедушный дядя, характерный кустистыми, неприбранными бровями – Светлана первым делом была ошарашена содержанием чертогов, архаичных, вязких. В глаза перла дорогушая, отстоянная временем живопись. Первый вопрос, который здесь возникал, «сколько же все это может стоить?» Наум Антонович надолго приложился к руке женщины – возил губами, терся носом, трепал рукой.

– Просто уважили, облагодетельствовали насмерть, всемерно окрылен...

Ни пуха сомнения не оставалось, что товарищ вовлечена в загадочную заварушку. Стол («Вот и отобедаем. В приятном собрании организм поет») был накрыт на четверых. Сервирован по разряду Свете только по кино знакомому. Желудок у девушки действительно запел, но песню заунывную. Прислуживал чопорный гражданин где-нибудь депутатского облика. И отчего-то, как только вздохнул под женщиной витой, прилежный стул, слизнуло напрочь настороженность выпавшим соображением, уж если и умудрят эти люди пакость, то ароматную.

Владел разговором Сергей Алексеевич – это с ним познакомились в коридоре редакции – политические темы тревожил. Наум вставил:

– Мы и пощупаем нашу милую гостью. Как вы распорядитесь вашими ощущениями на сей предмет, имея взгляд практический?

– Рыба вкусная, теперь убеждена, – отвечала дама. – На счет прочего, я человек, как вы заметили, практический.

– А?! – праздничал Наум Антонович. – Я же говорил, вы такого зверя еще не пробовали. Литовский рецепт. Заметьте, со страшной родословной.

Вечер был выдержан. Наконец за кофе, пыхтя сигарой, Наум Антонович ограничил обиняки, обращаясь к Светлане:

– Естественно, речь отнюдь не о пустяках. Те хороводы,

что водил давеча Игорь, выразить пристало следующим образом. Мы делаем вам имя путем ряда публикаций. Становитесь специалистом по Венгрии. Далее, опираясь на ваши рекомендации, здесь в России в определенных кругах начинается сбыт западной, в частности, венгерской живописи. Рынок обнажается благодатнейший.

– Я вынуждена понимать так, что меня хотят ввести в игру, имя которой шулерство. За что такое презрение?

– Презрение, шулерство? Помилуйте, вот уж не ожидал. Давайте разберемся, что все-таки вас смущает?

– Разумеется, присутствие имени. Как я понимаю, вы хотите продавать некачественный товар, ставя на него определенный ярлык.

– Трезво. Несомненно, неприятный момент, и давайте сразу с ним покончим... Вопрос. У вас есть имя?

Светлана отрицательно сделала головой.

– Правильно, вам имя делают. В принципе, можете и не затруднять себя дальше. Хотя это нежелательно.

– Ну хорошо, – не сдавалась Света, – подставное лицо, марионетка.

– Звучно, – кхекнул Наум Антонович, – но мимо. Довод: вам делают имя, а вы уходите от нас и... пользуетесь. Мы рискуем, вы – нет... Теперь насчет некачественного товара. В сущности говоря, если поладим с этим, то остальное отпадет... – Мазнул языком губы. – Понятно, что специфика живописи с точки зрения цены – тираж. Творение художника

уникально. Однако... – Вьелся взглядом. – Да что канитель вить, пришла фотография и чудесно исполняет роль запечатления. Ну да, да, – разве не пылко пресек Наум Антонович естественное желание Светы возразить, рождение которого она обозначила взлетом бровей, – фантазия, игра образов, черный квадрат, который суть манифест воображению в противовес изображению. Все верно. Но... В отличие от литературы, скажем, и кино здесь нет движения. Есть сходное с музыкой – возбуждаются физиологические величины. Сюжет, колорит, пропорции осваиваются опосредствованно... – Уставился в женщину. – Следовательно, чтобы оставить живопись на уровне искусства, понадобился механизм, который и создает разность потенциалов для воображения. Этот механизм, сударыня – вранье-с.

Сударыня молчала. Вития воспользовался:

– Один наш общий знакомый нередко твердит такую фразу: «Не боги горшки обжигают, но среди обжигающих есть боги».

Взгляд Светланы метнулся к Иволгину и обратно, искреннее удивление звучало в голосе:

– Вы знакомы с Владимиром Ильичом?

– Я с ним, голубушка, изрядно знаком. Наш выбор очень не случаен. – Наум Антонович глубоко и постепенно моргнул. – Полагаю, высказывание это к живописи теснится как нельзя плотно. Только богами здесь числю не людей, делающих картины, а... создающих им стоимост, маршанов. Ко-

гда на аукционе покупают вещь, к примеру, за миллион, это не говорит, что она того заслуживает. Это означает, что ей присваивают цену. И среди прочего тут используют искусствоведение. «Микеланджело сделал критик, и, может быть, апостол Петр основательней, чем Христос». Вспомните Амбруаза Воллара, с него началось искусство как товар. Старый мастер стоит дорого, поскольку о нем сказано больше, но все не оттого, что произведения и сказанное качественны. По большому счету теперь выпускник художественного училища может сделать равно, что столетия назад грамотей с академией. Как известно, о вкусах не спорят, их навязывают.

Вдруг Наум Антонович подался к Светлане и пламенно произнес:

– Послушайте, милая, неужели вам не хочется пощекотать амбиции претенциозных хамов! Вы видите в этом некачественное?

Света была растеряна. Вымолвила из женского вздора:

– Понимаете, сама по себе фикция, ложь...

Наум Антонович оперативно перебил, сопутствуя полным искренности, тем забавным, жестом недоумения:

– Полно, кому нужна правда? Вспомните, нет истин, есть слова и чувства... Впрочем, и правдивцу она нужна, чтобы нашлось что продать.

Ведомая привередливостью, Светлана запустила:

– Вот-вот – продать. Так хамов щекотать или все-таки деньги?

– Продать – это не только деньги.

Гостья упрямылась:

– Вы прячетесь. Да признайтесь – всякий чтит деньги.

– Именно. Деньги, сказано, и дурак любит. Не хочу уподобляться.

– То есть вы не любите! – Светлана, сколь могла, изобразила сарказм.

– Нет – я их желаю.

Ничуть не скрывая раздражения, Наум Антонович задымил сигарой. Напомнил субординацию, утвердив нарочито издевательски: «Оставим, мон плезир!»

После мгновения молчания вернулся в прежнюю интонацию:

– И в довершение. В нашей дружбе предусматривается еще один аспект. Ваше имя, мы надеемся, сумеет поработать в обратном направлении, в самой Венгрии. Будет голое творчество, дадим только опорные точки. Где же тут марионетка? Даже не представляете, какая вы для нас находка. – Окончательно ставя особу на место, добавил безжалостно: – Уже и то удача, что вы из провинции.

Светлана не сумела достойно принять поражение и пролепетала неуверенно:

– Я-то вас как удачу рассматривать, положим, не стану. Побаиваюсь, знаете, удач – не ведаешь, как потом за них расплачиваться.

Наум Антонович откинулся на спинку кресла, шмальнул

залп дыма.

– И напрасно, голубушка. Смело говоря, Зевс на Олимпе законов – закон равенства. Светлая полоса – черная, бог – дьявол. Нужны движение и вектор, без этого хаос... В человеческих отношениях импульс движения суть неравенство. Один неважный, другой красивый, третий больной, там женщина – это создает стремление, направление. А вот равенством здесь и является случай, удача.

Вовик задохнулся от восторга.

– Но как я был прав! Ты помнишь, что я говорил?

На ближайшее время снабдили литературой, и Светлана принялась за освоение как следует, однако обнаружила, что нового открывает негусто, имеющиеся знания вполне основательны. Впрочем, к особой пристальности ее не понуждали, Игорь Николаевич выразился так:

– Вы, милочка, питайтесь удовольствиями, на кой вам в ширпотребе ковыряться. Не переадайте только, от вас должный вид потребуется.

Планировалось выпустить за год три статьи – это должно создать звук – и к будущей осени организовать выход к потребителю. Товар, атрибутика уже будут приготовлены. Сперва Света к данности относилась с легкомыслием, пока на некоторые косвенные замечания Иволгина и Владимира Ильича не вынулось подозрение, что тут допустима афера отчаянного разряда – фабрикация картин. Гражданка пере-

пугалась и устроила скандал. Игорь Николаевич на это учинил хлопанье руками по ляжкам и верещал:

– Это какое же мнение о нас вы составили!

Из вежливости Света почувствовала себя виноватой, но далее – сцена произошла перед самым отъездом – покрывалась сомнениями. Основанием здесь было неучастие ее в добыче товара. Уговорила себя за год ситуацию прояснить. Кстати, Вовик так и просто сделал предложение самой что-нибудь слепить «а ля мадьяр».

– Кому как не тебе карты в руки, – озарился он, на что наша краля возмутилась: «Перестаньте совать ваши карты! Кругом игроки, шулера».

Тем временем общие дела пошатнулись. На этот раз вело Вовика. Поездив по европейским просторам, узрев, какие это возможности, парень затосковал. Отсутствие свободы корежило предпринимательскую душу. К прочему выявился в Австрии старый приятель, года три назад капитально туда перебравшийся, обложенный на лихо человеку с головы до ступней самыми невообразимыми предложениями. Вовик находился в перманентном состоянии раздрая.

Он постоянно нудил на тему кабалы. Свете это было глубоко понятно и почти безразлично. Ее совершенно перестало интересовать постороннее, не иначе Вовик сам и, тем более, компания. А там спотыкалось.

Заводик лег на австрийскую дотацию. Отрасль, которой

занимался лично Румянцев, держалась на непонятных Вовику вливаниях. Андрей и правда делал мало, его появления в Венгрии носили разве не отягчающий характер. Он обладал непонятной властью, оттого Вовику стал окончательно невыносим. «Гад первой статьи», – цедил невольник сквозь зубы. Еще пуще страшился Палыча – восхищение постепенно сползло – и возрастало внутреннее сопротивление этим людям.

Однажды его прорвало, произошло недалеко от Рождества. Приехал к Михаилу Федор Палыч и кликнули Касьяновых. Попили было обыкновенно, да градусами продырявленный потек Вовик, затеял излагать значенные претензии на Румянцева. Претендовал неаккуратно, вздорно. Осердил Палыча. Тот взъярился, изрекал с блатными интонациями, жестами:

– Ты, заморыш! Голос в потный носок засунь! Если б не Румянцев, ты бы в помойной яме гнил, и не вякай больше ни в этой жизни, ни в загробной!

Вспышка была страшной, выперло черное, жуткое лицо. Федор Палыч себя быстро осадил, принялся извиняться перед Светой; выправил разговор, шутил, вел себя исправно, но от тяжелого не избавил. Вовик сник, стал тихим, затаенным и неприятным. Света его не жалела. И впрямь, выходка, еще с таким финалом, выглядела дико и грязно.

Вышла вторая статья. До того Игорь Николаевич звонил, докладывал всякие пустяки – леской играл. Сразу после ста-

тьи Света потребовала, чтоб взяли хоть одну ее фразу: «Это становится просто издевательством». Однако с ней поступили, как было сказано, благородно, окунули в дело, дали адрес своего человека в Будапеште. «Вас ждут», – осведомил Иволгин.

Резидент оказался беспокойным русским в возрасте (это уже начинало надоедать), решившим, что говорить со Светой удобней на смеси русского и венгерского. Выяснилось, что здесь живет давно. Он и точно ждал, но без радости, и поначалу вызвал у женщины недоверие, ибо обладал мещанскими манерами, отсутствием претенциозности, что не показатель для людей близких к живописи. Однако в дела ввел, и ровно от встречи с ним Светлана резко зажила.

– Можете звать меня Пал, – объявил Павел Игнатьевич при встрече и снабдил чашкой кофе.

На следующий день «Паша» повел подручную в некую студию. Как и в России, все было распахнуто, обозримо и Света сию минуту почувствовала себя в привычном рассоле. Чрезвычайно волосатый хозяин немедленно извлек бутылку вина (Свету уже останавливали под хмельком и строгости не учинили) и хорошо пообщались. С того дня она начала ездить в Будапешт практически каждый день, даже если никаких мероприятий, связанных с живописью не предвиделось. Ездила, как на работу. Нередко просто так сидела в офисе компании.

Вхождение в среду оказалось приятно пресноватым, по-

сколькx общалась с определенным слоем – профессионалами, не обремененными почетом. Ей везде были открыты, респектабельный вид и аттестация, сделанная Пашей, надежно работали:

– Заметный искусствовед, автор шумных статей, очень интересуется. Обратите внимание, русские начали любопытствовать. Есть заделы относительно экспозиции, поговаривают о галерее.

Света на первых местах делала поправки, но умеренные.

– Да, что-нибудь к лету планируются шаги, – присовокупляла она.

Образовались приятельские отношения, один симпатичный тандем, мужа с женой, возила к себе показать личное. «Нет, тут на профессиональное замашек нет, но представление об уральской живописи получить можно». В целом все выглядело как в России – те же разговоры, манеры. «Живопись – это стиль жизни», – вспоминался Владимир Ильич. Начала задумываться относительно «обратного направления».

Светлана разглядела себя протиснутой волей обстоятельств в нехилый круг и расположившейся здесь комфортно. Окончательно перестали томить окаянность житейского моря и уютное оснащение плавучими средствами. Наблюдалась готовность к исключительно самостоятельным движениям. Забравшееся под кожу еще в отрочестве напутствие «получится», нет-нет и звучало в извивающемся существовании.

Не обрывала Света и старые привязанности, уместно воспроизвести один случай, который сподобила Маргит.

Уже упоминалось, что товарищ являлась гражданкой набожной, но своеобразного пошиба. Если религия строга к пикантным проявлениям плоти, то Маргит в этом русле канонам не следовала: падка, извините, случилась на ниву сладострастия. Компенсировалась девушка, блюдя исправное покаяние. После этих акций Маргит становилась покойна, светла и молодела неумоно. Глядя на подругу, и Светлана разжилась дурной идеей подвергнуть себя обряду.

– Слушай, Марго, – пристала однажды, – а как бы мне подсуетиться.

– Пожалуйста, – благодетельствовала Маргит, – если есть в чем исповедаться.

– Найдем, – обнадежила наша. – Только я ведь не прихожанка.

– Мы не католики, у нас строгостей нет. (Света уже установила, тут была важная причина духовного выбора Маргит.)

Через некоторое время подруга повезла ее на исповедь. Ничего примечательного в обряде не оказалось. Ни сама церквушка – она не шла ни в какое сравнение с католическими соборами – ни клетушка, куда поместили Свету, на торжественность не претендовали и к откровениям не располагали. После исповеди даже в зеркало смотреться не стала: об омоложении и прочем разговаривать не приходилось.

Однако продолжение имелось. Приехали как-то в селение пошвырять шары. Во время игры пошла в бар, пить хотелось. Села за столик. Подошел мужчина. Света вскинула голову, это был священник, которому она исповедовалась, но в мирском, хоть и со скромненькой панагией.

– Я могу с вами поговорить? – попросил он.

Женщина указала на стул рядом.

– Пойдемте в библиотеку, здесь я неволен находиться.

Поговорили о незначительном, священник в основном приглашал почаще посещать богоугодное заведение. Но в конце...

– Вы знаете, нам положено разбираться в людях, – сказал посредник, – и я вижу, что вы светлый человек. Рекомендую вернуться на родину.

Свету ужалило, вскинула глаза вопросительно. Священник объяснил:

– Люди, с которыми вы связаны, они... – он замолчал, явно подбирая слово, – они опасные, не дадут жить как нужно.

Вслед разговору поволокла Маргошу домой, плясала славная жуть. В машине произвела допрос: кого еще возила на исповедь?

– Николай, – испугалась Маргит. Подумав, добавила: – Кажется, ваши еще некоторые были.

– Узнай, – приказала Светлана.

На традиционном фуршете в день рождения Палыча

Светлана была вне конкуренции. Ясно видела, что события прошедшего года, наделив раскованностью и, может, ловкостью, подвинули к состоянию, которое пусть отчасти совпадает с понятием совершенство. Румянцев присутствовал, постоянно исчезал, но и он высказался:

– Признаю, наш разрыв тебе к лицу.

Федор Палыч завел такой разговор:

– Ровно год назад я излагал просьбу позаниматься моим портретом. В сущности, ты (Света настояла на таком обращении) разлучаешь меня с семьей. Если помнишь, я на портрет возлагал надежды.

– Я не против, у меня масса времени, – не раздумывала Света.

Взялась за портрет. При этом начали происходить странные вещи: принялась делать длинные монологи, запускала ернический тон. Говорила, например:

– Я должна предупредить, что вы идете на риск. У меня теперь неустойчивый период и в рисовании это выразилось тягой к символизму. А материя тут коварная. Скажем, Пикассо в такие периоды писал жену, но выходило нечто ослиное. Я, понятно, на такой размах не рассчитываю, однако есть и более скромные образы.

Было очевидно, робела. Когда портрет закончила и показала, Палыч сообщил:

– Я специально выдерживал, чтоб дать закончить портрет, а теперь освобожусь. Вынужден признаться, что... ну... я к

тебе неравнодушен. – Засуетился, оправдывался: – Ты мне как раз не нравишься. Потому что влюбился. Организм, разумеешь ли, еще живой – такого подвоха я не предвидел.

Умом Светлана этого никак не ожидала, но ведь нечто заставляло делать всякие штучки! Встрепенулось тело, что там говорить.

На запрос ответила, но не грех обрисовать детали. В момент произнесения Палычем слов гражданка сидела на диване. За последним звуком сию минуту встала. Взгляд был соединен с окном. Следуя ему, двинулась вперед. Подле окна остановилась. На фоне правильного светового пятна обозначился напряженный силуэт. Рука медленно поднялась, тронула ткань сперва легко, потом смяла безвольную занавеску. Женщина развернулась.

– Что тут сказать? Вряд ли смогу ответить взаимностью. Мне остается, выходит, попытаться вас в себе разочаровать... Следовательно, если хотите переспать, я согласна.

Кино, словом. Федор Палыч, следуя жанру, сыграл желваками и подошел к мольберту. Поделился:

– Нда. А вот на портрете, в противоположность прототипу, и вправду осла не различить.

Далее сухо попрощался, и Светлана ушла.

В те дни легли ядреные снега. Запах, другое дело, был не зимний, но думалось о России. Женщина неделю просидела в гарнизоне. Беспробудно и благонравно гуляла. Очень приятно было хрупать, проваливаясь, бугристым настом, отря-

хивать с кустов прохладный, тяжелый хлопок – ветки выскользывают из-под него, долго качались. Небо было грифельным, дома немытые, окна жемчужные, туда не хотелось.

Приехав наконец в Будапешт далеко за полдень, вошла в офис и нагло смотрела на Палыча. Тот был равномерен и взгляд отнюдь не прятал. Обратная стала периодически посещать. Через неделю, Вовик был в отъезде, он что-то Свете рассказывал, затем постно произнес:

– Кстати – все откладывается сказать. Пытался доморощенными способами в тебе разочароваться – не получилось. Придется уступить твоему предложению.

В постели человек был умел и неинтересен. Вероятно, действительно влюблен – вдруг начинал говорить идиотские слова – это не шло ему. Если бы не что-то неизбежно страшное, выглядел, пожалуй, жалко. Света видела, ведет ее нечто непонятное и, несомненно, гадкое. Оно представлялось радужным, будто масляные пятна на поверхности воды, влекущим.

Свидания устраивали раз-два в неделю (при отсутствии Вовика), однажды Света поинтересовалась:

– Я слышала, ты наркоман.

– Был, теперь нет. Хотя пользуюсь порой... Андрей рассказал?

– Хочу попробовать.

– Отчего же, это даже хорошо, – прогугнил Федор Палыч.

Дал кокаину и вышла ерунда – смех. Больной, без удо-

вольствия. Если что и понравилось – собственная отчаянность.

Тем временем пошли настоящие дела. В России вышли почти одновременно еще две статьи в разных изданиях. В них произносились и обыгрывались конкретные венгерские фигуры. Агрегат фыркнул. Любопытно, что Света распознала свои мысли, но из упомянутых имен только слышала одно. Побежала к Паше, сунула журналы, тот полистал и пожал плечами. Женщина сделала стойку.

– Господин Иволгин, – напористо сказала в трубку, – вы очень ловко угадали мою темную душу и сделали мэнэ мавром, но как человек мнительный и капризный, нагло допускающий о себе немалое мнение, я имею к вам слова...

После оправдательных завитков абонента высказала суть: – Вздорность моя вот в каком наклоне. Вы опрометчиво допустили позаниматься отсебятиной, и я довольно резво взялась за дело. Вхождение в общество, уверяю, приобрела. Представьте себе, Павел Игнатич рекомендует меня весьма зычно и ведет довольно толстый разговор о выставках и прочем. Я по беспролазной глупости, сделав лицо, пардон, сковородкой, начинаю и авансы давать! Тем более что есть действительно приличные ребята. И что же! Вы полагаете, последние две писульки до народа не дойдут? Какие-то таинственные имена, я слыхом не слыхивала. Меня же обязательно спросят!

– А вы ничего не бойтесь, – сипло артачился Иволгин. – Это даже великолепно, что они неизвестны. Историю этих имен я сейчас расскажу, вы так ее и излагайте. Это даже делает вам реноме тщательного изыскателя. Шерше ля фиг, любит говорить наш благодетель.

И Света рванула. Залихватская повесть, поведенная наставником, выявила метод. Приоритет отдавался личности, судьбе, а не мастерству. Светлана начала доставать своих подопечных относительно подноготной. Выяснилось, что это крайне увлекательно. Оказалось, особи прекрасно ориентируются в приоритетах и с удовольствием демонстрируют изнанки. Обнаружилось, что, скажем так, интервью приятно пропитываются чреватými штучками. Наконец выяснилось, что оные занятия, противно вниканию в чистый предмет, дают простор жадному воображению.

За пару месяцев Светлана изготовила несколько чудных, как ей казалось, сочинений. Она беззастенчиво придумывала характеры, вплетая их в канву изобретенной же, порой нечаянно приبلудившейся идеи, прилепленной к творческому стилю фигуранта. Все истории казались совершенными, и с тщательно подобранными иллюстрациями виделись сочинительнице законченными и впечатляющими. «Искусство – это профессиональная ложь, ложь непрофессиональная – дилетантство», – маячила сентенция Владимира Ильича. Под профессионализмом в своих кунштюках Света разумела всякие искусствоведческие нашлепки, ничуть не

стесняясь передергивать.

Пересылать творения не стала – недолго оставалось до отпуски – постановила за содеянное биться. «Я вам покажу ширмачка! – распалая себя. – Постромки-то отщелкаю! Костями лягу, а ни единого имени не уступлю, ни запятой. Я вам такое искусство наворочу...»

Период был замечательным: насыщенным, творческим. В организме Светланы постоянно озонировал привкус торжества и нетерпение. Они жирно подчеркивались затяжной, слишком обусловленной весной, под которой сидела Европа, поразительно неотличимыми солнцами и небами, ежедневно попирающими планету, отвратительной аккуратностью дорог и местностей. Красиво-мерзкой отчаянностью, в которую окунулась наш персонаж.

Довершающую лепту вносил в нетерпение Артем. Пацан заболел ностальгическим неврозом.

Все началось с сугубо ребяческих дел. Отношения между русскими и венгерскими детьми повторяли отношения взрослых. В целом местная ребятня проявляла к русским снисхождение и интерес, но когда доходило до личного, хозяйские амбиции выпячивались. Иринка, дочь Михаила, пятнадцатилетняя миловидная девица, до размолвки родителей и отъезда в Россию дружила с местным мальчиком. После полугодовой отлучки парень бог весть отчего разонравился, Ирина перестала согласоваться со статусом. Мальчик такого хамства спокойно перенести не смог и начал доста-

вать всю лимиту. В ход пошли оскорбления, угрозы и прямое рукоприкладство. Более месяца гарнизон находился в осаде. Артем проявился зайцем: школа, улица, Венгрия превратились в кошмар. Самое печальное, что взрослые ничего не могли сделать, венгерская детвора их враждебно игнорировала.

Румянцев как раз продолжительно отсутствовал, тогда вмешался Федор Палыч. Он приехал с венграми из фирмы и своими молодчиками. Что посулил неведомо, но местные стали как шелковые. Однако пережитый Артемом страх прочно пропитал воздух страны, парень скулил о России.

И последний штришок, капля семиведерная, бревно – срам, дурная, оголтелая выходка.

Однажды на свидании приспичило Светлане вкусненького, бросила лениво:

– У тебя сладкое есть? Что-то вдруг поманило.

Федор Палыч пожал плечами, пошел смотреть. Вернулся:

– Нет, я сам не охочь. Сгонять?

– Не надо.

Не надо и не надо... Однако скоро Федор Палыч подивился:

– Слушай, а мне и самому захотелось, схожу.

Вскоре бормотнул звонок. Светлана в халате отворила дверь. За ней стоял Румянцев. Екнуло, но тут же отпустило. Не удивился и тот.

– Дома? – кивнул в глубину.

– Проходи, сейчас придет, – спокойно (даже понравилось) пригласила она.

Федор Палыч Андрея, вернувшись, не смутился ни на долю, заметил:

– Как чувствовали, что ты придешь, за сладким сбегал.

Попили кофе, мужчины что-то обсудили, Румянцев ушел. О нем не произнесли ни слова.

Не это, если взвесить, дальше так себя бы не повела. Но однажды – в офисе встретились – Румянцеву было по пути довести Свету до дома. И блажь, вдруг хлынуло в машине ощущение соучастия, чуть не дружбы. Вывернула, когда доехали:

– Андрей, просьба. Кое-что сочинила, посмотри, нужен посторонний глаз.

– С удовольствием.

Дома начала себя рассматривать – с чего это вдруг? Несколько дней было не по себе... Румянцев появился:

– Почему показала мне?

– Тексты твоих песен, явная литературная умелость.

Румянцев:

– Написано грамотно и даже красиво. Но... это очерки, я не понимаю, как ты хочешь их употребить.

– И не надо.

Затеплилось в глазах мужчины:

– Вообще, забавно наблюдать. Я что-то в тебе предполагал, но всю явно не разглядел.

Это «забавно» и всколыхнуло:

– Господи, Андрей! Что ты мог разглядеть, когда кроме себя в жизни никого не видишь!

В каком далеком прошлом была сочинена фраза, сколь многожды и бурно мысленно произносилась. Как давно забылась и какой тональной, неуместной получилась. Отсюда и пополз на Румянцеве уголок рта в гнусной улыбке, зацвел в ленивых ресницах иронический огонек.

– Это верно. Однако посуди – штука я невеликая, но рядом. А дальше людишки не менее утлые.

– Не уговаривай себя. Трус, оттого и людей не пускаешь.

– Опять верно, люблю бояться. – Румянцев убрал улыбочку. – Только с тобой этого не получилось.

И вот! Голову вскинула:

– А давай-ка я тебя пощекочу по старой памяти, попужаю малость. Как говорит Голливуд – ты понимаешь, о чем я?

Ну куда было деться от этой мерзости! Понятно, что угроза Румянцева, сделанная в гостинице, след оставила, шельмовала. Но...

Удивительно, даже не стыдила себя позже, отдалась бабской бездумности. Даже несколько светились эмоции.

Однако висела на небе звезда, пришел телефонный звонок. Игорь Николаевич требовал прибытия, наворачивались конкретные шаги. Мгновенно подался ростом Артем, Светлана быстро сладила с Вовиком – «через день, нет, через час

буду звонить» – и распахнула котомки. В начале мая обняла родителей.

– Агент по кличке Мальвина прибыл, – поддела товарищ чуть не угрюмо по телефону Иволгина, – ждет указаний.

– Опять, опять вы давите, – застонал Игорь Николаевич, – а нам-вам-нам предстоит такая деликатная, я бы сказал, деликатесная миссия.

«Время испеклось. Народ созрел», – сообщил «фу» и через три дня увез в Москву.

Эти три дня Света штудировала материалы, приготовленные Иволгиным. То были обширные письменные приложения к иллюстрациям, живописующие терпкость жизни и профессиональные достоинства трех уже упомянутых в статьях художников и еще стольких же помимо них. «Ох и дура», – возомнила о себе Светлана. Отрадой было то, что в своих опусах она точно уловила стиль, даже выполнила их менее водянисто, более изящно, красочней. И, нельзя исключить, это подвинуло не показывать свое Иволгину, а действовать напрямую через Наума Антоновича.

В Москве начала происходить бяка: Наум Антонович затеял дурацкую возню. «Выход должен быть широким, – обусловил он присутствие странной на вид мадам. – Она позанимается вашим обликом». Мадам сама выглядела мало не идиотски, живо воскрешая словосочетание увядшая женщина-вамп, но обозвала себя стилистом.

И завертелось. Рауты, вернисажи, презентации, обеды, ка-

кие-то кухонные посиделки. Наум Антонович был вхож и слушаем. Даже мэтры, говоря с ним, сдвигали корпус и шупали локоток. Домогающиеся словесили и трясли бородами, женщины переступали ногами и извергали звуки. Света в свою очередь много и витиевато говорила, кокетничала и улыбалась, делала позы и жесты.

Наум Антонович указывал глазами и подначивал – вот этот, нужно упомянуть то-то и то-то. Агент принимала осанку, воодушевлялась, намеренно точно функционировала. К ней подходили и заводили разговор. Света с готовностью подхватывала обращенное слово, увлекала в русло, растягивала до темы, муссировала. После очередного захода, почти раболепно взирая на Наума Антоновича, с отвратительной регулярностью интересовалась: «Я правильно держусь?» Тот все больше мрачнел.

– Сегодня будет одна личность, – погладил как-то по плечу девушку. – Нужный товарищ. Австрияк. – Дополнил с досадинкой: – Надеюсь, хоть тут вы перестанете ломать комедию.

Объект был неправдоподобно хорош. Яркий ариец сочного возраста, роскошноволосяй блондин с голубыми глазами, необычайно стройный, аристократичный. От товарища веяло холодом. Впрочем, со Светой вел себя галантно и просто.

На другой день в положенный час позвонил Наум Антонович:

– Я предлагаю, родимая, взглянуть в окно и отметить

совершенно nepотребную роскошь атмосферы. Так продолжайте же мою мысль... – Захихикал. – Ну же, нас ожидает экскурс на природу. Кстати, и наш новый знакомец присутствует.

Светлана буркнула:

– А он не голубой? Уж больно красочен.

– Господь с вами, – испугался Наум Антонович, – проверенный товарищ. Собственно, вы меня в какую-то совсем странную хламиду облачаете.

– Облачаете-то, пожалуй, вы меня. Даже и буквально.

Наум Антонович тяжело вздохнул:

– Право, я не заслужил.

Света мухой почувствовал себя виноватой:

– Да я не перечу. Но хоть покапризничать не премину.

Терпите.

– Люблю я вас, Свет очей, – засмеялся Наум Антонович, – не сходя с места удостоверяю. И преклоняюсь. И часам к трем подъеду. Простенькое что-нибудь накиньте, с собой чего возьмите. Там дача будет, вернемся завтра.

Привезли шайку сивых мужиков и их жен, одетых в хлам и бриллианты – господина Гехта должны были подвезти позже – в место богатое. Кругом были навалены груды отличного, девственного воздуха, сермяжной флоры. Ретивое солнце надежно сидело в свирепой синеве, уместно обсаженное помидорами облачков.

Надел и дом выглядели обширными, умеренно ухоженными.

ми и не фешенебельными. Хозяин – его, как и некоторых, Света знала – когда народ выбрался из двух автомобилей село настаивал:

– В первую башку жрать! Бабы, на конь!

Светлана после утреннего назидания озаботилась мечтой о приемлемом туалете и лучшего не придумала, чем купить спортивный костюм. Теперь она выглядела неприлично ярко и нелепо. Впрочем, и платьишко с собой взяла, но сразу переодеться постеснялась, оттого и прилипла к хозяйке, обустройства чревоугодие. Вокруг жужжали приятные разговоры, хозяйка мило издевалась над собой и благоверным, и было славно. Споро приготовили закуску – речь шла всего лишь о предварилровке – но закусывали долго и хмельно.

– Теперь млеть, – распорядился хозяин и полез из-за стола. Светлана увязалась за двумя мужиками, шагнувшими в сторону реки, ухватив обоих под руки. Один, сочногубый, так затейливо и обаятельно копался в своей бороде, что женщина не могла удержать желание и самой запустить туда пальцы.

На небо упала легкая пелеринка облаков, солнце прищурилось, и Света зачем-то постоянно на него взглядывала. У воды дружно плюхнулись на невысокий крутой бережок, зашебаршили разговорами. По небольшой степенной речушке кружились плевки пены, отчего та приобрела небравый вид, и Света закручинилась. Обнаружила себя в обществе, только когда один из собеседников упомянул Наум Антоновича:

– ... так что прогоришь ты, Славик, со своим либерализмом. Поужали крупные-то деятели меценатство, поховали гаманки, вшивота, эвон, возится. Только имя потреплешь... Вот Наум, какой был талант, а ума все-таки больше нашлось, не побёг за удачей, идейность в чулан запихнул, в сторонку и от крикунов, и от ортодоксов отодвинулся. Приглядывался, понадергал коллекцию там-сям. Теперь дождался важных времен, толстые обратно на стоящее искусство оглядываться начали, и Наум из засады выполз.

Светлана вяло поинтересовалась:

– Слово талант было уронено. Хотелось бы наблюдать связь.

– Вот-вот, молодым и невдомек. В свое время Наум не хуже Целкова рожи конструировал. Впрочем, от марания он давно отстранился. Не знаю, может и амбиции здесь при чем. А скорей национальность.

– Не знала, – подивилась искренно. – Право, даже не подозревала.

– А я вам, Светочка, рекомендацию изложу. Вы к хозяйке подсуетитесь, у нее пара картинок Наума есть. Только вы на какой-нибудь загогулине езжайте. Там с ними что-то романтическое связано, и Сонечка любит вынимать их с томными пояснениями.

– Они что у нее – не висят?

– Так прохаживается народишко в отсутствие по недрам. Время такое, ныкают приличные вещества.

– А чего же в Москве не держат?

Борода гулко хихикнул:

– Я полагаю, там для томности антураж неподходящий.

Надсаживаться Света не стала, как только возвратились, прилипла сокровенно к хозяйке и пояснила жест:

– Сонечка Михайловна, родименькая, мне сказали, чтоб я подъехала к вам на загогулине относительно картин Наум Антоновича. Ничего придумать не могу, умоляю, покажите.

Та немедленно улыбнулась и с премоило заговорщицким видом повела в дом.

С картин перло мастерство. После досконального изучения их, сопровождаемого симпатичным изложением Софьей Михайловной романа с Наумом Антоновичем, Светлана разжила приторной грустью.

Уж подъехал Гехт с русским господином неяркого, но не пустого облика, который представился журналистом. Их принялись усердно занимать, и Света, окутанная плотной оболочкой истомы, ковырялась в костре, разогретом хозяином под шашлыки. Он возился рядом с ней, ненавязчиво болтал. Тут же, безотрывно глядя в огонь, покачивался в кресле-качалке Наум Антонович. Втроем они давили из маленьких инкрустированных стопочек вкусный коньяк и было непереносимо хорошо.

Света вдруг мечтанула о Вовике, захотелось что-нибудь с ним поделать, потеревить волосы на голове, память массажем. Тут же обнаружила, что тянется от нее к Науму Ан-

тоновичу подозрительная струйка родственности. Притороченная ей, углядев за колышущимся воздухом силуэт Гехта, подумала: «Что, Наумка, для тебя не сделаешь».

Брат хозяина, могучий работный мужик, кликнул, и хозяин усеменял потчевать Гехта и желающих баней, поручив Свете блюсти огонь – Наум от процедуры отказался, женщины на первый жар не претендовали – вкусно посидели вдвоем.

– Люблю огонь, – уверял Наум Антонович.

– А я дождь, – мечтала Светлана.

– Тоже хорошо, – соглашался дядя.

– Все-таки огонь предпочтительней, – после хорошей паузы важничал Наум Антонович.

– Да отчего непременно огонь! – соблюдала пропорцию Света. – Явление природы, что и дождь.

– Вот и нет, – ликовал Наум Антонович, – и, как художник, вы должны согласиться. Мистическую силу огня холст не удержит, а с водой проще.

– А я знаю, что вы серьезно писали.

Наум Антонович браво улыбался:

– Уж я пронаблюдал, посвятила Сонечка. И мнение?

– Вы обольститель. Софья Михайловна о периоде вспоминала вдохновенно.

– Признаю, приходилось сердца колебать, – с забавной лукавинкой изъяснял Наум Антонович.

– Что ж вы предмет оставили? Замечательная рука, – ис-

кренно огорчилась Света.

Наум Антонович вздохнул, согнал улыбку.

– Настоящий художник, Светочка, должен быть чокнутым или, на худой конец, дураком. У меня, к сожалению, этого не нашлось.

– Стало быть, я не совсем дура. Однако ответствуйте, неужели напрочь отошли? И не свербит?

– Сейчас нет. А еще десяток годков тому – случилось. Я ведь вмиг отломил, краски выкинул и теперь названия-то их не помню.

– Здесь ум уж слишком изощренный.

– Единственная категория людей, милочка, которые понимают в искусстве, это коллекционеры. – Здесь же Наум Антонович виновато кхекнул и оправился: – Амбиции, конечно, так это называется.

Светлана хмыкнула, вспомнив разговор на берегу. Наум Антонович между тем хмычок угасил:

– Хотя... это для посторонних. Я сам такую версию проповедовал, ибо наиболее лакомая. В действительности было сложнее, обширнее. Чтоб объяснить тогда, много говорить бы пришлось, а сейчас всего и не упомнишь.

– Так что от Гехта нужно?

– Пустяк да безделка. Дело в том, что Гехт представляет интересы одной фирмы. Я знаю, они затевают небольшую экспансию на наш базар. Хотелось быть в курсе.

– Промышленный шпионаж, – радовалась Света.

– Собственно, они особых секретов не держат, но для романтики давайте так назовем. И есть личное. Господин предполагает некоторыми штуковинами, которые я бы хотел заполучить. На симпатиях, я подозреваю, проще разговаривать.

Вот и выпал момент, Светлана юлить не потрудилась:

– Игорь Николаевич требовал обойму имен. Реальных. Я привезла данные.

Наум Антонович безрадостно улыбнулся:

– Вы окончательно становитесь деловым человеком.

Через час – Света за этот отрезок ополоснулась, немного подышала баней (во хмелю жар досаждал) – гукнул клич к столу. Переделалась, нарочно небрежно прибрала волосы – зеркалу угодила. Вместительный стол под навесом кряхтел от благообразия. Рядом с Гехтом попасть не удалось.

Ухаживал за ней и разговором занимал журналист. Живопись не трогал, говорил больше о себе, иронически, и Света разглядела расположение. На пространство склонились сумерки, последнее золото шаяло в облаках, от душеугодия все осоловели. По распоряжению хозяина туго выбрались из-за стола, оравой отправились на речку, петь песню. Гехт сам нечаянно оказался рядом. «Ага», – подумала девушка.

Расположились у заводи на складных стульях и пиджаках. Брат хозяина с Софьей Михайловной чудно спели под гитару неизвестный романс. Выводили изрядно, ноты страдали, нахлобучивались, оттесняли пространство. Далее шли Вер-

тинский, Галич. Наум по завершению очередного произведения сердито доводил до сведения: «Капитально». Все было шикарно и свежо.

Журналист, Гехт, Светлана невольно образовали фракцию – пустилась жеманничать. Затем аттракционы, гуляли вдвоем по берегу – бронзовый закат смутно озарял лица – и парень чувствовала себя донельзя уютно. Как и положено, журналист читал стихи, сплошь юморные. Света до костей хохотала, переводила Гехту – он плохо различал русские слова – занимался тот. Кончилось посиделками у костра. Пробрал гнус-кровопиец, но в размере – досталось австрийцу, что щеголял в шортах и все чесал голяшки. Спать ушли, когда засиреневел воздух. Шпионаж начался восхитительно.

Утром потчевали ухой – писец с братом хозяина под зорьку умудрились наковырять рыбешки. В Москву уехали до полудня, на фоне вчерашнего дня достойных прелестей не предвиделось.

Этот и два последующих дня выпадали пустые, мероприятий не предвиделось. Еще на даче Светлана предупредила, чтоб Наум Антонович занять ее не пытался, и остаток пятницы хорошо понежилась дома – ей сняли однокомнатную квартиру в Лужниках.

В субботу, однако, обнаружила скуку. С Артемом и родными поболтала, по магазинам пошаталась и быстро устала, делать, в сущности, было нечего. В том числе и поэтому

голос журналиста, последовавший за телефонным звонком, оказался любезным.

– Вот видите, уж я и не выдержал. Впрочем, вы сами виноваты, поскольку оставляете только две недели. – Светлана на даче обмолвилась, что через пару недель уедет в Екатеринбург. Так она вытребовала у Наум Антоновича, далее будет наезжать по надобности.

Надо сказать, Павел Светлане понравился, его манера обо всем говорить с юмором и иронически о себе занятно сочеталась с простотой – угадывались и природный такт, и острота. Светлана уже обнаружила, что с ним хочется держать себя открыто. Вот и теперь после недолгого разговора, за прямым вопросом, чем она сейчас занимается, Светлана ответила:

– Ничем, пожалуй что и скучаю.

– Так вы прикиньте, две скуки уже тандем. Им можно хорошо людей поморозить.

Затем поведал, что у школьного товарища вечеринка, люди там обыкновенные, в настроение вмешиваться не будут, и угадал – на обыкновенных людей Светлана клюнула. Окончательно убедил, когда на запрос относительно приличий, связанных с отсутствием жены – семья Павла находилась на море – так доложил:

– В сущности, отчасти для отчета и прошу присоединиться, чтоб не возникало подозрений о скрытых намерениях.

Действительно, все было сердечно – Светлана, надо сказать, о москвичах имела стойкое мнение и впервые оно по-

шатнулось – чувствовала себя забыто привычно, из периода первого замужества, вернулось позавчерашнее настроение, хоть взошедшее на других дрожжах. Кончилось тем, что осталась ночевать у Павла.

Любопытное началось через день. Вчера безотчетно уйдя от него, когда спал, и потом, не отвечая на звонки, Светлана мало заботилась: история получилась хорошей и ладно, на том и крест. А нынче вдруг вспоминать вздумала.

Лез в память ночной, кожаный асфальт, покрытый испариной после вечернего короткого дождя, цепочки огоньков, облепленных коронами радужных брызг, близкое, начинавшееся прямо над головой небо, повисшее на гвоздях отчаянно блестящих звезд. И ясным фоном, облекая все остальное, пело впечатление о поразительной соразмерности ее с Павлом, звенело воспоминание о странно хорошем молчании, когда шли из гостей, ласковом понимании друг друга, о глубокой органичности, не допускающей ни неудобства, ни восторга, каждого жеста и прикосновения.

Сегодня звонком побеспокоил только Наум Антонович. «Обиделся, – думала Светлана. – И поделом мне. Да оно и лучше». Но жадный человек вострил ухо, бросал взгляды на телефон.

В три часа Наум Антонович заехал. Держали путь в выставочный зал, который арендовал музей, каковому главарь приходился консультантом, – музей сотрудничал с фирмой Гехта, он должен был оглядеть зал. В принципе, присутствие

Светланы выглядело надуманным, но после осмотра планировались мероприятия и, чтобы запустить, приходилось пристегивать ее раньше.

– Очевидно, теперь и захватим ваши рекомендации, – сразу напомнил задачу Наум Антонович.

Папку Светлана взяла, но не отдала пока, а таскала с собой, дабы хоть какую прикаянность изобразить. Выглядело это идиотски, но настроению равнялось. Гехт был не мил, к тому же после приветствия особо не заговаривал и внимания соответствующего последней встрече не оказывал. В довершение он и от мероприятия отказался, сославшись на обстоятельства.

– Кажется, я верно папочку вам сразу не передала, с ней и восвоеси придется удалиться, – досадливо изрекла Светлана.

Наум Антонович папку забрал и откровенно высказался:

– Погано, что Гехт уезжает. Приедет, правда, но через пол-месяца.

На другой день, проведенный дурно уже с самого утра, ближе к вечеру позвонил Павел. «Я что-то не так сделал?» – спросил сразу после приветствия. Светлана ответила не тотчас, это было красноречиво, но она не пожалела.

– Все получилось мило, вы не при чем, – слова выскользнули еще более явственные.

– Да, ты права, я не при чем, – мрачным тоном согласился с диагнозом Павел и неловко, едва ли не по-детски попросившись, первый повесил трубку.

Светлана даже улыбнулась, но сейчас же подумала: «Господи, как стандартно они все себя ведут», – понимая притом, что вздорная претензия есть злость на себя, желание поколебать отвратительный гнет ситуации.

На другой день уехала домой.

На Урале шли дожди, Светлана много сидела дома и оттаяла. Часто ездила к сестре, с удовольствием возилась с племянницей. «Родить бы тоже», – не раз повторяла пустую фразу. Выяснилось, что змей-свояк – человек довольно страстный до семьи («Лорик, принадлежь вот тепленького, береги градусы»), и Светлана наполнилась сочувствием.

С Иволгиным принципиально не встречалась, Владимир Ильич уехал в Сибирь, за натурой, впрочем, и к нему Светлана после дознания о некотором соучастии в махинациях охладела. От теплой тоски общалась с Еленой.

– Ты такая счастливая, Светка. Полнокровной жизнью занимаешься! – верещала наперсница. – Хотя это всегда было предусмотрено. Сильно папа у тебя интеллигентный.

«Нда, – думала избранница жребия, – знал бы папа...»

Помногу говорила по телефону с Вовиком, пробовала рисовать – не шло.

Перед отъездом из Москвы Наум Антонович обещал звонить вообще и в частности. В звонки вообще Светлана сразу не верила и не дождалась, но унынием не болела – крохи сопротивления уравновешивали организм – однако, когда, по

расчетам, воротился Гехт, а клич все не звучал, затомилась. Дошло до пакости, принялась казнить себя за неверные жесты и интонации. Прошли все сроки, и звонок таки последовал. От Игоря Николаевича:

– Я в ствольную на днях отправляюсь. Если есть желание, можем компанию соорудить. И резон найдем, один из наших-ваших-наших подопечных собственную персону представил.

Не сразу Светлана поняла, что речь идет об одном из художников, которых они славили:

– Вот уж действительно любопытно взглянуть на образец, – сказала Светлана, наполнив голос сарказмом.

Москва улыбнулась прохладным ясным днем и не уняла беспокойства.

– Вы перестаньте хлыздить, – донимала в пути Иволгина, – Наум Антонович моего присутствия требовал?

– Голубушка, – юлил соратник, – кто же от вас может чего-либо требовать. Только на расположении процесс заквашен.

При встрече Наум Антонович первым делом отломил куш, процесс, видимо, пошел, и Светлана вдруг начала ломаться, пенять на излишество суммы.

– Вы деньги заберите, – настоял Наум Антонович, – это нас недоразумений лишит.

Недоразумений Наум Антонович лишал лихо. Объявил, что готовится «небольшой, достаточно интимный верни-

саж», где будут участвовать и некоторые картины авторов, горячо отмеченных в печати нашей парочкой. Требовалось послужить белой ниткой. На прямой запрос относительно товарища Гехта, тоном не допускающим малейшего подозрения в интересе было изложено, что объект давно в городе и, по всей вероятности, чем-нибудь занимается.

Без проволочек были ознакомлены и с местом действия, дабы в процессе чего не перепутать. В сходных акциях Светлана уже участвовала и сдвига существа не ощутила. «Образец» в самочувствие поправок не внес, он был стремителен и аккуратно причесан.

Квартира, где прежде обитала Светлана, вернулась к хозяевам, и она поместилась в одной гостинице с Иволгиным, хоть тот обычно располагался у родственников. На второй вечер мужик пригласил в ресторан. Уныло посидели, и Светлана удалилась рано. Номер был двухместный, но соседки Светлане не хватило, и женщина, перебрав все вечерние занятия, вдруг скользнула рукой в сумочку, открыв глазам номер Павла. Однако дальше дело не зашло.

– Взоры открыть, негу убрать, служба зовет, – внедрил утром в так и не отпустившее настроение противно-задорный голос Иволгин.

По пути сообщил: «Заедем в редакцию». Там повидались с Сергеем Алексеевичем. Он ласково теребил руку, улыбался. Иволгин передал какие-то бумаги, когда вышли, Светлана не выдержала:

– Как соучастник профанации, интересуюсь спросить. Очередной пасквиль на венгерскую живопись?

Игорь Николаевич сочувствовать не соглашался, улыбочку не умерял.

– Как бы я посмел без вашего ведома? Там иные дела. Очередное ждем от вас, помним обещание. А вы, кстати сказать, что-то молчите!

Светлана стиснула зубы, не сразу осведомила.

– Я обещания чту и выполняю. Записки у Наум Антоновича.

– Как у Наума!?! – Игорь Николаевич даже в лице переменялся. – Вы серьезно или шутите? – И отвернулся.

Так искренне он отреагировал, что Светлана некоторым злорадством обзавелась: «Ага, боишься, что мимо тебя дело пойдет!» Тут же осенило: «А ведь я идиотку сваяла. Теперь только от Наумки зависима, неровен час не добуду Гехта...»

Говорили далее о постороннем, сухость вязала язык.

На вернисаже знакомых практически не было. Наум Антонович с Иволгиным обихаживали каких-то человек, Светлане сразу оговорили маневр – заслонять подопечного. Им никто не интересовался, парень был крайне непривлекателен. Дошло до того, что Светлана пустилась вспоминать истории, сложенные о нем, дабы хоть какой марафет навести, но ничего не сооружалось. Улучив момент, придвинулась к Науму и льстивым тоном, совсем противоположным тому, что держала месяц назад, попросила задание.

– Зачем же перегружаться, – не отозвался на тон Наум Антонович, – занимайтесь протееже капитально.

Впала в бешенство. После мероприятия и бестолкового фуршета «досада» проводил Светлану в гостиницу и потребовал сопроводить завтра по досужим надобностям. Вслед за некоторой суетой в комнате и ленивым бдением в холодную стену Светлана впустила в голову образ Павла. Повернулась к сумочке с номерами телефонов и с любопытством напрягла память. Нет, номер не удержался. Немного порадовало. Через полчаса набрала Иволгина, тот не возразил. Облегченно вздохнула и зашуршала постелью.

Весь следующий день мотались. Досада пытал Светлану о несусветных вещах и окончательно истребил. Однако после обеда неожиданно согрелась. Отчего-то до совместного жертвоприношения желудку Светлана не догадывалась сунуться в венгерские дела, а здесь уронила слово и выяснилось, что есть общие знакомые имена и личности, пусть художник жил в Дебрецене, далеко от столицы. Странное дело, воспоминания о Венгрии овеяли ласковым бризом.

Часов в шесть («смену отработала», – думала Светлана) расстались. От непрочного приглашения поужинать вместе она мягко увильнула. Вечером решительно набрала номер Иволгина. Гудки. Еще решительней – Наума Антоновича.

– Я не совсем понимаю, то ли мне в Москве находиться, либо уезжать, – сурово произнесла женщина.

– О чем вы говорите, – без паники ответил Наум Антоно-

вич, – мы только что обсуждали с Игорь Николаевичем наши дела. («Они с Игорь Николаевичем обсуждают!» – обострила нос Света.) Не сегодня-завтра подъезжает еще один ваш протеже, их нужно опекать («Мой протеже, вот сволочь!»).

– Так что же, я и буду ими заниматься? – возроптала Светлана.

– А что вы хотели? – удивился Наум Антонович. – Игорь Николаевич не знает языка... И потом у него другие дела.

Вопрос поразил в самое темя – и верно, чего она хотела? «Тварь», – на всякий случай подумала Светлана. «Господи, заниматься навязанными, заведомо нежеланными людьми...» Такого оборота она не ожидала. Усмехнулась, вспомнив, как куражилась месяц назад, и вот – знай шесток. И уж совсем подлость, из закровов, из под кожи вылезло ничтожество:

– А как быть с Гехтом? Помнится, вы просили его обхаживать.

– Ну, что вы, – подивился Наум Антонович, – причем здесь Гехт. У нас с вами серьезное дело.

– Куда завтра вести? – полная смирения и отвращения к себе закончила Светлана разговор.

Через некоторое время она звонила Павлу. В трубке возник женский голос.

– Мне бы Павла, – грозно попросила Светлана.

– Позвоните немного позже, он занят, – остудил голос. – А кто это говорит? Я могу передать, чтоб он сам позвонил.

– Нет, спасибо.

«Да ведь это жена», – прынуло в голову. Стало весело, но тут же пресеклось: «Боже, что я делаю!»

– Москва, как много в этом звуке! – так обозначила Светлана вслух вползание в плотную, тучную депрессию.

А утром брызнуло в глаза солнце. Светлана нехотя отворила веки, тут же жалея об этом, ибо, конечно, должна была придавить следом мерзкая реальность бытия, и удивилась – нету. Тело неплохо расположилось в умеренно теплой постели, дыхание было здоровым и чистым, вслед за движением руки приятный шелк рубашки нежно мазнул кожу. Она выбралась из убежища, шире отдернула штору. Внизу деловито шевелился город, начисто угробив остатки сна, в Светлану вошло утро.

К полудню поехала на выставку, там ждал досада, наверняка с утра карауливший свои творения. Иштван – в отместку за награждение обязанностью, Светлана вытребовала разрешение звать его Ваней – тотчас принялся порхать, и поскольку посетителей не наблюдалось, это угодило. Через час дело дошло до того, что она скептически высказывалась о других экспонатах и обзывала творения Вани «самыми примечательными в данной обозримости».

После обеда сносно посидели в скверике, Ваня исповедовался относительно семьи – с судорогой ликования Светлана вспоминала сооруженную Иволгиным фальшивку его биографии. Вскоре, желая привлечь внимание Вани к какой-то

озабоченной птичке, ласково гладила его предплечье.

Часов подле шести появился Наум Антонович с потенциальными покупателями, и Светлана пронзительно говорила, указывая на Ванину вещь:

– Считается, в этой работе художник получил просто роскошный валёр.

На следующий день подвалил второй, такой же незамысловатый, как Ваня; Светлана достаточно активно его обустроила и судьбе окончательно сдалась. Ребята преданно Светлане подчинялись, вели себя пристойно и это хорошо разубоживало внутреннее.

На город обрушилась погода. Воздух пропитался ясной неназойливой теплотой. К вечеру пространство начинало пыжиться, из неба крякали молнии, кроили небо надвое, проносился веселый ливень. С утра окружающие вещества наполнялись сочностью, цветом, душой, в вязкой, черной синеве никак не могли утонуть тугие, вот-вот готовые лопнуть облака. Безбожно галдели птицы, нежный ветерок путался в умытых улицах.

Два вечера Светлана гуляла с мужиками по столице, сидели в летнем ресторане – закрытых помещений по ее приказу избегали. Днем активно работала, и результаты ожидалась, покупатели возникали, но срок перемены хозяина загодя был отнесен. Презент, однако, Ваня уже преподнес – он ее считал прямым благодетелем – улыбалась и клала вещь в сумочку.

О гешефтах Наум Антонович ответственно извещал – дескать, трудись, подруга. Но общались с ним редко. Придя в гостиницу, исправно набирала Иволгина, тот неизменно отсутствовал. Увидев его на выставке, Светлана даже радость почувствовала, совсем немного okayмленную негодованием на себя.

– Ну вот же, вот она, – соорудив радостный фас, издевательски пылил гад.

– Она, вы проницательны, – пыталась изобразить морозец Светлана.

– Целую ручки, – умилялся от созерцания пресмыкающееся, – духовно высох от несоприкосновения.

Через некоторое время церемонно сообщил ребятам:

– Сегодня наши меценаты делают небольшую вечеринку, окажите честь.

– Прекрасно, – по-русски обронила Светлана, – я хоть немного собой позанимаюсь.

Игорь Николаевич запричитал:

– Позвольте, душа, как же без вас!

Светлана вскинула бровь:

– Что, и мое присутствие нужно? – и соорудила обреченную физиономию.

Намеренно обрядилась на вечерок непритязательно и окаралась – присутствовал Гехт. Светлана углядела его сразу. Губами пошевелила, волосы пощупала и спрятала взгляд, ползая в сторонке. Гехт подошел сам. Улыбался.

– Сколько зимних лет, – сообщил на невероятном русском.

– Действительно, зимних, – согласилась Светлана.

– Я справлялся, – поделился Гехт на немецком, – ответили, что вас в Москве нет.

Светлана аккуратно шмыгнула носом и чуточку прищурила глаза. «Так», – произнесла про себя.

– Пожалуй, я бы тоже не стала вам лгать.

– Очень рад вас видеть, мне запомнился тот пикник. Не сомневаюсь, тогдашнее настроение было создано именно вашим присутствием. Признаюсь, оно мне понравилось.

– Это русская природа, эфемерии обстоятельств, – сочла нелишним пококетничать Светлана.

– Я знаком с русской природой, – заверил Гехт.

Далее вечер летел. Гехт вытребовал координаты и обещание, что Светлана не будет избегать его и вообще исчезать без уведомления.

Сдвинулось. Уж поутру предоставил голос Наум Антонович, справился о самочувствии – еще вчера он потерял о локоток. Вечером добрался звонком и Гехт, просил взаимности на следующий вечер, он был приглашен на ужин в один дом.

Когда на такси подъехали к дому Павла, по коже Светланы проползла изморозь. Павел ее приходу не удивился, это приподняло. Тут же затеяла искать в нем напряжение, и какие-то оттенки, вроде бы, просматривались.

– Я о вас слышала, – сообщила супруга Павла, приличная,

раскованная особа. «Мило», – подумала Светлана и не смогла унять желания пристально вглядываться в нее.

Здесь же находился приятель Павла, у которого гостевали. Особой щекотки в себе Светлана не обнаружила.

Вечеринка была скучноватая, обычной остроты, веселья от Павла не исходило. Просили почитать стишки, наотрез отказался. Правда, поведал анекдот, который придумал «надысь». История восторга не вызвала, а жена его так и сомнение в новизне высказала. Говорили больше о вещах серьезных.

– Ты помнишь Ганю, Пашка, – азартно рассказывал друг журналиста. – Воротила стал страшный, а ведь фонарь фонарем был, только что отчаянный.

– Слыхивал.

– А я видел. Пообщался недавно, испил рюмочку. И спрашиваю, вот ты мафий, неужели греет такая власть, пропитанная страхом, нелюбовью народа? Отвечает: я не шибко грамотный, а выражу мнение. Есть, брат, отрицательное обаяние. Человек темен, и не тем, что неизменного в нем много, а тем, что себя не знает. Я-де спрашиваю одного профессионала насчет моделей: как может порядочный человек позариться на эти жерди и мощи? Тот: а с кого человек берет моду? Ну, рассуждаю, артисты, вообще звезды... Именно. Они удачливей, они высоко. Так вот, модели такие потому, что они... выглядят выше. Выглядят, разумеешь?... Вот политик. Все знают, что врет мужик, ловчит. И он не скрывает.

Но в том и прелесть, чтоб сыграть на подкожном, пощупать психику. Так что ты, толкует, грамотный, а я мудрый.

– Да. Насчет вранья такой эпизод... – как-то неспособно забеспокоился Павел. – Прихожу со скамьи наниматься. Редактор посмотрел хитро и дает задание написать очерк об одном дядьке. Предупреждает, мужик вредный, но изладить надо с душой. Отправился к прототипу. Омерзительно – когда я за порог вышел, отчаянно захотел в душ. Маялся, маялся, но куда денешься, пошел врать. И, знаете, возбуждился до вдохновения. Годишься, было сказано.

Выглядело неудачно.

– Вот образчик ангажированности прессы, – шутейно заметила одна дама.

– Это ли... – совсем насупился Павел.

– А мы все препираемся, – обиделась дама.

Павел усмехнулся:

– В самой среде отрицать давно неприлично. А собственную продажность мы оправдываем, покупая других.

Пошли прения, более менее разогрелись. Света предпочла не соваться, ее заведомо сковывало, и кроме слов, обращенных к Гехту, путной фразы не уронила. Там был момент. В ходе прений Павел все-таки возбуждился, нашел монолог:

– Журналистика – занятие сугубо женское. Есть ходячая мультка: «Журналист – проститутка, поэтому популярен». (Кто-то вставил: «Для журналиста грязь – лакомый кусок».) Да... Свобода, что ближе мужику, отсутствует, уже са-

мый стиль ограничивает. Информация. Понятно, что женщине добыть таковую легче, ей охотней откроются. И вообще, журналист – посредник, стало быть, спекулянт... – Говорил, впрочем, суконно. – Даже разговоры о четвертой власти – сплошное кокетство, женская черта... Нет, конечно, власть присутствует. Скажем, берете интервью. Подопытный невольно хочет показаться лучше, подстраивается. Но и здесь писака выбирает не того, кто интересен, а кто выгодней... Кстати, и проститутка и шелкопер – люди публичные. – Здесь он конфузливо и неуместно хихикнул.

Может, не сама тирада, а как стушевался после нее Павел, создали короткое молчание. «Да это же он обо мне говорит», – загорелось внутри Светланы, и странно, нестерпимо захотелось побыть вдвоем. Но и неясный испуг присутствовал.

Ушли не поздно. До гостиницы по предложению Гехта шли пешком. В постели, взрыхлив волосы и оставив там руку, уставилась в сизый потолок; потрогала прошедший день и румяного не разглядела. «Гехт на месте», – подумала вяло: на послезавтра оговорили встречу. Абрисно, неуловимо маячил Павел.

Утром обратно звонил Наум Антонович, согласовал день. К концу беседы при том углядела Светлана в своем голосе капризничавшую нотку, тут же, впрочем, усмиряя ее. Нынче Наум устроил подопечным сводную экскурсию, и, потаскавшись с ними до обеда, Светлана отпросилась: Дьюла, второй

пришелец, трохи по-русски мараковал.

Принялась гулять. Долго курила, сидя в скверике, отскабливала с подошв налипшие почки. Мимо праздно поспешала сплошь безглазая, в непроницаемых очках, молодежь. Проществовала, гордо неся сигарету, отроковица – без ягодиц, в обвислом модном хламе и с мутными от осыпавшейся перхоти ключицами. Неподалеку сидела на кошмах с грудным младенцем на разваленных коленях молодая равнодушная таджичка, поодаль ребятя, счастливо галдя, побиралась. Привередливый воробей озабоченно топтался подле оставленного голубем следа и нелогично упорхнул. Подсел нелепый, похоже, наркотичный юноша. Задал вопрос:

– Вы мечтать любите?

– Со страшной силой, – подчинилась Света.

Говорил странные, тревожные фразы. Попросил перепихнуться.

– Пошел вон, – предложила девушка. Неотрывно смотрела вослед.

Вдруг дико захотелось рисовать. Возник сюжет: на асфальте лежит мертвый человек, возле головы разлилась лужа крови, в луже отражается солнце. Ласкала детали... И пожалуйста, отыскала номер Ирины Репринцевой.

Ирина ликовала:

– Мухой ко мне, будешь отвечать по всей строгости за скрытность!

Она знала о наличии подруги в Москве. Уведомила, что у

нее сидит Лера Ширяева и втроем они устроят конец мира. Света обрадовалась.

Ирина пополнела, подурнела, Лера на кроху не изменилась. От них тащило родным. Посидели изумительно. С Лерой Светлана никогда особо не дружила, да еще история с Евгением, а тут взаимность возникла хоть реви. Иван совсем волосами обеднел. Когда, придя к вечеру, увидел приятельницу, получился равнодушным, но за рюмочкой разговорился, подобрел. До его прихода о делах своих Светлана несильно повествовала, больше о быте, теперь все выложила. Иван о конкретных делах Вовика выспрашивал, поведала что знала, не удержалась пожаловаться:

– У мужа голова широкая, мысли умещаются, только повязаны мы, сам знаешь.

– Ты о той истории? Ерунда, Реутов (назвал фамилию Федора Палыча) сам повязан.

Светлана глубоко взглянула:

– Seriously?

– Конечно, отлично я ваши дела знаю.

Сразу отвернули разговор. Оставляли ночевать, но Светлана отговорила:

– Надо завтра в форме быть. С Гехтом встреча.

На другой день земляки приехали на выставку всем кагалом – еще Евгений. Светлана, увидев его, немного натянулась, но отпустило уж минут через пять. Знакомя с венграми, обозвала екатеринбуржцев близкими друзьями. Ирина

сходу вытребовала у мадьяр обещание прийти в гости. Иван с Евгением хмуро рассматривали картины, женщины больше глядели на Светлану.

– А ты здорово смотришься, – обозначила Ирина.

Светлана начала говорить об искусстве, друзья внимали с почтением. Ирина потребовала у Ивана что-либо купить, но Светлана охладила:

– Не торопитесь, будет еще время.

Замыслила внушить венграм, чтоб сделали Репринцевым подарок в виде картины. Вместе пообедали, вкусно и по-родному. После обеда Светлана попросила отвезти ее в гостиницу.

Часам к четырем основное с собой Светлана проделала. Гехт должен был заехать в половине шестого. Решила позвонить домой, попала на сестру.

– Как хорошо, что ты позвонила, – возбужденно и тревожно воскликнула Лариса.

– Что-то с Артемом? – испугалась Светлана.

– Нет, все нормально. Вовик звонил.

– Ну?

– Светка, он странно разговаривал. Ты ничего в Венгрии не натворила?

– Я? – Светлана трубку от уха отняла, задумалась, обратно приложила. – Говори толком.

– В общем, он приезжает. Спросил, в какой гостинице ты остановилась. Думаю, он из аэропорта поедет к тебе.

– Когда?

– Не знаю. Звонил позавчера, конкретно не сказал... На днях.

– Почему сразу не сообщила? – озлилась Светлана.

– Не могла дозвониться, пыталась.

– Что значит, странно разговаривал?

– Не знаю, я почувствовала. Он на тебя зол.

«Неужели о Палыче узнал? – сразу подумала Светлана. – Господи, почему у меня все так по-идиотски!»

– Я потом перезвоню.

Металась по комнате. Села, терла виски. «Рейс из Будапешта утром, – вспомнилось облегченно. – Он бы уже появился». Узнала, самолет прибыл вовремя. Позвонила администратору, ее никто не спрашивал. Успокоилась на мгновение и опять напряглась, перемешивая в голове разные мысли.

«Это невыносимо», – сказала Светлана ровно в шесть, заставляя себя не вслушиваться в шорохи за дверью, тем не менее налегая на каждый звук. В четверть седьмого сняла платье, серьги, накинула халат, но макияж убирать не стала. В половине восьмого – уж стало понятно, что Гехт не придет – констатировала, более подлых часов давно не переживала.

В восемь раздался стук в дверь. За ней с великолепным букетом роз стоял Павел.

– Ситуация нелепая, но я ничего не мог поправить, – сказал он. – Единственно должен извиниться за то, что не смог

добраться и объясниться раньше. Гехт срочно вынужден был уехать на пару дней. Все растолкует по приезде сам. Просил передать цветы и, согласишься, мне было бы трудно мотивировать отказ... Ну вот, я поручение выполнил... – Кивнул, прощаясь.

– Ты хочешь уйти? – вырвалось у Светы.

– Вообще-то, он просил попытаться занять тебя, но... я полагаю...

– Подожди, я оденусь, – пылко перебила она, – ты не оставишь меня.

Прикрыла дверь, кинулась к вечернему платью, передумала, быстро набросила что-то простенькое. В горле возилась странная горечь.

Павел ни о чем не спрашивал, не шутил, и Светлана была благодарна. Сидели в летнем кафе, пили шампанское. Расслабленность отсутствовала. Около десяти вечера Павел чуть поспешно спросил:

– Послушай, ты звонила мне?

– Нет, – сразу ответила женщина, и вдруг навалилась обида. – Ну да, звонила... – Тут же напружинилась: – Только не подумай...

А дальше что-то сломалось, начала говорить о том, что все у нее поперек. Рассказала, как складывались публикации, об условии Наума Антоновича относительно Гехта, о приезде мужа, который, вероятно, устроит скандал. С каждым словом чувствовала, что делает глупость, ибо это ее ничуть не

освобождает, а напротив, увязывает и наполняет отвращением к себе. И верно, когда закончила, возникла нехорошая пустота, которую Павел убирать не пытался: он сидел и смотрел куда-то далеко, в этом не было ни сочувствия, ни хотя бы такта. Дальнейшее совместное времяпрепровождение стало совсем бессмысленным. Прощаясь возле гостиницы Павел прикоснулся:

– Не пойми превратно, но я неплохо знаком с издательскими делами. Если в твоих очерках есть стоящее, я не вижу больших препятствий. Имей в виду.

По потолку шастали судорожные блики. Было забавно наблюдать за ними, вяло развалив тело на постели и бросив на живот руки. За окном ползали пугливые одинокие шумы. «Ты будешь любима», – с горечью вспомнила Светлана завет отца. Над землей клубилась ночь, сотканная из пронзительно растянутого времени, ворвавшегося в точку.

А утром, как и давеча, осуществился большой, едва не ослепительный свет. Город мерно гудел из веселого с распахнутыми шторами окна и наполнял комнату таким здоровым покоем, что Света побоялась вникать в настроение. Было очевидно, с ней что-то произошло.

Странно, только после завтрака вспомнила о Вовике. На мгновение сделалось неуютно, морозно, но тут же отпустило. Набрала сестру, выпрашивала:

– Ты насчет Вовы ничего не перепутала?

После разговора намеренно ходила по комнате и искала

минор. Не найдя, решила на разговор с Венгрией. Ни малейшего признака раздражения в муже не обнаружила. На прямой вопрос относительно звонка сестре Вовик – правда, не без запинки – ответил:

– Да нет, пока приехать не получается... Действительно, может статься, вскоре нагряну, но теперь откладывается. Собственно, просто беспокоился – ты не звонишь.

В тот день Светлана гуляла по улицам Москвы. Кажется, впервые к ней пришло сокровенное и глубокое состояние, которое порой называют озарением. Рассматривала себя. Да, представало перед взором, неплохая бабенка – немножко запутавшаяся, маленько взбалмошная, чуть-чуть проститутка, но совсем не пустая.

Любила ли? Нет... Требуется? А куда денешься – но для этого есть сама... Получается, мужчина не нужен? Отнюдь, – нужны. То есть она не будет ничего предпринимать относительно Павла... Наверное он тот, кто мог бы стать самым близким. Конечно не Вовик, это попросту недоразумение.

Молодость, красота, умение нравиться и способность, подчиняясь, быть свободной. Вот ее! Именно отсюда сфера искусства, потому посредничество. Игра – свобода и зависимость. Она будет ведомой и притом колебать.

Прошла отличная деловая неделя. Появился Гехт, они часто виделись. Провели несколько вечеров вместе. Еще через неделю он сделал предложение:

– Буду откровенен, от Павла я знаю вашу историю. Ка-

жется, наш друг неравнодушен и хочет помочь. Это не значит, что я действую по его наущению... Итак, ситуация вас не вполне устраивает. Мы открываем представительство в Москве, люди с вашими данными очень бы подошли. С ответом торопиться не нужно.

Вскоре Светлана уехала в Екатеринбург. Вечером за ужином сделала сообщение, что уходит от Вовика и переезжает в Москву. Домашние приняли его спокойно. Отец глядел в тарелку, медленно жевал, в глазах стояло ровное тепло. Подпирала голову рукой сестра, она со своими прибыла повидаться, смотрела с улыбкой, пожалуй что и с одобрением. Категорически, но без плохого объявила мать:

– Артем останется у нас. Ты уж определись пока.

Мальчишка радостно встрепенулся, и у Светы съезжилось сердце. Плавали потом разговоры всякие, но уже без существа.

Через день купила билеты в Будапешт и четыре дня до отлета не могла найти себе места. Прочно, без надрыва и без ослабления сидел страх. Может, не надо в Венгрию заезжать? А как не ехать, без этого невозможно... Маячила тяжелая фигура Палыча. Да пошел он, козел старый, ярко, с наслаждением выплескивалось, вслед обратно тяжелело.

Надо думать, перебоялась, опустела. Будапештдохнул даже чем-то родным – плескался в коротких, легких дождях. Деревья, асфальт, люди безмятежно лоснились. Предупредить о приезде Светлана не стала, добиралась автобусом. В

самолете поспала, теперь была ясная, отрешенная. Дома никого не оказалось, настроение не поколебалось, когда брала ключи у дочери Михаила (дубликаты держали у них) и спросила: «Как мой?» – горько усмехнулась на это слово.

Резко качнулось самочувствие вечером, когда пришел Вовик. Он безмерно удивился, не обрадовался. Вел себя необычно, но Светлана не прочувствовала, отнесла на счет своего странного появления. Объявила холодно:

– Я ухожу от тебя.

Вовик промолчал, пошел в другую комнату, начал переодеваться. Затем, выйдя, ровно спросил:

– Кого-то встретила?

Светлана поймала в себе всплеск озорства, непроницаемо внешне, но внутри веселясь сказала:

– Да, он из Австрии. Буду жить в Москве. – Зачем-то добавила: – Пока.

Здесь Вовик удивил, начал смеяться. На такую реакцию Светлана никак не рассчитывала. Свои слова сказала глядя куда-то в стену, а теперь вперилась в мужа и не могла отвести взгляд. Тот смеялся задорно, от души, повалившись, в конце концов, на стоящее рядом со шкафом кресло.

А ночью начался кошмар. Раздался стук в дверь. Открыл Вовик. В комнату прошел Федор Палыч. Грубо спросил:

– В чем дело?

Светлана резко очнулась от сна, окуталась знойным негодованием.

– Это я хочу спросить, в чем дело?

– Какой еще австрияк, куда ты собралась?

Светлана быстро взглянула на Вовика, в тело ворвалась ненависть. Встала, набросила халат:

– Что происходит! Вы с какой стати врываетесь в мое жилье, и что это за допрос?

– Это мое жилье, сучка, и вопросы буду задавать я, – Федор Палыч смотрел тяжело и немилостиво.

Светлана расхохоталась и тут же захлебнулась от звонкой, нестерпимо жгучей пощечины. Она кинулась на мужчину, устремляясь вцепиться в лицо и задохнулась от громадного удара в живот.

Федор Палыч бил, она не могла кричать. Вовик, после колебания, прынул преградить, но его простенько повязал громила охранник. Сразу за первоначальными болью и шоком навалилось безмерное удивление, непереносимое чувство нереальности происходящего. Только когда двое охранников подвели ее к машине и впихнули на заднее сиденье, нагрянул ужас. Не перед смертью или истязанием – она об этом не думала – оттого что шла безвольно, не помышляя ни позвать на помощь, ни молить о послаблении.

Светлана не поняла, куда ее привезли, это не была квартира Палыча. Уж бледнело небо, окружающее покрылось очертаньями, в парке или лесу возник одинокий домик с прячущимися за ним постройками. Вообще говоря, было безразлично, тело, распятое болью, безнадежностью, плавало в гу-

стом сусле унижения.

Отчетливо помнила, как уже за рассветом долго говоривший что-то Федор Палыч – они находились вдвоем в комнате, Светлана сидела на диване, поджав под себя ноги – присел рядом и ласково, как делал не раз, обнял и девушка подалась, во всяком случае, не сопротивлялась.

В те дни он говорил чудовищно много. Света и предположить не смела, что человек может столько трепаться, но еще меньше догадывалась, что сама способна на состояния, которые случились. В первый же день Федор Палыч предложил кокаина, и женщина кивнула головой.

– Ты хочешь, в конце концов, посадить меня на иглу.

– Милая моя, неужели ты не понимаешь, я только хочу попроситься.

Вскакивал, взволнованно шагал по комнате.

– Я полюбил, теперь это безоговорочно. Уж упоминал, такое случалось, но сейчас иное. Нет возмущения, потому отпускаю. Ты первая, кто уйдет против моей воли... Мне нужна неделя, всего неделя. – Дяденька садился, зарывался в ее волосы. – Не пытайся убежать, будет хуже.

– Я не пытаюсь, – со слабой улыбкой отвечала Света.

Это были невероятные дни. Присутствовало все: восторг, ненависть, благодарность, отвращение. Накатывало наслаждение мелочами. Трещинка на стене становилась вершиной вещей, шквал постижения терзал организм. В другой раз заворожила спортивная передача по телевизору, целенаправ-

ленный удар и полет мяча представлялись последним достижением человечества. В какофонию превратилась попавшая на бой часов музыка... Очень нравились походы в туалет, производилось нечто глубокомысленное.

В небольшой миг захлебнулась от ненависти к Вовику – «Хипесник!» – тут же сникла: «Нет, он, по идее, славный малый. Зря Лиза умерла».

Почти все время ходила голой, редко набрасывала халат. Федор Палыч много фотографировал: снимал ее в акте с охранником, тот – Свету с Палычем. Говорили, много говорили. Раз, движимая выскочившим воспоминанием – беседовали на религиозные темы – покусилась:

– Я знаю, и ты, и Румянцев были на исповеди у священника. Зачем?

Вроде бы стушевался:

– Ерунда, какие исповеди...

Андрей, между прочим, появлялся. Подосадовал в короткое отсутствие коллеги:

– Пора тебе отсюда вырваться. Зря я вас спонталычил, не рассчитал.

Собственно, он и вывел из кошмара. Однажды посадил в машину, дал одежду, увез в Будапешт. Кстати, находились на территории завода. Неделю почти безвылазно провела в гостинице. Румянцев давал снадобья, нейтрализовал – впрочем, особенных мучений не наблюдалось. Много спала. Андрей появлялся каждый день: еда, то-се. Он и привез вещи.

Когда Светлана пришла в себя, ни стыда, ни отвращения, ни отчаянья, ни злости не испытывала. Присутствовала усталость, безмерная. Было невыносимо ехать в Россию, добилась Гехта, он, оказывается, располагался неподалеку. Увез к себе.

В Австрии Светлана пришлась кстати. Вводили в курс, месяца через два было назначено ехать в Москву и приступать к обязанностям. Жил Гехт на окраине Линца в большом аристократическом доме. С женой и девятилетней дочерью. Обслуга, гувернантка. Определили комнату, уют бесконечный.

Через месяц нашли мертвой. Обнаружили в городе, мрачном закутке. Скончалась от черепно-мозговой травмы. Гехт нашел ее в морге, через три дня. Основной версией выдвинули ограбление, поскольку из дома Светлана ушла с сумочкой и драгоценностями на себе, все исчезло.